

"Azərbaycan e-kitabı: rus dilində" 18 (89 – 2013)

Антология современная Азербайджанская литература

I Том - Мемуары

**ИЛЬЯС ЭФЕНДИЕВ, АНАР, ЧИНГИЗ ГУСЕЙНОВ,
НИДЖАТ МАМЕДОВ**

Представленная широкому кругу читателей книга состоит из Подобном формате – в сборнике азербайджанские авторы еще не выходили – и классики, и современники. Тем шире полотно и тем интереснее читать произведения столь разноплановых и разнохарактерных авторов. Тем более, что книга отражает всю палитру жизни Азербайджанского общества довольно большого периода. Антология уникальна в своем роде – подобного сборника в Азербайджане не выходило. Авторы расположены в книге в хронологическом порядке, это дает возможность проследить общую картину развития азербайджанской литературы, а также всего азербайджанского общества.

Kitab YYSQ tərəfindən e-nəşrə hazırlanıb.

2013

www.kitabxana.net

Milli Virtual Kitabxananın təqdimatında

"Azərbaycan e-kitabı: rus dilində" 18 (89 – 2013)

Bu elektron nəşr Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Gənclər Fondunun 2013-cü ildə maliyyə yardımı Müsabiqəsinin qalibi olmuş və bir hissəsi maliyyələşdirilən, Yeni Yazarlar və Sənəçilər Qurumunun <http://www.kitabxana.net> - Milli Virtual Kitabxananın həyata keçirdiyi "Rusdilli gənclər üçün Azərbaycan e-kitablarının hazırlanması, təqdimatı" - Kulturoloji-şəbəkə layihə çərçivəsində hazırlanıb və yayılır.

Elektron Kitab N 18 (89 – 2013)

Kulturoloji layihənin bu hissəsini maliyyələşdirən qurum:

Azərbaycan Respublikası Prezidenti yanında Azərbaycan Gənclər Fondu:
<http://youthfoundation.az>

Антология современная Азербайджанская литература

I Том - Мемуары

ИЛЬЯС ЭФЕНДИЕВ, АНАР, ЧИНГИЗ ГУСЕЙНОВ, НИДЖАТ МАМЕДОВ

Подобном формате – в сборнике азербайджанские авторы еще не выходили – и классики, и современники. Тем шире полотно и тем интереснее читать произведения столь разноплановых и разнохарактерных авторов. Тем более, что книга отражает всю палитру жизни Азербайджанского общества довольно большого периода. Антология уникальна в своем роде – подобного сборника в Азербайджане не выходило. Авторы расположены в книге в хронологическом порядке, это дает возможность проследить общую картину развития азербайджанской литературы, а также всего азербайджанского общества.

Kitab YYSQ tərəfindən e-nəşrə hazırlanıb.

YYSQ - Milli Virtual Kitabxananın e-nəşri N 18 (89 - 2013)

Virtual redaktoru və e-nəşrə hazırlayanı: Aydın Xan (Əbilov), yazar-kulturoloq

Layihə çərçivəsində rəqəmsal nəşrə hazırlanan və yayılan digər e-kitablarla burada tanış olun:

http://www.kitabxana.net/?oper=e_kitabxana&cat=142

Антология современная Азербайджанская литература

I ТОМ

Мемуары

ИЛЪЯС ЭФЕНДИЕВ

АНАР

ЧИНГИЗ ГУСЕЙНОВ

НИДЖАТ МАМЕДОВ

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

БАКУ - 2013

© YYSQ

СОДЕРЖАНИЕ

5. АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

18. ИЛЪЯС ЭФЕНДИЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

73. АНАР

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

(Гейдар Алиев)

156. ЧИНГИЗ ГУСЕЙНОВ

ВИТАЮЩИЙ ДУХ

(Из мемуарного повествования)

НИДЖАТ МАМЕДОВ

ДНЕВНИК

(Январь 2006 – март 2008)

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Древняя азербайджанская литература

Азербайджанцы принадлежат к разделенным по реке Аракс в силу исторических обстоятельств народам и занимают территорию, называющуюся Азербайджаном и примыкающую к юго-западному и южному Каспию. Она входила в течение многих веков в состав Персидской империи, и большая часть азербайджанцев, точнее, две трети ее, и поныне живет в Иране, а малая с 1813–1828 по 1917 обитала в Российской империи. В 1918–1920 северный Азербайджан был суверенным государством, в 1922–1991 входил в состав СССР, образуя союзную республику, а с 1991 – государство, представленное в ООН и других международных организациях.

Самоназвание азербайджанцев до начала 20 в. – огузы, тюрки, в российской империи – «закавказские татары» (при царизме все тюркские народы назывались «татарами», отличаясь по месту обитания: «казанские», «тобольские», «крымские», «кавказские» и т.д.). Нынешнее название общепринято как народом, так и международным сообществом.

В духовной истории азербайджанского народа можно выделить, начиная с незапамятных времен, ряд этапов: языческий (следы запечатлены в наскальных изображениях), зороастрийский (образцы устного народного творчества в текстах Авесты, культовые сооружения огнепоклонников, элементы быта, празднества), агвано(албано)-христианский (сохранившиеся и поныне агванские церкви, поэма Давдака На смерть великого государя Джеваншира), мусульманский (с принятием ислама в 7–8 вв). В основе традиций азербайджанской культуры – также древние общетюркские тексты.

Письменная азербайджанская литература восходит к традициям Ближнего Востока и в 7–11 вв. в связи с включенностью в орбиту ислама развивалась на арабском языке, а в 10–13 вв., наряду с арабским, – и на фарси, языке Персидской империи.

На родном языке литература бытовала в многообразном устном народном творчестве (песни любовные, обрядовые, трудовые, шуточные, героические, четверостишия-баяты или рубайи, двестишия-месневи,

сказки богатырские и бытовые, исторические сказания, притчи, прибаутки, анекдоты и т.д.).

Письменная поэзия на арабском и фарси достигла расцвета в Багдаде, Тебризе, Гяндже и Ширване и других культурных центрах Ближнего Востока. Известные поэты 10–14 вв. – Абульгасан Ардебили, Бакуи, Пир Гусейн Ширвани, Гатран Тебризи, Хатиб Тебризи, Мехсети-ханум Гянджеви, Абу-ль Ала Гянджеви, Низами Гянджеви, Хагани, или «Царственный», Фелеки Ширвани, Изеддин Ширвани, Шамс Тебризи, Авхади Марагаи, Ассар Тебризи были азербайджанцами.

Обрел славу Абу-ль Ала Гянджеви (12 в.), удостоенный титула «малик уш-шуара» («царь поэтов»). До нас дошли его социально-философские оды-касыды, отличающиеся виртуозностью стиля. Широкую популярность и успех имели газели, рубайи и касыды поэта Хагани (1120–1194), его поэма Подарок двум Иракам, в которой дано описание его путешествия по Ближнему Востоку, элегия Хабсие, или Тюремное, о превратностях судьбы.

Вершиной восточной поэзии явилось творчество крупнейшего мыслителя и гуманиста Низами Гянджеви (1141–1209). Его поэмы, объединенные в Хамсе, или Пятерице, – Сокровищница тайн (1177), Хосров и Ширин (1181), Лейли и Меджнун (1188), Семь красавиц (1197), Искандер-наме (1203, Книга об Искандере – Александре Македонском в 2-х ч.: Шараф-наме, или Книга славы, и Икбал-наме, или Книга судьбы), отразили в ярких характерах и занимательных сюжетах общечеловеческие идеи любви и верности, добра и благородства, философию жизни и смерти, губительные страсти наживы и властолюбия (поэту установлены два памятника в России – в Москве и Чувашии).

Во всех жанрах восточной поэзии творил поэт Авхади Марагаи (1274–1338). Его сборник стихов состоял из 15 тысяч бейтов-двустушии. Он автор поэмы Джамшид-Джам (1334), или Чаша Джамшида, мифологического царя, отражающая мирские события и судьбы людей, в которой выразил религиозно-философские и этические взгляды, воспел силу знаний, культ путешествий, величие труда.

Из обширного и многогранного художественного и научного наследия поэта и ученого Ассара Тебризи (1325–1390) сохранилась аллегорико-романтическая поэма Мехр и Муштари (1376), произведение, в котором воспеты благородные качества человека, его духовная красота, побеждающие низменные страсти, козни и коварства. Он автор большого труда Суждения о числе рифм по поэтике.

На азербайджанском языке письменная литература складывалась, начиная с 13 в., в творчестве поэта

Гасаноглу – до нас дошли две его газели: на азербайджанском и фарси. При этом надо заметить, что азербайджанская газель по форме столь виртуозна и богата поэтическими фигурами, отточена стилистически, что могла появиться лишь на лоне развитой азербайджаноязычной письменной литературы, так что можно отодвинуть вглубь хронологические рамки ее формирования. Среди образцов лирической поэзии – нравоучительная поэма анонимного автора Дастан-Ахмед Харамиди, а также Гиссеи-Юсуф Гул-Али. К 11–12 вв. относится формирование в качестве письменного эпического памятника ранее изустно бытовавших сказаний Китаби Деде Коркуд – Книга моего деда Коркуда на языке племени огузов (огузы – это азербайджанцы, туркмены и турки), созданного ритмизованной прозой и оказавшего влияние на последующее развитие азербайджанской литературы.

Высокие образцы поэзии на азербайджанском языке создал Насими, крупнейший поэт конца 14 в., автор большого сборника стихов. Он был также одним из идеологов движения хуруфидов, утверждавшего единство человека с Богом («Аллах – это я!»). Греховным считались его строки о величии человеческой личности: В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь, Я суть, я не имею места – и в бытие я не вмещусь... Я сотворение вселенной, – но в сотворенье не вмещусь... (перевод К.Симонова). С целью распространения идей хуруфизма поэт предпринял путешествие по Ближнему Востоку, и в городе Алеппо был схвачен толпой фанатиков и казнен – с него живьем содрали кожу.

Значительно поэтическое наследие Хатаи, он же – Шах-Исмаил I (1485–1524), родоначальника тюркской шахской династии Сефевидов в Персидской империи, при правлении которого азербайджанский язык был объявлен вторым государственным языком страны. Им был создан большой сборник лирических стихотворений, ряд других произведений назидательного, философского характера: поэма Дех-наме (Десять писем), Насихат-наме (Книга нравоучений), газели о любви, вечной душе, духовном величии человека: До сотворения мира началом начал был я... Аллахом, который небо и землю зачал, был я... Тем, кто в неверном мире все отрицал, был я... (перевод Б.Лебедева и Л.Кацнельсона). Хатаи написал первую поэму на азербайджанском языке на распространенную в восточных литературах библейскую тему об Иосифе Прекрасном Юсиф и Зулейха.

В поэтическом ряду выдающихся азербайджанских поэтов следует назвать Хабиби (1470–1520), заслужившего при дворе шаха Исмаила Хатаи титул «царя поэтов». Он был учителем великого поэта-философа Физули (1498–1556), с именем которого связан расцвет азербайджанской литературы.

Физули жил и умер в священном для мусульман городе Кербела, где покоится прах имама Гусейна, внука пророка Мухаммеда, и здесь изучил философские и богословские науки, историю, логику, поэтику и стихосложение, восточные языки. Творил, главным образом, на азербайджанском, но оставил немало сочинений на арабском языке и на фарси. В традициях восточной поэзии псевдоним поэта

непрерывно упоминается в последних строках сочинения; стихи его, насыщенные яркими образами, стремительно распространялись, и он, дабы уберечь их, оградить от присвоения чужими, избрал неблагозвучный, отталкивающий псевдоним «Физули», т.е. «человек, сующий нос не в свои дела». Славу Физули принесли его газели, а также лиро-эпическая поэма Лейли и Меджнун (1537), в которой любовный сюжет одноименной поэмы Низами разработан на азербайджанском языке с опорой на традиции устной народной литературы. Он воспел Слово, которое из истины силу берет. Если слово захочет, будут море и суша покорны ему. И куда б я его не послал, слову чужды почет и казна. Слово, взявши страну, никого не заточит в тюрьму (перевод Вл. Луговского).

Физули явился также родоначальником художественной прозы на родном языке – остро-социального повествования Шикает-наме (Книга жалоб, пригл. 1550) о тяготах жизни, о преступном безразличии власть имущих к бедам народа, создал ряд аллегорических рассказов, притч, поэм – Гашиш и вино, Спор плодов, Семь чаш, Друг сердца, Здоровье и недуг, Гуляка и аскет. Философский трактат Восход верований, созданный на арабском, свидетельствует о всесторонней образованности Физули, вовлекающего в сферу рассмотрения труды и взгляды Платона, Аристотеля, Гераклита, интерес к которым на мусульманском Востоке в средние века был велик.

Литература 18 – нач. 20 вв

Формирование на языке народа новой азербайджанской литературы обозначилось в многогранном творчестве Вагифа (1717–1797), поэта и государственного деятеля, везира Карабахского ханства, его современника и друга Вагифа, почти всю жизнь прожившего в Грузии при дворе грузинского царя Ираклия II, Нишата Ширвани (ум. в 1766), Ага Масиха Ширвани (18 в.) и Видади (1709–1809).

Ага Масих Ширвани – автор пятистиший-мухаммасов, газелей, воспевающих любовь, услады жизни, отцовство, красоту природы, осуждающих бесчестие и лицемерие. До нас дошли отрывки из его поэмы Шахнаме (подражание одноименной эпопее Фирдоуси), посвященной правителю Кубинского ханства Фатали-хану (1736–1789), который пытался объединить разрозненные вассальные азербайджанские ханства в единое независимое государство.

Поэт-философ, лирик, певец любви Вагиф до совершенства довел на азербайджанском языке формы письменные (газель, мухаммас, мустезад, месневи и др.) и народно-поэтические (гошма, таджнис), получившие в дальнейшем широкое развитие в литературе.

Первые образцы устной народной поэзии певцов-ашиков, которые сочиняли мелодии к своим стихам и исполняли их на музыкальном инструменте – сазе или кеманче, относятся к 15–17 вв. (Курбани, Диварганлы Аббас, Сары-ашик), но расцвета она достигает в 18 в. (Хаста Касум, Дилгам Валех, Шиксте Ширин, Саят-Нова – он творил на трех языках: армянском, грузинском, но более всего оставил песен на азербайджанском).

Получают популярность устно-поэтические памятники: героический эпос Кероглу, героико-романтические дастаны-сказания Шах Исмаил и Ашик Гариб, драматические любовные сказания Асли и Керем, Аббас и Гюльгез, демонстрирующие синтез жанров: поэзии и прозы, поэзии и драматургии. Развиваются поэтические формы баяты и рубаи, сложнофигурные гошма, виртуозные «додагдеймез», т.е. стихи, построенные на губынекасаемых звуках, и.т.д.

Прославился дастан Асли и Керем о любви мусульманина Керема к христианке Асли с редким для произведений народного творчества трагическим финалом – гибелью влюбленных в результате козней отца девушки Кара-Кешиша, «Черного священника». Сюжет был популярен на Кавказе, в Средней Азии, на Ближнем Востоке.

19 в. – новая эра в истории литературы, связанная с изменением социо-культурной ориентации народа в результате присоединения к Российской империи всех азербайджанских ханств к северу от реки Аракс в ходе двух русско-персидских войн первой трети века. Здесь следует прежде всего назвать писателя, ученого-историка, просветителя и общественного деятеля, сына бакинского хана Мирзы Мухаммеда II (1784–1791) Бакиханова Аббаскули Ага (1794–1847), чей псевдоним «Гудси», т.е. «посетивший эль-Гудс», означающий «Святыня», – Иерусалим.

Бакиханов служил в Кавказском корпусе под началом генерала А.Ермолова и, как знаток арабского, персидского, тюркского и русского языков, был приглашен переводчиком в Тифлис – канцелярию царского наместничества на Кавказе, прослужил до чина полковника, участвовал в 1826–1829 в войнах России с Персией и Турцией, выступал переводчиком на переговорах А.С.Грибоедова с сыном шаха Ирана – наследным принцем Аббас-Мирзой при заключении Тюркманчайского договора 1828. Бакиханов предпринял в 1833 путешествие по России, был в Петербурге, Варшаве, Риге, Одессе, познакомился с А.С.Пушкиным. Среди друзей Бакиханова – В.К.Кюхельбекер, А.А.Бестужев-Марлинский, деятели армянской и грузинской культур Х.Абовян и А.Чавчавадзе, польский поэт Тадеуш Заболоцки. С именем Бакиханова связано развитие художественной прозы: он автор лирико-романтической повести Книга об Аскере (1830), восходящей к традициям народно-поэтических

сказаний, построенной на чередовании прозы и поэзии. Художественное творчество Бакиханова включает сатиру (Обращение к жителям Тебриза, Жалобное послание крестьян к шаху), любовную лирику, басни, в т.ч. переводы из Крылова, повествовательные стихи автобиографического характера, стихи-письма, сочинения религиозно-философские, просветительские (Тайны небес, Книга наставлений, Улучшение нравов, Собрание святостей и др.), утверждающие идеи демократизма и свободомыслия, пользу знаний, жизнь по этическим заповедям. Одно из его значительных произведений – историко-географический труд Гюлистан-Ирем (Райский цветник, 1843–44), излагающий историю Азербайджана и Дагестана с древнейших времен до присоединения к России в 1813.

К образцам прозы в этот период относятся также сочинение сына последнего хана Куткашена Насрулла Солтана – Исмаил-бека Куткашенли (1801–1861), царского офицера, дослужившегося до чина генерала, автора сентиментальной повести Рашид-бек и Саадет-ханум, созданной на французском языке и опубликованной в Варшаве (1835), а также путевого дневника о паломничестве-хадже в Мекку и Медину.

Новым словом в азербайджанской литературе явилась социальная сатира К.-бека Закира (1784–1857), бичующая пороки своего времени, лихоимство чиновного люда, жадность купцов, жестокость помещиков.

Продолжателем философско-любовной лирики азербайджанских поэтесс-женщин, прежде всего, Мехсети-ханум Гянджеви (12 в.), выступила Хуршид-Бану Натеван (1830–1897), или «Хан-кызы», дочь Мехти-Кули-хана, последнего хана Карабаха из династии Джеванширов. В те годы под влиянием поэта-просветителя С.А.Ширвани (1835–1888) в Шемахе, Баку, других городах Азербайджана появляются литературные меджлисы-кружки. Знаменит был поэтический кружок Натеван в Шуше.

В творчестве М.Ф.Ахундова (1812–1878), писателя, реформатора языка, философа-материалиста, высокообразованного человека своего времени азербайджанская литература обрела новую реалистическую направленность. Ахундов первый понял значимость в развитии национальной литературы творческого взаимодействия, контактов и связей с русской литературой – его элегическая поэма На смерть Пушкина, созданная по горячим следам гибели поэта, была переведена А.А.Бестужевым-Марлинским и опубликована в том же 1837 в журнале «Московский наблюдатель». Шесть пьес Ахундова о нравах современного общества (1850–1855) и повесть Обманутые звезды (1857) оказали существенное влияние на последующее развитие азербайджанской литературы.

В тот же период просветителем и ученым-естествоиспытателем Г.Зардаби (1837–1907) впервые издавалась на азербайджанском языке газета «Экинчи» («Пахарь», 1875–1877), которая заложила основы демократической печати в Азербайджане.

20 в. начался под знаком подъема национально-общественного самосознания, развития политической активности народа в результате революционных событий 1905 и февраля 1917. Появились школы с преподаванием на родном языке, издавалось множество газет и журналов: «Шарки-Рус» («Русский Восток»), «Хаят», «Седа», «Гюнеш» «Иршад», «Молла Насреддин», «Дебистан», «Фиюзат», «Бахлул» «Зембур», «Мектеб» и др., создавались реальные условия для интенсивного развития литературы, формирования крупных творческих индивидуальностей. Среди них следует, прежде всего, назвать драматурга Н.-бека Везирова (1854–1926), прозаика, драматурга, издателя Дж. Мамедкулизаде (1866–1932), поэта Сабира (1862–1911).

Везиров Наджаф-бек создал, подобно А.Островскому в русской литературе (его называли «азербайджанским Островским»), драматургическую школу. Его комедии, драмы, трагедии (Сценка домашнего воспитания, Нет корабля без якоря, Камень, брошенный вослед, угодит в пятку, Имя есть, а самого нет, Из дождя да в ливень, Горе Фахраддина, Страсть к наживе и др.) способствовали развитию азербайджанского театра.

Один из титанов азербайджанской литературы, поэт Сабир продемонстрировал неисчерпаемые возможности азербайджанского языка, насытил стих острыми социально-политическими идеями, яркой многокрасочной образностью и экспрессивностью, создал поэтическую школу. Одно из первых произведений Сабира – К согражданам мусульманам и армянам (1905) направлено против тех, кто провоцирует вражду между азербайджанцами (в стихотворении – «мусульмане») и армянами: Какой же дьявол злой стучится в братский дом?.. / Вот оглянись кругом: резня по городам, убийства и погром!.. (перевод П.Антокольского). Он широко использовал в поэзии формы внутреннего монолога, диалогические формы, уходящие корнями в традиции азербайджанской народной литературы. Сабир сказал о собственном народе много горького, клеймил его пассивность и незрелость. Впервые в азербайджанской литературе примененный им прием саморазоблачения персонажа, отточенный до совершенства, – настоящее художественное открытие. В самоизлияниях власть имущих их откровенность дана на уровне цинизма, искажены понятия и представления о добре, запятнана честь, ибо высшая их цель – страшать и насильничать ради наживы. Всю нацию собрав в кулак, сумей ее увлечь! / О благе ближних толковать да не скупится речь! / Привычны мы валить и бить, кромсать, топить и жечь! / И в кровь загнать коней своих, и головы отсечь! / Свобода? Равенство? Ну да: за строем строй идет! / Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет! (перевод Г.Асанина).

Дж.Мамедкулизаде известен под псевдонимом популярнейшего на Востоке персонажа – Моллы Насреддина, ибо выпускал одноименный журнал (1906–1931), сыгравший значительную роль в развитии азербайджанской литературы. Один из азербайджанских литераторов, перефразируя Достоевского, который сказал, что «все русские писатели вышли из Шинели Гоголя», утверждал, что азербайджанские писатели вышли из Почтового ящика Мамедкулизаде. Этот рассказ, как и все его многогранное творчество – цикл повествований Пропажа осла о событиях в деревне со знаменательным названием Данабаш, или Телячьеголовый, притча Конституция в Иране (Иран тут – метафора деспотического государства, где народ не понимает, что такое «конституция», данная ему шахом, и каждый жаждет скорее получить свою долю от этой конституции, которая оказывается ни к чему непригодным клочком бумаги), рассказы Уста Зейнал, Петух Пирверди, драматургия (в частности, пьеса Мертвецы), обозначили начало новой эры в азербайджанской литературе. Произведения пронизаны тонким психологизмом, любовью и болью, отражают типические черты народа: его благородство и социальную пассивность, стремление к лучшей доле и духовную незрелость, жажду справедливости и засилие предрассудков. Общеизвестно, что литературы, большие и малые, более или менее известные, развиваются во взаимодействии друг с другом. Пять поэм великого Низами, о чем было сказано выше, вызвали множество иных «пятерниц» в литературах народов Востока: сюжеты в них схожи, но каждый писатель находит свое неповторимое в заранее заданном повествовании. Комедия Мертвецы Мамедкулизаде перекликается с Мертвыми душами и Ревизором Гоголя. Недаром Мамедкулизаде в эпиграфе к одному из своих рассказов воскликнул: «Да благословит Аллах твою память, Гоголь!»

В Мертвецах писатель затрагивает важнейшие проблемы человеческого сообщества, бытия сородичей, вскрывает нравственные, этические проблемы своего времени. В азербайджанский захолустный городок прибывает авантюрист, выдающий себя за Святого, который обладает даром воскрешать мертвых, но когда наступает время реального воскрешения умерших, случается неожиданное: каждый, кто еще недавно иступленно просил за родных и близких, отказывается от своей просьбы – прошли первые сердечные порывы, наступило отрезвление: сын не желает воскрешения отца, ибо наследство уже поделено, вдова вышла замуж за другого и вовсе не желает, чтобы воскрес первый муж, брат наложил лапу на имущество брата и т.д.

Журнал «Молла Насреддин» Мамедкулизаде сформировал плеяду выдающихся писателей. Среди них следует назвать драматурга и прозаика Абдурагимбека Ахвердова (1870–1933), который в годы учебы в Петербурге написал произведения на родном языке: комедию Поешь гусятины – познаешь вкусятины (1892), трагедии Разоренное гнездо (1896) и Несчастный юноша (1900) о крахе патриархальных устоев, сатиру Колдунья Пери о силе косности и предрассудков, историческую драму Ага Мухаммед-шах Каджар (1907) о критике деспотического правления. Впоследствии на страницах журнала «Молла Насреддин» публиковал сатиры и юмористические рассказы Письма воскресшего из ада, Бомба, Мои олени, Путешествие Мозалан бека, Святой очаг, Сборище святош, Шейх Шабан, в которых подвергал критике нравы своего времени, стяжательство и корыстолюбие власть имущих, алчность служителей

культы.

Видную роль в развитии азербайджанской литературы конца 19 – начала 20 вв. сыграл Нариман Нариманов (1870–1925), публицист, драматург, прозаик, государственный деятель, председатель ЦИК СССР (похоронен на Красной площади), автор трагедий Невежество (1894) и Надир-шах (1899), «маленького романа» Бахадур и Сона (1896–1908) о трагической любви азербайджанца и армянки, переводчик Ревизора Гоголя (1892).

Литература 1920–1980 гг

Значительным этапом в развитии литературы стал советский период (1920–1980), ознаменованный успехами во всех видах, жанрах и стилях. Азербайджанская литература в лучших образцах вышла на мировую арену, стала, благодаря переводам на русский язык, известной многим народам. Наряду с традициями собственной литературы, в русле которых она развивается, появились новые тенденции, связанные с влиянием литератур русской и других народов СССР, с которыми азербайджанская словесность включилась в процесс активного взаимодействия в системе единой советской литературы.

Поэзия расширила тематические горизонты, стала многообразной по стилевой палитре, выразительно-изобразительным средствам. Среди множества достойно представляющих азербайджанскую поэзию имен, исчисляемых десятками, следует, прежде всего, назвать Самеда Вургуну (1906–1956, именем поэта названа улица в Москве) – лирика, драматурга, видного общественного деятеля, переводчика на азербайджанский романа в стихах Пушкина Евгений Онегин. Стихотворение С.Вургуну Азербайджан стало поэтическим гимном родины: Можно ли душу из сердца украсть? – Никогда! / Ты – дыханье мое, ты – мой хлеб и вода! / Престо мной распахнулись твои города. / Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан, / Азербайджан, Азербайджан!

В наследии поэта Шахрияра (1905–1988) не только осуществился синтез творчества на двух языках: фарси и азербайджанском, но была выражена – в знаменитой поэме, созданной на азербайджанском, Привет горной гряде Гейдарбаба! – идея единства разделенных культур азербайджанского народа. Сулейман Рустам (1906–1989) – поэт острой социальной проблематики, певец родного края; Микаил Мюшфик (1908–1939), в чьих эпических поэмах и лирике отразилось духовное богатство народа; Расул Рза (1910–1981) – реформатор азербайджанского языка.

Известны поэты старшего, среднего и младшего поколений: А.Джавад (1892–1937), Мамед Рагим (1907–1977), О.Сарывелли (1905–1990), М.Дильбази (1912–2002), Н.Рафибейли (1913–1981), А.Вахид (1895–1965), Г.Ариф (1924–1992), Габиль (1926), А.Керим (1931–1969), Н.Хазри (1924), Б.Вагабзаде (1925), А.Кюрчайлы (1928–1980), Х.Р.Улутюрк (1932–1994), М.Араз (1933), Дж.Новруз (1933–2003), Т.Байрам (1934–1991), Ф.Мехти (1934–2003), Н.Гасанзаде (1931), М.Исмаил (1939), Ф.Садых (1930), В.Самедоглу (1939), Ф.Годжа (1935), С.Рустамханлы (1946), Р.Ровшан (1946), М.Якуб (1937), В.Баятлы–Онер (1949), Н.Набиоглу (1954) и др.

Развивалась ашикская поэзия, продолжившая устно-поэтические традиции азербайджанской литературы, – философичная, афористичная, яркая образностью, богатая игрой слов: Ашик Алескер (1821–1926), оставивший богатое многожанровое наследие, Г.Бозалганлы (1868–1941), Ашик Шамшир (1893–1980), Г.Джаван (1916–1985), Панах (1926–1978).

В 20 в. в литературе Азербайджана рождается жанр эпопеи (Тебриз туманный М.С.Ордубади (1872–1950), Война Абульгасана (1904–1986), Шамо С.Рагимова (1900–1983), Половодье М.Гусейна (1909–1965), исторический роман (В крови Ю.В.Чеменземинли (1887–1943), Зангезур Э.Аббасова (1905–1957), Манифест молодого человека Мир Джалала (1908–1978), Наступит день М.Ибрагимова (1911–1993), Буйная Кура И.Шихлы (1919–1995), Мост Худаферин Ф.Керимзаде (1937–1989), Звучит повсюду голос мой А.Джафарзаде (1921–2003), Фатальный Фатали Ч.Гусейнова (1929) и др.). Формируется остро-социальная психологическая проза: рассказы С.Гусейна (1887–1937) и Т.Шахбази (1889–1938), повести Саз и Звук свирели И.Гусейнова (1928), романы Ивы над арыком И.Эфендиева (1914–1996), День казни Ю.Самедоглу (1935–1998), Белый верблюд Эльчина (1943), Аран С.Ахмедова (1930), Когда совесть молчит В.Бабанлы (1927), Мельница и Кочевье М.Сулейманлы (1943), В тупике С.Азери (1938), Белый лиман и Шестой этаж пятиэтажного дома Анара (1938), Люди и деревья А.Айлисли (1937), рассказы Афга (1957), сатирическая проза С.Даглы (1921–1983), С.Кадырзаде (1923–1987) и др.

Появились исторические трагедии: Сатана, Пророк и Хромой Тимур Г.Джавида (1882–1941); социально-психологические пьесы Дж.Джабарлы (1899–1934) Севиль и Алмаз; героико-романтическая пьеса С.Вургун Вагиф, лирические (Ширванская красавица Э.Мамедханлы (1913–1990), пьесы на нравственно-этические темы, сатирические (Алигулу женится С.Рахмана (1910–1970), Приговор звезд А.Мамедова (1930–2003), Глазной врач И.Сафарли (1923–1974) и мн. др.

Развивалась детская и юношеская литература – рассказы А.Шаика (1881–1959), М.Рзакулизаде (1905–1984), повесть Кулик С.Велиева (1916–1992), стихи Х.Алибейли (1920–1990), Т.Эльчина (1924–1992)).

Формировалась мемуарная литература: Воспоминания Будага А.Велиев (1901–1983), Дни минувшие М.Сулейманова (1912–2002), Отец и сын А.Шарифа (1895–1988), Без вас Анара и др.

Рождается литературоведение и критика, исследующие историю литературы, этапы ее развития, жизнь и творчество ее выдающихся представителей, генетические, контактные и типологические связи с русской, тюркоязычными и мировой литературой, фольклор, жанры и стили литературы, ее текущий процесс: Б.Чобанзаде (1893–1937), А.Заманов (1911–1993), М.Ариф (1904–1975), М.Рафили (1905–1958), Г.Араслы (1909–1983), Дж.Джафаров (1914–1973), М.Джафар (1909–1992), Акрам Джафар (1905–1991), Г.Мамедли (1897–1994), А.Мирахмедов (1920–2001), К.Касумзаде (1923–1993), Ш.Курбанов (1925–1967), Я.Караев (1936–2002), Б.Набиев (1930), К.Талыбзаде (1923), Г.Алиев (1930–1984), Оруджали (1914–1991), А.Гаджиев (1935–1999), Г.Гулиев (1935), Г.Алибекова (1928), Ф.Велиханова (1935), В.Юсифли (1948) и др.

В рамках азербайджанской литературы развивается эмигрантская южно-азербайджанская литература выходцев из Ирана с мотивами патриотизма, национально-освободительного движения (поэты Б.Азероглу (1921), М.Гюльгюн (1926–1991), С.Тахир (1926), О.Биллури (1926), романисты П.Макулу (1902–1971), Ф.Хошгинаби (1922–1989)).

Формируются русскоязычные азербайджанские писатели: А.Зохраббеков (1909–1946), И.Касумов (1918–1981), Г.Сеидбейли (1920–1980), С.Мамедзаде (1935) Н.Расулзаде (1949), М.Векилов (1939). Достоянием мирового читателя становятся романы и повести М.Ибрагимбекова (1935), проза и драматургия Р.Ибрагимбекова (1939), серия детективных романов родоначальника жанра в азербайджанской литературе Ч.Абдуллаева (1959), поэзия А.Ахундовой (1939).

Осуществляются переводы мировой классики: Шекспира (Т.Эюбов (1916–1977)), Данте и Есенина (А.Кюрчайлы), Шота Руставели и Пушкина (С.Вургун), Л.Толстого, Флобера, Горького (Э.Мамедханлы), Лермонтова (Г.Ариф), Тургенева, Белля (А.Айлисли), Пастернака, Мандельштама, Ахматовой (В.Баятлы), А.Тарковского (А.Салахзаде), Навои, Мусы Джалиля (А.Зиятай) и мн. др.

Азербайджанская литература испытала негативные последствия советского периода: ни один жанр не избег разработки проблем идеологической направленности, поэтизации революционного насилия, воспевания партии, коммунизма, хотя в лучших образцах сохраняла верность гуманистическим традициям, правдиво отражала реальные противоречия; в угоду классовости отрицались вековые устои народной жизни, традиционной духовности; многие произведения устно-народного творчества были

объявлены реакционными. Существовал диктат цензуры. Подверглись репрессии видные писатели (поэты Мюшфик, А. Джавад, Г. Джавид, С. Гусейн, Т. Шахбази, Ю. В. Чеменземинли, М. К. Алекперли и мн. др.).

В литературе конца 20 – начала 21 вв., особенно после обретения Азербайджаном государственной независимости (1991), интенсивно переосмысливается недавнее прошлое с позиций общечеловеческих ценностей (документально-художественная публицистика Р. Гусейнова (1955) Династия Рафибейли и Частички нации, утопические и антиутопические сказки Белый овен, черный овен Анара, романы Некролог С. Сехавета (1946), Подводные бои Ю. Гасанбека (1932), Обороты жизни С. Ахмедли (1930), документальная повесть Мамед Эмин Расулзаде В. Султанлы (1958), проза Б. Азероглу Годы жизни минувшие и др. Авторы обращаются к ранее запретным по идеологическим мотивам явлениям и фигурам далекого исторического прошлого Азербайджана (двухтомный роман Д. Насиба (1942–2003) Джебваншир и Страна без Джебваншира), к кораническим темам, определяющим образ жизни народа, его этику (роман Ч. Гусейнова Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина о пророке Мухаммеде). Идет процесс собирания и восстановления всего богатства литературы, которое оказалось не востребованным, нового ее прочтения и интерпретации, включения в культуру такого богатого ее пласта, как литература зарубежья, – работа здесь только началась, и каждый год выявляет все новые имена. Это труды философа А. Гусейнзаде (1864–1940), литературоведа и публициста А. Агаева (1869–1939), видного лингвиста-тюрколога А. Джафароглу (1899–1975), культуролога, публициста, крупного общественного деятеля, одного из создателей Азербайджанской демократической республики М. - Э. Расулзаде (1884–1955), поэзия И. Алмасзаде (1907–1952), проза У. Банин (1905–1994) – будучи из знатного бакинского рода, она эмигрировала в юном возрасте во Францию, стала известным франкоязычным писателем, создала повести Кавказские дни и Парижские дни. Уже многие годы не прекращаются споры вокруг авторства одного из ярких произведений азербайджанской литературы – романа Али и Нино Курбан Саида (есть предположение, что это псевдоним Ю. В. Чеменземинли), в котором раскрыты быт и нравы Баку начала 20 в. – города между Востоком, от которого он стремительно уходил, и Западом, к которому он так и не успел придти, и все это связано с нефтью, из-за чего Азербайджан был и остается лакомым кусочком для могучих государств.

Чингиз Гусейнов

Литература

Азәрбайжан ядыбиййаты тарихи («Ист. азерб. лит.» в 3-х тт.). Баку, 1957–1960

Антология азербайджанской поэзии в трех томах. Вступительная статья, М., ГИХЛ, 1960

Азәрбайжан совет ядыбиййаты тарихи («Ист. азерб. совет. лит.» в 2-х томах), Баку, 1967

Гядим вя орта ясрляр Азәрбайжан ядыбиййаты («Азербайджанская литература древности и средних веков»). Баку, 1982

Язиз Мирящмядов. Азәрбайжан ядыбиййатына даир тядгигляр (XIX–XX ясрляр) (Азиз Мирахмедов. «Исследования по азербайджанской литературе»). Баку, 1983

Йашар Гарайев. Тарих: йахындан вя узагдан «Яшар Караев. История: вблизи и на расстоянии»). Баку, 1996

Камал Абдулла. Сирричиндя дастан вя йахуд эизли Дядя Горгуд-2 (Кямал Абдулла. «Таинства дастана или сокрытый Деде-Коркут-2»). Баку, 1999

Рафаел Гусейнов. «Миллятин зярряси» (Рафаэль Гусейнов. «Частички нации»), Баку, 2001

ИЛЪЯС ЭФЕНДИЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

Что случилось с «райским садом» Гаджи Ахунда (1)?

За большими железными воротами, обращенными в сторону шушинского плато «Джидыр-дюзю»², возвышалось могучее, ветвистое ореховое дерево. За этим деревом по склону простирался живописный сад Гаджи Ахунда Моллы Шукюра. Здесь радовали глаз прекраснейшие в мире розы, благоухала сирень, цвели ворсистые гвоздики, посаженные ханской дочерью поэтессой Натаван, щедро плодоносили груши, яблони, черешни. По весне цветущей фатой покрывались яблони, груши, вишни, источавшие свой неповторимый аромат. Цвет алычи был кипенно-белым, у айвы – с розоватым оттенком. Входящего в сад весной опьяняла эта симфония благоухающих цветов. И сад казался райскими кущами, сотворенными на земле. Но этот сад был взращен не рабами по велению египетского фараона, обожествляющего себя и желавшего создать эдем на земле. Этот земной райский сад сотворил своими руками предстоятель шушинской мечети «Таза-Пир» Гаджи Ахунд Молла Шукюр...

В центре сада стоял шести-или семикомнатный дом с верандой, при доме – кухня, при кухне – старинная тендирхана (для выпечки домашнего хлеба). Все это было построено средствами и стараниями Ахунда. Большой зал служил гостиной для приемов и библиотекой Ахунда, вдоль стен были сложены книги на арабском, персидском, тюркских языках; пол был застелен коврами. Три окна смотрели в сад.

В мои детские годы наша семья на лето перебиралась в Шушу. В ту пору в особняке проживали вдова Ахунда, тетя моей матери, Беяз-ханум, ее сын Мирза Мамед с женой Ясемен и двумя дочерьми. Старшая дочь Сария приходилась мне ровесницей, а младшей было лет девять или десять. Обе красавицы. Будто Аллах сотворил их сообразно очарованию сада, взращенного хозяином... Мирза Мамед, оказывается, возглавлял Шушинский уезд при мусаватской власти. А в советское время занимался садом – памятью о своем отце.

Я не видел Гаджи Ахунда. О нем наслушался увлекательных, захватывающих рассказов от моей матери, Бильгеис-ханум. Я был так заворожен этими рассказами, что и по прошествии долгих лет, изобиловавших превратностями судьбы, помню во всех подробностях те благословенные летние дни, переживания и впечатления от жизни в доме Ахунда.

До сих пор у меня перед глазами божественные часы и дни, неразлучно проведенные с очаровательной, чернобровой, черноглазой и улыбчивой Сарией – то в саду, то на приволье Джидыр-дюзю... Я говорю «божественные часы»... В чувствах, пережитых мною, а может быть, и той прекрасной девочкой, было нечто, трудно выразимое словом, необычайное, божественно-трепетное... Мы не могли друг без друга. Все время гуляли, кружили среди тех роскошных цветов и трав, но не вели каких-то содержательных разговоров. Я был от природы мальчиком замкнутым. Но воображению грезились удивительные миры, и сердце жило удивительными чувствами.

В детстве я наслушался от старой бабушки моей Фатмы-ханум рассказов о рае, райских гуриях, ангелах, райских плодах. И Сария, казалось мне, и ее русоволосая прелестная сестренка Хавва, – сущие

ангелы. И их нельзя было отделить от красоты этого сада, от благоухания цветов...

В этом великолепии был островок вечного безмолвия, нависшего над могилами старшего сына Ахунда от первой жены, выучившегося на врача в Тегеранском университете, и его же дочери... Говорили, что Ахунд при жизни позаботился обустроить и свой последний приют, и в религиозные праздники набожные люди приходили почтить его память.

И то, что Гаджи Ахунд обрел вечный упокой рядом со своими безвременно ушедшими чадами, на лоне цветущей природы, придавало этому саду, завещанному им людям, особую, божественную красоту.

В моем детском сознании никак не укладывалось, что Гаджи Ахунд, сотворивший это чудо, дедушка Сарии, умер. Я не мог представить, что какая-либо печаль способна омрачить вечно светящиеся улыбкой черные глаза Сарии. Порой мне казалось, что Гаджи Ахунд слышит смех своей прекрасной внучки...

Ясемен-ханум не позволяла дочерям лазить на деревья. Потому я, взобравшись на высокие яблони, груши, черешни, срывал плоды и ягоды и сбрасывал их в подол Сарие... Потом, усевшись на мягкой, как шелк, горной траве, мы со вкусом лакомились ядерной черешней, сочными грушами «мелече», росшей только в Шуше. Боже, как все было прекрасно, – и сквозистые, светящиеся кроны черешен, и Сария, и ласковое дуновение с Джидыр-дюзю... И душа моя, склонная к безотчетной меланхолии, была охвачена неизъяснимой, упоительной радостью... И радость моя была нерасторжима с благоуханием садовых цветов, с ветерком, пропахшим душистым чабрецом, росшим среди замшелых скал на краю Джидыр-дюзю...

Летом люди из равнинного Карабаха отправлялись отдыхать в Шушу. У отдыхающих здесь было два излюбленных места для гуляний: одно – знаменитое Джидыр-дюзю, другое – на противоположном краю города, у дороги, ведущей на Агдам, и называлось оно «Эрим-гяльди» 3. □ Так именовалась круча, с которой просматривали дорогу шушинские женщины, ожидавшие возвращения своих мужей... И по четвергам они поднимались по серпантину дороги, – кто на фаэтонах, следующих друг за другом, кто на статных породистых карабахских скакунах. И везли с собой с арана-низины поспевшие арбузы, виноград. По пятницам исходивший с подворий аппетитный запах шашлыка растекался по всей округе. По вечерам трио во главе с Ханом 4 усаждало слушателей на Джидыр-дюзю, а группы певцов Бахадура, Гачайбалы – на «Эрим-гяльди». Мы, ребяташки, всегда с матерью поднимались погулять на Джидыр-дюзю.

Как я говорил, сад Гаджи Ахунда подступал к Джидыр-дюзю который сам по себе являл легендарное зрелище. Платья девушек, сшитые из розового, алого шелка, канауса, напоминали море альпийских цветов. Жизнь, кипевшая на горном приволье, расцвеченная магией мугамов, исполнявшихся молодым и красивым Ханом Шушинским, была, действительно волшебной сказкой...

Отец привозил нас на фаэтоне в Шушу, а сам возвращался в аран по своим делам; иногда верхом на лошади по короткой дороге «Моллы Насреддина» наведывался к нам; однажды приехав на лошади, из-за спешного дела в Агдаме укатил на фаэтоне, оставив скакуна в Шуше. Этот гнедой конь по кличке

«Гёйдемир» славился красотой на весь приречный Карабах. Наш нукер по имени Мисир пас коня на выгоне, примыкавшем к Джидыр-дюзю. А во время скачек выводил и его на бега. Были два предмета моей детской гордости: первое то – что наш Гёйдемир не проигрывал ни разу на бегах, второе – искусная стрельба из пистолета моего отца. На празднике Новруз я не однажды видел, как отец на спор подбивал выстрелом подброшенные высоко яблоко, яйцо...

Между конем Гёйдемиром и мною существовала бессловесная, трепетная дружба. У себя дома я украдкой набивал карманы кишмишом, подсыпал в ясли с ячменем, предназначенным коню, и любовался, с каким аппетитом он уминает подслащенный корм. А в Шуше, когда я с Сарией ходил на выгон, где пасся на привязи Гёйдемир, он взирал на меня большими фиолетовыми глазами и, чувствовалось, радуется... И ждет, когда я его попотчую кишмишом... Однажды я погладил его по щеке:

– Не тужи, вернешься домой, опять угощу тебя кишмишом.

Сария удивилась:

– А разве коня кормят кишмишом?

– Он у нас сладкоежка, – рассмеялся я.

– А ведь есть кишмиш... – И, забежав домой, принесла горсть изюма. – На, угости, поглядим.

Я в шутку сказал:

– Гёйдемир любит кишмиш вперемешку с ячменем. Как вот мама моя примешивает к приправе для плова кишмиш. Вечером, когда Мисир подаст ему ячмень, мы и подмешаем.

Каждый вечер Сария таскала из кухни горсть кишмиша, мы отдавали конюху, он и подсыпал в ячмень.

Так было раза два-три, потом Мисир отказался брать кишмиш.

– Н-не...х-хо...рошо. (Он заикался). – Х-ханум подумает, эт-то я вас подучил...

Сария возразила:

– Мать моя – не такая женщина. Ничего не скажет. Она сама раздаривает кишмиш бедным-сирым.

Мисир не соглашался:

– Х-ханум... гыз5... Бедный-сирый – это не лошадь... а ч-человек.

Сария говорила правду. Хотя Гаджи Ахунд покинул мир, в знак почтения к его памяти и семье им приносили разные гостинцы, подарки, и вдовая Безз-ханум отправляла соседям, малоимущим семьям пай.

Мать моя до пятнадцатилетнего возраста провела жизнь в доме у Гаджи Ахунда. Отец ее, мой дед

Байрам-бек, окончивший русскую гимназию в Шуше, устроился на работу в городской управе и остался там. Там и женился на золовке Гаджи Ахунда Фатьме, моей будущей бабушке. Фатьма-нэнэ была уроженкой Курдистанской волости, по одной фамильной линии – из урочища Алянлы, что в непроходимых горных лесах, другими корнями – из селения Хакарли Губатлинского района.

Мать моя рассказывала такие занятные истории из жизни Гаджи Ахунда, что они напоминали мне сладостно волнующие легенды старого Востока. Я знал эти легенды из сказок «Тысячи и одной ночи», «Шахнаме», многотомной книги «Индийский раджа», которые читывала и пересказывала нам мать.

Моему воображению, замкнутому в советской действительности, этот «райский сад», где находился последний приют Гаджи Ахунда, виделся одиноким островком, оставшимся от того легендарного мира старины...

Я, бывало, просил маму мою рассказать и о том, чем занимались Гаджи и его дети, молодежь в зимнюю пору, когда Джидыр-дюзю покрывался снегом. И мама рассказывала:

– Мы, детвора, приготовив уроки, усаживались у постоянно топившегося камина, сложив под себя ноги, играли в «колечки» или загадывали загадки, поедая жареные пшеничные зерна вперемешку с кишмишом, фисташками, миндалем. Сами поджаривали каштаны, лесные орехи. Служанки усядутся в комнате у Беяз-ханум, кто носки-джорабы вяжет, кто вышивкой занимается... А Гаджи сидит в большой гостиной на тюфячке с шелковой наволочкой, почитывает какую-нибудь из книг, каких в зале уйма. Перед ним низенький столик, сработанный для сидящего на полу, книга на нем лежит раскрытая, и Гаджи допоздна засиживался за чтением. С третьими петухами вставал с постели, совершал омовение – «дастамаз», творил намаз. Затем, облачившись в простую сельскую одежду, трудился – возился в саду.

По весне, когда распускались розы, зацветали деревья, детям было любо-дорого глазеть, как Гаджи работает в саду. Он к каждому дереву, каждому цветку имел свой подход сообразно особенностям.

Например, кто-то из нас говорит: «Дедушка, а ты не полил это дерево». А он: «Ему и не нужно воды». Потом с веселой улыбкой добавлял: «Ему воду Аллах дает».

– А откуда Аллах берет воду?

– А для чего Аллах насылет с неба дожди? – усмехался он. – На свете нет ничего без промысла. Аллах, сотворив мир, все учел...

После легкого завтрака Ахунд облачался в каноническое одеяние, наматывал белоснежную чалму на голову, надевал хорасанскую шубу тонкой выделки – это зимой, а весной – архалук, сшитый из шерстяной ткани, накидывал на плечи абу (плащаницу) и шел в мечеть «Газа-Пир». Причем не забывал и надушиться привозным аравийским благовонием...

Затем Гаджи, восседая на амвоне, начинал свои проповеди. Как я говорил, Ахунд получил высшее духовное образование в тогдашней Персии, но излагал проповеди столь простым доходчивым языком, что можно было подумать: он только вчера из наших курдистанских весей прибыл. И мы, малолетки,

тоже с великим любопытством слушали поучительные притчи, что он сказывал. В каждом поучении он учитывал уровень восприятия слушателей, их образ жизни. Как-то чарвадарб Габиб, слывший кутилой и игроком, задал в мечети Ахунду вопрос:

– Почтенный Ахунд, а почему Аллах не дает богатства, состояния всем? Почему он одаряет мешками злата лавочника Бебеша, а тот ни сам не проедает, ни...

Ахунд перебил его:

– ...тебе не дает, чтоб ты ставил на кон и кейфовал.

Прихожане сдержанно захихикали, памятуя о почтении к Ахунду.

Ахунд растолковал на простецком сельском говоре:

– Послушай, когда вы раскроете свои глаза и взглянете на мир трезвым взглядом? Когда вы вылезете из тесной клетки, что в ваших мозгах? Ведь американский какой-нибудь человек не завидует Форду из-за его миллионов. А сам стремится своим горбом заработать и достичь его состояния. Аллах тебе дал разум, голову, уши, здоровое тело! Ничем не обделил, чтоб тебе жилось хорошо, чтоб ты сподобился светлого дня. Но ты, вместо того, чтобы праведным трудом, воспользовавшись этими богоданными благами, накопил богатство, повадился ходить в пещеры на скале «Хазине» и тайком от полиции кидать «четыре альчика»⁷, □ □ надеясь на «алчы», когда пофартит и ты сдерешь с Велибека тышчонку и махнешь в бакинские гостиницы. Но Вели-бек обдирает тебя до нитки и отпускает на все четыре стороны...

По прихожанам прокатился смех. Вели-бек тоже был из карабахских гумарбазов-игроков. На свадьбах его излюбленным танцем было «Узун-дере», пускался в пляс, выкаблучиваясь с ужимками. Ходило даже присловье: «Ладно, не корчь из себя Вели-бека!»

Гаджи редко выходил в город, только по праздникам, для совершения обрядов и участия в важных собраниях. Досуг коротал, занимаясь садовничеством, но всегда был осведомлен о городских событиях, о проделках местных шутников, о взаимоотношениях враждующих семейств. В проповедях своих или разговорах он открыто, без обиняков говорил о недостойных поступках, об антиобщественных действиях людей.

– Послушайте, почему вы забываете слова Кюрда Шукюра (то есть его самого), едва выходите из мечети? Почему не положите папаху перед собой и не призадумаетесь? Для чего же Аллах создал меня? Для чего же меня называют венцом паствы?..

В городе и в Карабахе вообще были и другие именитые священнослужители. но они вели аристократический образ жизни. В своих проповедях преимущественно говорили о религиозных

вопросах, рассказывали нравоучительные хадисы-притчи; не вникали в реальную повседневную жизнь паствы, населения. Но Гаджи Ахунд, казалось, как в зеркале, видел благие и неблагоприятные дела, ущербные стороны, прегрешения в обыденной жизни людей. И не боялся резко осуждать недостойные, порочные явления и поступки. Он умел говорить и о сложных философских материях, и о бытовых вопросах доходчивым ясным языком, прибегая к иронии, высмеиванию, так, что его понимал и стар, и млад. И каждый мотал на ус. Другие служители веры терпеть не могли, скажем, журнал «Молла Насреддин», считали безбожниками и Мирзу Джалила⁸,□ и Гамиду-ханум – «дочь русского Ахмедбека». А Гаджи Ахунд говорил с амвона:

– Почему вы не читаете «Моллу Насреддина»? Не потому ли, что правда глаза колет? Не потому ли, что выводит на чистую воду горе-святош, обманывающих темный люд?

Как-то Гаджи, достав сложенный листок, показал его собравшимся в мечети:

– Вчера ко мне пришла с мальцом пожилая сельчанка. Говорит: «Ахунд, я явилась к тебе с внуком за помощью. Ради Аллаха, найди исцеление ему». «Что с ребенком? – спрашиваю. – Похоже, мальчик здоровый, смысленный». Она: «Умный-то умный, но ему снятся кошмары, джинны-шайтаны покоя не дают, будь они прокляты! Ночью просыпается с криком. Порой войдет в темную комнату и пугается: «Здесь хвостатый человек!» И заходится криком. Скольких молла упростила написать наговор – проку нет». Я ей сказал: Дай-ка погляжу, что там тебе написали». Вижу, колеблется. «Ахунд, – говорит, – боюсь оторвать наговорную бумагу от ребенка, как бы грех на душу не взяла». Я уговариваю: «Не бойся, если и грех, то на меня падет». Она застыла, не решается, страшно ей. Я подозвал мальчика, оторвал бумажку от его одежды, развернул, прочел. А там накалякано три-четыре слова из общеизвестного хадиса. «И ты заплатила молле за эти каракули?» «Да, Ахунд, без денег ведь наговор не возымеет действие».

Ахунд потом спросил у незадачливой бабушки, как, по словам моллы, ребенок избавится от напасти? А тот обещал: мол, впредь этот наговор не подпустит к малышу всякую нечисть. Ахунд горько посетовал:

– Вот сущее несчастье нашей страны: один, едва осилив алфавит, именуется моллой, а другой, развесив уши, верит самозванцу. И в итоге народ прозябает в бескультурье. Бедный «Молла Насреддин», бедный Сабир! Они-то пытались раскрыть вам глаза, высмеивая невежество и темноту, а вы их кляли и честили как «безбожников». Почему же вы забываете о том, что и сам святой Пророк призывал нас причащаться к науке, просвещению!..

Так рассказывала моя мать.

– В те времена в Шуше не было азербайджанской школы-десятилетки. Ахунд отправил старшего сына в Персию учиться на врача. А двух младших определил в азербайджанскую начальную школу, затем – в русскую гимназию. И всегда в проповедях призывал: «Не верьте невежественным моллам! Учиться на русском языке – не значит отворотиться от веры. Знайте, если вы не приобщитесь к языкам просвещенных народов, трудно вам будет дотянуться до передового знания и культуры. Чем больше языков усвоите, тем больше обретете. Полезно знать и арабский, и фарси, и английский, и немецкий. А

русским не овладеете, тогда шушинский начальник и чиновники судейские будут вертеть вами, как вздумается. Очнитесь!»

Моя мать говорила, что от мечети «Таза-Пир» в новом шушинском квартале, казалось, исходил свет...

И я, обходя цветущий сад Ахунда, где он опочил, вдыхая вместе с прекрасной его внучкой Сарией благоуханный воздух, ощущал себя в райских кущах, и мир был полон неземным сиянием. Заливались восторженные соловьи на кустах сирени, издали доносился запах чабреца, горной мяты, которые росли меж замшелых валунов, у скал «Уч-мых», «Хазина», и этот запах, казалось, сообщал о рае, который описывала моя бабушка Фатма-нэнэ... Упоительные запахи приносили ветры, струившиеся с лесного урочища «Топхана», с далекой горы Кирс, с лесов «Зияретгях», со скал «Гая-даш», с родника «Йонгарча»... Это благоухание памятно мне сызмала, но тогда мои ощущения не были окрылены позднейшими восторгами и представлениями о райских кущах... наверно, потому, что я тогда еще не видел в том сказочном цветущем мире Сарию, ее улыбчивые черные глаза, ее лицо, напоминавшее цветом нежные розовые лепестки...

И я не испытывал раньше такой гордой радости за нашего Гёйдемира, побеждавшего на бегах, потому что мое детское обожание еще не разделяла Сария, ликовавшая при виде гнедопегого, охотно уминавшего преподнесенный ею лакомый кишмиш... И я еще не видел утопавшего в цветах последнего приюта Ахунда, и не ведал, что эта красота создана его руками. Верно, и мой дед, именитый священнослужитель Эфенди, жил в живописном карабахском селе, и он иногда навещал нас. Но я не видел, чтоб Эфенди-баба копался в своем саду, чтобы он запросто общался с простолюдинами, чтоб он откровенно и прямо корил и стыдил людей за какие-то неподобающие поступки, как Гаджи Ахунд. А когда наезжал в наш город, то вращался в кругу знатных горожан, почтенных людей, и в моем представлении он был очень высокопоставленной личностью, далекой от обыкновенных, рядовых земляков.

Я чувствовал, что здесь, в Шуше, наш славный Гёйдемир, выведенный на сочное разнотравье и пощипывающий клевер, ощущает себя превосходно. Я часто с Сарией подбегал к нему, обнимал за шею, гладил по холке, по щеке... И ему это нравилось, я чувствовал. Сария даже изумлялась: «Ты любишь этого коня больше всех на свете!» И улавливал в ее голосе какой-то намек, похожий на скрытую обиду. «Да, обожаю Гёйдемира, – отвечал я. – Но не больше всех». «А кого еще любишь?» «Байрам-бабу. И еще...». «И еще кого?..» «И еще...еще...тебя!» «Ой ли?» «Правда! Ты хорошая девочка!» Она уставилась на меня черными глазками и ничего больше не сказала. А я повторил: «Ты хорошая...».

Но это слово показалось мне очень сухим, бесцветным на фоне этой сотворенной Ахундом красоты, по сравнению со светящейся божественной радостью черных глаз Сарии... И тут с Джидыр-дюзо донеслись звуки мугама, перезвоны тара и протяжное струение кяманчи, и голос певца. Я многожды слышал мугам в родном Карабулаге (ныне город Физули), – сейгях, раст, гатар. Мир мугама был мне знаком. Но в теперешнем звучании мугама была такая магия, такая красота, которая возносила душу до небес, кажется, до райских кущ, созданных Аллахом. И только теперь я испытал это упоительное чувство. Мы замерли, слушая. Сария предложила:

– Это поет Хан! Пойдем туда, поглядим!

Пройдя под огромным старым ореховым деревом и выскочив за ворота, помчались по косогору на Джидыр-дюю.

О, Господи! Какое феерическое зрелище являл Джидыр-дюю! В какие нарядные одежды облачились юноши и девушки! Все цвета радуги! А ведь я видел такие костюмы, такие платья из дорогих тканей, шелков и раньше в нашем городе, на свадьбах, торжествах. И жемчужные ожерелья, и мониста, и браслеты, и серьги... Но почему я до сих пор не испытывал такого упоения и восторга? Мугам, который пел неповторимый Хан, возносился ввысь, плыл над лесами на склонах Кирса, уходящего головой в радужные облака, над урочищем Топхана, обнимался мягкими бархатными ветрами, веющими над Джидыр-дюю, пропахшими чабрецом, мятой, и уносился в далекие дали, неведомо куда... Мне казалось, – в бесконечность, в вечность... Но на этих счастливых, крылатых дорогах, оказывается, бывают и печальные превратности судьбы...

Август подходил к концу. Мы готовились перебираться в низину. Тетина семья тоже была в Шуше. Отец мой должен был везти нашу семью фаэтоном по Агдамской дороге в Карабулаг, а мне предстояло верхом на нашем Гёйдемире с мужем тетушки ехать по «Молла-Насреддиновской» дороге. От Шуши в Карабулаг (теперешний Физули) вели два пути, один – тракт через Агдам, по которому ехали на фаэтонах и машинах, и дорога, называемая дорогой Моллы Насреддина, – грунтовая и кружная. По этой дороге, выехав верхом на лошади, в восемь-девять утра, вечером в шесть-семь часов можно было добраться до Физули. Неизвестно, почему исстари к этой дороге пристало имя Моллы Насреддина...

Накануне отъезда мы с Сарией, примостившись на валунах в саду под развесистой сиренью, долго говорили о том, о сем. Но прежняя радость уже улетучилась. Сад окутали вечерние сумерки. И в голосе одинокого соловья сквозила какая-то печаль, и сирень благоухала не так празднично и упоительно...

– А будущим летом вы приедете в Шушу? – спросила она.

– Не знаю... – тусклым голосом отозвался я. – Посмотрим...

– А ты хочешь, чтоб приехали?

– Конечно...

Я это «конечно» проговорил, нет, выдохнул с неожиданной горечью. За этим ответом будто таилась некая тоска. Сария улыбнулась и прошептала:

– Приезжайте...

Но улыбка не показалась мне такой веселой, как раньше.

– Аллах даст, может, и приедем...

Наутро наш слуга Мисир оседлал Гёйдемира для дальней дороги. Сария тоже поднялась раньше обычного. Глядя на сапожки, которые я обул, спросила:

– Ты один поедешь? – Голос будто почужел.

– Нет, с мужем тетушки моей, – отозвался я и почувствовал, что голос мой прозвучал как-то уныло. Чтобы взбодрить и ее, и себя, я добавил:

– Дядя Мехти часто наезжает к нам, в Карабулаг. Я через него пришлю тебе письмо.

– Правда?.. Пришли, – воспрянула она.

– И ты пиши. Передашь дяде Мехти, он доставит...

– Нет... Стыдно перед дядей Мехти...

Мехти-бей был братом старой бабушки ее, Беяз-ханум, дядей моей матери. Долгие годы работал лесником в лесах окрест Шуши, Туршсу, горы Кирс. Всегда при встречах рассказывал нам удивительные сказки о лесной жизни.

– Чего стесняешься? Дядя Мехти добрый человек.

Меня позвали завтракать.

Попив чаю, я взял коня за поводья и вышел к воротам. Тетин муж уже верхом на коне дожидался меня на улице.

Сария стояла у ворот.

– До свиданья, Сария! – крикнул я.

– Счастливого пути, – тихо отозвалась она, слабо улыбнувшись.

Мы двинулись в путь. Впереди ехал тетин муж, я – следом, в десятке шагов. Я не хотел ехать рядом. Не потому, что тетин муж был мне не по нраву, а потому, что в душе моей царил такая неизъяснимая смута, что было не до разговоров. И всю дорогу я думал, как там Сария, чем теперь занялась? О чем думает? Приедем ли мы снова в Шушу? Увидимся ли? «Быть бы здраву, вновь приехать бы в Шушу...» – то и дело всплывали в памяти слова песни, которую пели люди при перекочевке в низину.

В полдень, когда мы дошли до живописных садов карабулагского села Гаджар, тетин муж остановил коня:

– Сойдем, немного перекусим.

Спешились на лужайке у сада. Тетин муж достал из узорчатого хурджина завернутые в белую чистую скатерку хлеб, сыр. Потом окликнул садовника и попросил:

– Принеси-ка нам винограду немного.

Садовник нарвал гроздьев, принес. Тетин муж заплатил ему и обратился ко мне:

– Ну, давай, начинай. Чего всю дорогу помалкивал?

И принялся с аппетитом за еду. Мне, по правде, было не до этого.

Перекусили и в седло. Проехали некоторое расстояние, отдалившись от сельских садов, дальше простиралась степь, поля. Нивы были уже скошены, в безмолвии бескрайних степей, где под солнцем золотисто поблескивала стерня, мне стало грустно и одиноко. «Райский сад» Ахунда, Сария, качающаяся на качелях, возникали перед глазами как далекий, очень далекий мир...

Этот волшебный мир, оживавший в моем детском воображении, на дороге, которую я вершил верхом на коне, – символе наших безоблачных счастливых дней, – остался далеким видением за чередой бурь и потрясений дальнейших лет...

Зимой того же года мы услышали, что отца Сарии Мирзу Мамеда арестовали. То были годы, когда по велению Сталина по всей стране началась принудительная коллективизация, сопровождающаяся волной жестоких репрессий.

Затем пришла весть, что конфисковали усадьбу Гаджи Ахунда и выселили его семью. В те же годы советские власти лишили мою мать права голоса, отняли дом, сад, имущество, которые создал и нажил мой отец своим трудом, и оставили с семьей малыми детьми без кола, без двора, без средств существования.

Дальнейшие годы прошли под тенью страха сибирской ссылки, заточения в страшных подземных застенках, в постоянной нужде. Родственники были заняты каждый своей участью, ни о ком мы не могли получить вестей. Отца Сарии арестовали как врага народа, потому мои родители не могли даже упоминать их имени, ни писать им, ни расспросить о них у приезжавших.

Мы росли, терпя лишения бедности, голодного существования.

У меня была завидная память. Но частые и подробные воспоминания о летних счастливых днях в шушинском доме Гаджи Ахунда, в его «райском саду» были связаны не только с этим. Я никак не мог забыть Сарию, мою ровесницу, милую внучку Гаджи Ахунда.

Всегда, когда с друзьями заходила речь о Шуше, перед взором моим вставало ангельское личико ее с черными глазами, с прядью каштановых волос, ниспадавших на лоб. И всегда она виделась под сенью высоких черешневых деревьев, в гуще цветущей сирени. И мне слышались восторженные соловьиные трели на кустах свежераскрытых роз. Я будто наяву слышал их пение... Оказывается, голоса могут оживать, отзываться беззвучным эхом в памяти. Я и поныне слышу пение Хана Шушинского на Дждиыр-дюзю, когда вспоминаю Сарию... Слышу беззвучно, сердцем.

Минули годы.

Я начал писать. то есть стал писателем. Переехал и обосновался в Баку.

Союз писателей Азербайджана добился от властей, чтоб один из старинных особняков в Шуше был превращен в Дом писателей. В летние месяцы собраты по перу отправлялись туда отдыхать.

Летом 1950 года и я с сыновьями Эльчином и Тимурчином и с моей сестрой, тогда школьницей Назихой, поехали туда. Когда разместились в здании, я отправился поглядеть на сад покойного Гаджи Ахунда. И мне предстала, может, самая печальная и удручающая картина на свете. Не осталось и следа от алых, золотистых роз, от бурных куп сирени, высоких черешен, яблонь, груш, тополей, выстроившихся вдоль изгороди, чьи листья трепетали от малейшего дуновения. Могила Гаджи, заросшую сорной травой, трудно было и разглядеть. Кругом сор, бурьян. Очевидно, давно никто не заботился о саде. Повсюду окурки, осколки бутылок...

Ни следа от «райского сада». Ни следа от библиотеки Ахунда. Оказалось, дом его превратили в общежитие сельхозтехникума. Молодые парни входили и выходили из комнат, дымили папиросами, из кухонных окон выплескивали помой прямо во двор. И над бывшим садом стоял неприятный запах суррогатной дешевой пищи.

Я, уже не в силах выдержать, покинул загубленный сад. На улице повстречал Пери-нису, некогда работавшую стряпухой у Ахунда и жившую по соседству. Поздоровался. Не узнала меня. Я не стал представляться, спросил:

– Ай хала⁹, □ что случилось с семьей владельца этого дома Мирзы Мамеда?

Из-за того, что я был потрясен, вопрос мой прозвучал как-то неуклюже. Не знаю, оттого ли, или по какой-то другой причине женщина смерила меня холодным взглядом и жестко отозвалась:

– Откуда мне знать, что случилось? Это ты у правительства спроси... – Потом добавила: – После того, как власть отняла дом, имущество, из-за родства с арестованным Мирзой забрали и мужей его дочерей. А Ясемен с дочерьми и внуком перебралась в Агдам, к родичу. И им светила сибирская ссылка. Гуси Гаджиев заступился, не дал...

Я хотел о многом расспросить. О Сарие, ее муже. Но на душе была такая тяжесть, что я, ни о чем не допытываясь, ушел. И больше не заглядывал в сторону сада Гаджи Ахунда. Того сада, той красоты, созданной праведным трудом, уже не существовало.

Красота воспарила в небеса...

По окончании отдыха мы возвращались в Баку по агдамской дороге. Вечером до отправления поезда я побродил по Агдаму. Воспоминание о загубленном саде, потерянном крове, заросшей травой могиле Гаджи Ахунда тяжким камнем легло на сердце. По словам Пери-нисы выходило, что семья Сарии теперь обитала в Агдаме. Я боялся повстречаться с ней. Боялся того, какой ее увижу и как на нее подействует эта встреча. Когда я в таких чувствах ходил-бродил по городу, возле меня резко тормознула новенькая «Победа». Человек, сидевший возле шофера, высунул голову в окошко.

– Салам, Ильяс.

Я глянул: мой давний однокашник. Я знал, что он в Агдаме на ответственной должности. Вышел из машины, поздоровался, порасспросил. Поташил к машине.

– Давай-ка садись. Время обеденное. Пойдем хоть пару часиков посидим. Поезд из Евлаха отправится в одиннадцать ночи. Хочешь, шофер съездит и за детьми.

– Дети в гостинице...

– Тогда пойдем сами. Вспомним прекрасные студенческие годы.

Его слова вызвали у меня глухую странную досаду. Ведь мои студенческие годы сложились отнюдь не прекрасно. Близкий родич моего приятеля, занимавший в нашем краю важный пост, записал моих родителей в «кулаки», лишив права голоса и отняв у нас всякую возможность сносной жизни.

Мы направились в ресторан, отведенный для районного начальства. Сели в кабинете, где окна были завешены солидными портьерами.

– Этот ресторан я недавно благоустроил. – Он с явным удовольствием окинул кабинет, застеленный ковром, с большим портретом Сталина на стене. – Сперва был в плачевном состоянии... Я взял сюда и отменную повариху. Она из именитой, «аристократической» семьи. – При этих словах он усмехнулся, и усмешка очень плохо подействовала на меня. – Отец ее в Шуше был мусаватским начальником, Мирза Мамед... Предыдущий секретарь уволил ее, дескать, дочь мусаватиста, отравит нас, чего доброго... А здешние работники мне говорят, что во всем Карабахе не сыскать повариху, которая могла бы готовить такие отличные блюда.

Я сказал:

– Верните ее... Пусть отравит меня!

Первый секретарь захохотал и велел подавшему чай официанту:

– Скажи Сарие-баджи, у нас почтенный гость, так что пусть учтет... – Повернулся ко мне: – Очень славная женщина. Я видел ее в детстве. Дом у них был под Джидыр-дюзю. Была хороша собой, как ангел. Мы, ребятня, глазели на нее из-за плетня сада Гаджи... А красота – неверная вещь. Теперь она так изменилась, не узнать в ней ту девочку.

Я отупело уставился на Первого. Выходит, ангел из «райского сада» стала служанкой у новоявленных господ, обрекших этот сад на разор и запустение, и готовит вкусные яства для этих душегубов!

Я, не притронувшись и к чаю, встал из-за стола.

– Что случилось? – удивился Первый.

– У меня неотложное дело, должен идти... До свиданья. – Я стремглав выскочил из кабинета, как если

бы меня изгоняли. Проходя мимо кухни, увидел в окно высокую женщину в белом фартуке, что-то нарезающую на столе. Она вскинула черные глаза... Это была не Сария. Это было существо, взиравшее из униженного мира, хлебнувшее лиха на своем веку.

Я ускорил шаги, чтобы она не успела узнать меня. Не хотел беречь ее раны.

Это была не Сария. Ту Сарию ангелы вознесли в небеса вместе с красотой роскошного райского сада Гаджи Ахунда...

18 ноября 1993 г.

Метельным зимним днем ...

Человеку, пережившему потрясшее его событие, хочется поведать об этом кому-нибудь, это душевная потребность. Кажется, тем самым тяжелое бремя, отягощающее сердце, становится легче. Может, потому и в народе говорят: «излить душу».

История, о которой я расскажу, произошла давным-давно. Когда-то я думал: будет ли такая возможность, настанет ли такая свобода, чтобы и мы могли излить душу и избавиться от мучительного бремени...

Я окончил школу с отличными отметками, за десять лет учебы не довольствовался лишь теми знаниями, которые нам давали учителя. Еще в дошкольную пору мама научила меня азбуке. И до школы успел прочесть несколько книжек – сказок. Это причастило меня к навыкам самостоятельной работы. Школьное знакомство с творениями великих писателей породило во мне серьезный интерес к литературе, литературоведению. Наряду с классическими романами, пьесами, поэмами, я захлеб читал работы таких знаменитых светил науки, как Фриче, Коган, Кёпрюлюзаде, Исмаил Хикмет, составлял для себя конспекты в тетрадках, воодушевляясь честолюбивой мечтой стать в будущем ученым такого же ранга...

Наконец, в 1934 году поступил на литературное отделение Бакинского пединститута. Отец мой, лишенный права голоса, остался без работы. Старшим из семерых детей был я. У нас отняли большой дом, который в свое время построил отец. Семье из девяти человек оставили только две комнатки на втором этаже собственного дома... Мои младшие братья спали под обеденным столом или же на нем.

Несмотря на эти невзгоды (мне приходилось довольствоваться мизерной стипендией и талоном на четыреста граммов хлеба), я с большим воодушевлением взялся за науку. В 1920 году, когда отец лишился начисто всего своего, не такого уж значительного состояния, наступившие тяжелые дни не погасили моих надежд, мечтаний о будущем. Честно признаюсь, что доведение семьи до бедственного

положения, несправедливое лишение отца права голоса, мытарства, причиняемые нам под вывеской классовой борьбы, не могли превратить меня в противника и врага революции. В старших классах я пытался в меру сил изучать манифест коммунистической партии, идеи Маркса о несправедливости капиталистического строя. Прочел и законспектировал книгу Ленина «Государство и революция». Короче говоря, я, семнадцати-восемнадцатилетний юноша, уверовал в то, что идея коммунизма осчастливит человечество. «Поскольку эта революция, эта страшная классовая борьба вершится во имя всеобщего и вечного счастья человечества, – думал я, – значит, надо перетерпеть приносимые ею страдания и лишения».

С таким оптимистическим умонастроением я поступил в институт.

С первых дней мне удалось установить близкие, теплые отношения и с сокурсниками, и с преподавателями.

Такие знаменитости, как профессора Бекир Чобанзаде, Али Султанлы, питали ко мне особое дружественное расположение. Профессор Чобанзаде, владевший рядом иностранных языков, знал и все турецкие языки. Всегда носил сшитые по последней моде костюмы. Можно сказать, он был живой энциклопедией. Пользовался большим уважением и за рубежом. Русые волнистые волосы, строгое лицо – симпатичный человек. Во время занятий, сев за стол, клал перед собой золотые карманные часы, и никто из нас не уставал, слушая размеренную двухчасовую лекцию. Это, наверное, еще и потому, что в его лекциях не было ни одного неуместного, праздного слова. Была строгая привлекательность и в серьезном выражении чисто выбритого симпатичного лица, и в содержании глубоких, ясных лекций, читаемых размеренно и четко. Он был человеком высокой современной культуры и интеллекта.

Я сиделся впереди, поближе к кафедре профессора Чобанзаде. Перед лекцией он всегда перекидывался со мной словом, с мягкой улыбкой. Как-то он спросил:

– Как живется-можется, Эфенди-оглу, не холодно ли у вас в вашей комнате?

(Тогда зима выдалась очень суровая).

– Нет, так как нас сорок пять человек, – спим в одной комнате, надышим, греемся.

Ребята смеются. Профессор, чуть зардевшись:

– Ты шутишь?

Сидевший рядом мой товарищ Акпер (впоследствии ставший известным критиком и профессором Акпер Агаев) сказал:

– Профессор, он не шутит. Комната – как караван-сарай. Нас сорок пять студентов в одной комнате.

Профессор достал из серебряного портсигара папиросу, закурил и, ни слова не говоря, приступил к лекции.

Наш преподаватель Али Султанлы, с которым мы позднее, уже в пору моего писательства, www.kitabxana.net – Milli Virtual Kitabxana

подружились, тогда был очень молодым, симпатичным, импозантно одевавшимся человеком, любимцем институтских девушек. Одна студентка говорила, мол, она считала: Али-муаллим за месяц сменил ровно сорок галстуков, и все отличные...

Лекции Али Султанлы о литературе античного периода были настолько живыми, поэтичными, что каждый раз мы слушали их как прекрасную поэму.

Профорг института, мой земляк Мамед Оруджев был славным парнем (впоследствии работал на важных партийных должностях). Как-то он мне говорит:

– Можешь ли ты принести мне письмо о том, что районные организации не возражают против твоей учебы в вузе?

Я знал, что такую бумажку мне не выдадут. Потому спросил:

– Это обязательно?

– Обязательно, – тихо ответил он. – Есть указание не принимать на идеологический факультет молодых людей, у которых родители лишены права голоса. Если не принесешь хотя бы такую бумажку, исключат.

Мамед со вздохом добавил:

– Я знаю, слышал, отец твой всегда помогал бедным-сирым, радел о народе, был читаемым человеком. Но, что поделаешь, так положено...

Я подумал: если в районе услышат, что я исключен из института, для нас это обернется нехорошо. Потому в январе, подав заявление, взял отпуск на год. И в эти же дни случайно повстречавшийся мне на улице наш сосед Гасан-ами укоризненно сказал:

– В эти зимние холода вашу семью выдворили... И киши (то есть мой отец) болен... Ты старший сын в доме, поезжай. Может, окажешь какую помощь.

Я не стал допытываться ни о чем; купив себе три-четыре пачки дешевых папирос, сходил в наше общежитие – «караван-сарай», забрал свои пожитки и ушел. Хорошо, что все ребята были на занятиях. Я не хотел бы ни с кем видаться. Когда проходил мимо нашего института, сердце захлестнула горечь. «С какими мечтами я входил в эти пенаты, и как теперь расстаюсь с ними...».

Закурив, ускорил шаги, спеша на вокзал. Лютая стужа. В ту зиму в Баку снега выпало чуть ли не с полметра. Говорили, что и в районах его было много. Я боялся даже представить, каково сейчас больному отцу, матери, сестренкам и братишкам в палатке, занесенной снегом. Протиснувшись в битком набитый общий вагон, притулился в закутке, попытался вздремнуть... Но было не до сна. Закрыв глаза, слышал стоявший в вагоне шум-гам, обрывки слов, разговоров. Какая-то сельчанка громко горевала – причитала, что милиционеры отняли у нее привезенный в Баку пуд ячменной муки, мол, «ты спекулянтка».

– Как ни заклинала, валлах, я не спекулянтка, и зерно на эту муку насобирала на стерне... Они, безбожные сукины дети, не стали слушать...

Отчаянье в голосе женщины будто вдруг прояснило мое отуманенное сознание. На миг мне показалось, что слезные жалобы горемыки – это вопль хаоса, царившего в вагоне. Я не смел поднять глаза и взглянуть ей в лицо. Ее беда напомнала мне случай, произошедший с нашей семьей.

В первые годы коллективизации отец мой на клочке богарной земли вблизи от нашего дома посеял немного пшеницы. Наверно, сам Аллах сподобил нас обильным урожаем, будто ведал, что единственный кормилец семьи из девяти человек с начала революции лишился работы и нигде не может добыть ни копейки... В армянском селе Дому у отца были кирве10. Они приходили в наши края и жали пшеницу. Из уважения к отцу и нам подобили с жатвой. Потом отец, прежде не занимавшийся сельским трудом, повез снопы на арбе одного из знакомцев на молотьбу, и с помощью тех же знакомцев мы ссыпали обмолоченное зерно в бочки, в подвале. Зерно уродилось ядреное, золотистое, отменное. Мы, ребятишки, ликовали, предвкушая, что досыта наедемся пшеничного чурека. А так, чтобы купить у хлебопека Азада два-три хлебца со ржаной примесью, мне приходилось каждый день маяться два часа в очереди у его лавки..

Мать посоветовала половину зерна перемолоть дома для выпечки хлеба, остальное оставить прозапас на зиму. Но вдруг, откуда ни возьмись, к нашему дому подкатил грузовик с двумя милиционерами. Отец с матерью вышли из дома.

Отец спрашивает:

– В чем дело? Зачем пожаловали?

Один из милиционеров, замаявшись, ответил:

– Нам приказано вывезти собранное вами в этом году зерно...

– Кто приказал? – спокойным тоном спросил отец.

– Исполком, – отозвался милиционер.

Мать моя была по натуре женщиной крутой. Шагнула вперед:

– Исполком спятил, что ли? Или мы это зерно своровали?!

Первый милиционер проговорил:

– Бильгеис-ханум, мы знаем, что вы – уважаемые люди. Но что нам поделать – власть приказала...

Мать взъярилась:

– По какому закону власть отнимает хлеб, возвращенный семьей из девяти ртов?

Милицейские промолчали.

Отец, закулив папиросу, тем же спокойным голосом сказал матери:

– Говорить бессмысленно... Отойди. – И повернулся к милиционерам: – Дверь в подпол открыта... Ступайте, берите, увозите...

И милицейские, пересыпав зерно в принесенные мешки, погрузили их в кузов и уехали.

...Теперь, слушая причитания женщины в вагоне, я хотел заткнуть уши. Думал, да, конечно, в мире творится много произвола, жестокостей, но чтоб у человека ни за что ни про что отнимать насильно хлеб...

Ведь и без того у отца отобрали все добро до нитки. Без всяких объяснений, обоснований... Отец не был помещиком, никаким-таким эксплуататором... Все, что имел, нажил честным трудом. Я задумывался: неужели путь, ведущий к идеалу вечной свободы, должен пролегать через столько страданий, через трупы тысяч, миллионов безвинных людей?..

Сойдя с поезда на станции Горадиз, я искал попутной оказии в Карабулаг, и тут повстречал фаэтонщика Габиб-даи. □ Он был из старых карабахских извозчиков. Когда мой будущий отец умыкнул мою будущую мать, он укатил на фаэтоне Габиб-даи¹. Мы, дети, всегда садились в его фаэтон, и он никогда не брал с нас денег.

Габиб-даи, поздоровавшись, сказал:

– Как хорошо, что ты приехал. Поехали. В фаэтоне есть место.

Я понял смысл его слов («как хорошо, что ты приехал»), потому не стал ни о чем расспрашивать. Но он сам засокрушался:

– Ну как так можно? Взять детей, мал мала меньше, и в такую зимнюю стужу выкинуть на улицу из дома, который ты построил в поте чела своего! Весь карабахский народ знает, что твой отец и мухи не обидел, всем бедным-сирым протягивал руку помощи...

В фаэтоне кроме меня ехали три пожилых человека. И они, узнав меня, подтверждали слова Габиб-даи. Я отмалчивался. И мужчины попридержали язык. То было время, когда люди даже в своем доме, в четырех стенах, опасались роптать на что-то, на кого-то.

Кругом снегу по колено. Фаэтон тащился с трудом. Габиб-даи, укутавшись в старинный хорасанский тулуп, сидя на козлах фаэтона, завел речь о днях минувших, о своих молодых годах.

– Тогда твой отец был пригожим парнем... Когда он забрал с собой Бильгеис-ханум (то есть мою мать) и бежал на моем фаэтоне в Агдам, в ущелье Пирагбулаг, мы встретились с отрядом гачага Ханмурада... Я сообщил Ханмураду, кто твой отец, какого рода-племени, с кем бежит, Ханмурад снял со своего

пальца брильянтовый перстень и отдал Бильгеис-ханум: «Баджи, – говорит, – это я тебе дарю на счастье...».

(Горе-служаки, после революции устраивавшие обыски в нашем доме и нагло требовавшие отдать золото, пистолет, забрали драгоценности, доставшиеся матери от родителей, и заодно – перстень, подаренный Ханмурадом).

Габиб-даи горестно вздохнул:

– Вот какой был парень гачаг Ханмурад...

Когда, сойдя с фаэтона, я прошел во двор через малую дверцу больших железных ворот, сработанных заботами отца, от входа в палатку поднялся ёжившийся от холода наш пес и, приблизившись, радостно завилял хвостом. Будто ждал моего приезда...

Откинув ковровую шторку и войдя в палатку, я застал отца лежащим в постели; мать нарезала репчатый лук над казаном, а ребята обступили мангал, полный тлеющих головешек. При виде меня дети радостно вскочили, мать устремилась навстречу; но печаль, сквозившая в этой их радости, запомнилось мне на всю жизнь.

Я подошел к отцу и пожал ему руку. Ему не было еще и пятидесяти лет, а выглядел он глубоким стариком; красивое лицо обросло седой бородой. Взор спокойный и ясно-сдержанный. Я чувствовал, что и в этом бедственном состоянии он не утратил своего человеческого достоинства.

– Иди, отогрейся у очага, – тихо сказал он. – Пальцы у тебя как ледышки.

Мама постелила тюфячок у мангала.

– Давай, садись... Видишь, что вытворяют с нами?

Я промолчал. Что было сказать?

Младшая сестренка спрашивает:

– Илья (так меня звали в семье), а нас тоже отправят в ссылку?..

Под взглядами братишек и сестер, полными страха и смятения, сердце мое разрывалось. Надо было их как-то ободрить, утешить.

– Не думаю... не сошлют... – отозвался я как можно увереннее.

Мать, помешивая варево на керосинке, с гневом проговорила:

– От них можно ждать чего угодно... Сошлют – так сошлют...

Мать у меня была стойкая, гордая. Пережитые в последние годы мытарства не сломили ее. И теперь я не чувствовал в ее голосе отчаяния и безысходности. Только гнев и ненависть...

Отец приподнялся в постели, опершись о подушку, вздохнул:

– Кабы не эта проклятая хворь...

Не договорив, закурил.

Если бы я видел, слышал о какой-либо жестокости, обиде, причиненной отцом на своем веку кому-либо, то счел бы это знаком возмездия, мол, человек расплачивается за грехи свои. Но я знал отца праведным, честным тружеником. Мальцом он потерял отца, его овдовевшая мать одна вырастила пятерых детей, поставила на ноги. Отец, окончив сельскую русско-татарскую школу на «отлично», работал в городе Карягин (ныне – Физули) у зятя в магазине сельхозтехники. Затем занялся самостоятельным сбытом этой техники и понемногу добился обеспеченного житья, на свои средства построил дом, разбил большой сад, и теперь его оттуда выкинули на улицу.

Угли в мангале догорали, и постепенно в палатке холодало, и вместе со стужей нарастала тревога в глазах детей.

«Надо их обнадежить как-нибудь...», – мучился я в поисках выхода. И, наконец, решительно объявил:

– Завтра схожу в райисполком... Скажу, что я студент. Скажу: вы не имеете права выбрасывать мою семью на голый снег...

Мои сестренки-братишки, дрожавшие от холода, как птенцы, чуть ожили, запищали в мимолетно забрезжившей надежде.

Отец с матерью хранили молчание.

Утром, после чая, я оделся и вышел. Палатку занесло снегом. Не оглядываясь на наш покинутый дом, над которым вились дымки очагов, наверное, там, в комнатах было уютно и тепло, увязая в глубоком снегу, я добрался до райисполкома.

Исполком занимал второй этаж одного из добротных зданий в райцентре; я поднялся; дежуривший у дверей милиционер, рослый детина Вартан жил в нашем квартале и был из тех, кто прежде всегда относился к отцу с уважением. Как он сам говорил, в девятнадцатом-двадцатом годах, во время голода, отец мой «протянул его семье руку помощи»; «не будь его помощи, мы бы перемерли с голоду».

При виде меня он приветливо сказал:

– Рад видеть... – Покачал сокрушенно головой: – Нехорошо поступили с вашими... Ведь этот киши (мой отец) кому плохое сделал? В чем провинился? Человек со страху и пикнуть не может... Нельзя же допускать такое безобразие...

Я сказал:

– Вартан-даи, я хочу попасть на прием к председателю исполкома... Разрешите?

– Наверно, ты по квартирному вопросу пришел?

– Да.

Он сказал со вздохом:

– Что ж... Сходи, потолкуй...

Я уловил в его интонации безнадежность, мол, зря утруждаешь себя.

Когда я открыл дверь и вошел, по кабинету прохаживался уперев руки в бока, приземистый мужчина в шерстяном френче «под Сталина» и галифе, и кепке из той же ткани. Первое, что бросилось в глаза: плоские, как корытца и непомерно длинные уши. Мне показалось, что эти «граммофонные» уши служат для того, чтобы моментально улавливать все тайные перешептывания.

Увидев меня, он остановился у печки и сердито спросил:

– Почему ты без разрешения суешься в учреждение?

– Вартан-даи нас знает. Я спросился у него...

– Чего ты хочешь?

Я чуть подался вперед.

– Я студент Педагогического института имени Ленина. Вот приехал и вижу, что нашу семью среди зимы выбросили из отчего дома на снег...

– Кто выбросил?

Я сказал ему, кто мой отец, добавив: мол, дайте хотя бы одну комнатенку, чтоб приютиться. Отец болен, дети малы, я сам студент.

Он, засунув руки в карманы галифе, отрезал:

– Что ж с того, что студент! Ты соберешь вокруг себя кулацкую семью и станешь требовать, мол, я студент, дайте мне дом?

– Товарищ...

Он перебил со злостью:

– Какой я тебе товарищ? С каких это пор я стал товарищем кулачью?

Я пытался сдержаться.

– Те комнаты отец мой добровольно сдал в 1930 году властям. И власти оставили за ними две комнаты с кухней.

– Ну и что? Отец твой словчил, знал, что власти отнимут, решил опередить.

Кровь ударила мне в голову.

Я смерил его ненавидящим взглядом и выпалил:

– Мой отец не ловкач! Он достойный мужчина. И это знает весь Карабах!

Повернулся, вышел, хлопнув дверью.

Вартан-даи спросил:

– Ну как?

– Ничего...

Вартан-даи, покосившись на дверь кабинета, понизил голос до шепота:

– Ара, я хотел тебя отговорить. Этот сукин сын не такой, чтобы от него помощи ждать.

Мне доставило удовольствие, что рядовой милиционер так прошелся по адресу своего начальника.

– Спасибо, Вартан-даи, – сказал я и вышел.

Рассказал об ответе исполкома своим, – и словно в промерзшей палатке детей окатило холодной водой. Отец, ни словом не обмолвившись, закурил. И мать моя, затянувшись папиросой, сказала отцу:

– Завтра я возьму с собой Илью и махну в Баку, к Гамиду, может, он сможет помочь.

– Другого выхода не остается, поезжайте, – согласился отец.

– А до моего возвращения Сенем-хала управится с готовкой? (Сенем-хала была нашей соседкой).

Гамид¹² во времена царизма, в отроческом возрасте, служил «в людях» у моего деда по матери, Байрамбека.

После свержения монархии, с началом революционных событий, Гамид уехал в Баку. Сперва вести о нем доносились с нефтяных промыслов. Позднее о нем не было ни слуху, ни духу. Но года три-четыре назад выяснилось, что Гамид в Баку занимает очень важный пост.

Теперь моя мать, собираясь в дорогу, сдала в «Торгсин» кое-какую серебряную посуду и золотое ожерелье, которые припрятала от «экспроприаторов» – грабителей, и таким образом собрала деньги на дорогу. Узнала от брата Гамида его бакинский адрес. И мы, не теряя времени, наутро на фэртоне Габигдаи, покатали на станцию Горадиз, оттуда поездом в Баку, и там остановились у бывшей однокашницы, подруги матери моей. А вечером отправились домой к Гамиду. Он жил в старинном здании возле тогдашнего госдрамтеатра. Поднялись на третий этаж, нажали на кнопку звонка. Дверь открыла женщина лет под сорок, миловидная, приветливая.

– Что вам угодно?

– Хотели бы повидаться с Гамид-гардашем... Мы его земляки...

– Пожалуйста, входите.

Вошли, сняли верхнюю одежду, вступили в гостиную.

– Посидите, – сказала хозяйка. – Гамид сию минуту придет.

Через боковую дверь вошел высокий, полный и очень симпатичный мужчина лет сорока и, увидев нас, воскликнул:

– Бельгеис-ханум! Какими судьбами! Как хорошо, что вы приехали... А кто этот парень?

– Мой сын.

Гамид окликнул свою жену и познакомил с моей матерью.

– Это Бильгеис-ханум, у отца которой я в свое время служил.

Женщина с улыбкой сказала:

– Гамид всегда с большим уважением вспоминает вашу семью...

Гамид поведал о трудных путях-дорогах, которые ему пришлось пройти до нынешнего положения. Узнав от моей матери о произволе, учиненном с нами, он помрачнел.

Я чувствовал, что этот человек, выходец из бедняцкой семьи, ныне взошедший на высокий советский пост, ощущает тот страшный произвол во всей отвратительной неприглядности.

Извинившись, он прошел в смежную комнату и, погодя вернувшись, сказал:

– Бильгеис-ханум, я попросил товарища Солтан-Меджида Эфендиева принять вас. Завтра утром в десять часов пойдете в Центральный Исполнительный Комитет, скажете дежурному милиционеру, что вас вызвал сам председатель. Он поможет вам, насколько это в его силах...

– Насколько в его силах? – удивилась моя мать.

Гамид понял причину ее недоумения.

– От вас таить нечего, Бильгеис-ханум, сейчас такое время, что неизвестно, что с кем завтра произойдет. Поэтому никто из должностных лиц не может полагаться на силу своих полномочий... Страхи, предчувствия в душе не дают человеку развернуться...

Мать встревоженно спросила:

– Гамид, ты на высокой должности. Когда же, скажи, кончатся эти аресты, ссылки? Людей, которые имели мало-мальски сносное житье, перебили под клеймом «кулака», «врага народа». Мало вам того, что народ насилу загнали в колхозы?..

Гамид после некоторой паузы сказал:

– По правде говоря, мы и сами толком не знаем, чем завершатся эти дела... Ведь Ленин не о таком говорил... – Помолчав, полушутя добавил: – Знаю, что вы люди откровенные, ни от кого не утаиваете то, что на душе... Но теперь надо быть очень осторожными. Одно сорвавшееся слово может навлечь беду на целую семью...

Мать моя со вздохом отозвалась:

– Понимаю...

...Наутро мы пошли в ЦИК. Солтан-Меджид Эфендиев встретил нас приветливо, усадил.

Мать моя умела говорить четко и логично. Так впечатляюще и наглядно рассказала о мучениях, причиненных нам, что я заново ощутил их тяжесть.

Председатель ЦИК выслушал мать мою до конца, и я по выражению его лица видел, с какой болью он воспринимает рассказ.

Затем он помолчал, и после некоторого раздумья промолвил:

– Я постараюсь выбить две комнаты из вашего дома, соберетесь под одну крышу.

«Постараюсь», – мысленно повторил я.

– Простите, нас девять человек, в две комнаты не поместимся...

С.М.Эфендиев, глубоко вздохнув, пробормотал:

– Пока езжайте и устраивайтесь...

В тоне председателя ЦИК сквозила такая туманная неопределенность, что мать моя не стала больше упрашивать.

В облике и Гаида, и Солтан-Меджида я не ощутил внутреннего спокойствия, свечения счастья; они были похожи на людей, постоянно живущих тревожным предчувствием, ожиданием чего-то зловещего...

Не прошло много времени, как оба были арестованы и расстреляны.

Мы вернулись в Карягин, в отчем доме нам «милостиво» дали две комнаты, где мы поселились. Отец

угасал; не выдержав постоянной угрозы быть сосланным вместе с семьей, унижительных обысков, учиняемых служаками, потрошившими даже подушки, он скончался.

Дни шли чередой... Как говорится, и грудной, и босой дотянули до весны. Малые дети подросли и, мы перебрались в Баку. Окончив заочно геофак¹³, я стал писателем.

После смерти Сталина атмосфера в стране изменилась.

Один мой брат окончил МГУ, другой бакинский Иняз, первый стал журналистом и переводчиком, другой, как и я, избрал литературное поприще. Младший из братьев работал в ЦК комсомола, в ЦК компартии республики, затем возглавлял райком партии.

Однажды зимой, в годы работы секретарем правления Союза писателей, выйдя из дому, я ехал в служебном «ЗИМ»е на работу по улице Гуси Гаджиева. Я сказал шоферу: притормози у магазина, купим папиросы.

В ту зиму в Баку выпал обильный снег. У магазина шофер остановил машину. Вдруг я увидел идущего по тротуару приземистого, обросшего бородой мужчину и сразу узнал в нем давнего знакомца. Он был в старой телогрейке, на голове выцветшая ушанка, обут в калоши. Когда он поравнялся, я выглянул из окошка и окликнул его по фамилии:

– Салам!

Человек в ушанке недоуменно уставился на машину, потом на меня.

Я добавил мягче:

– Подойди-ка поближе.

Он торопливо, увязая в снегу, приблизился и оторопело поглядел на меня.

– Ну, как поживаешь, ай киши? – сказал я. – В тридцатые годы ты выглядел иначе... Ведь ты некогда возглавлял Карягинский райисполком, не так ли?

Он, ёжась от холода, отозвался.

– Эх, перейму печали твои, о чем ты говоришь... В тридцать седьмом ни за что ни про что мне пришили «врага народа» и угнали в Сибирь. Хлебнул я там лиха, отпустили только после смерти Сталина...

– Но ведь ты сам же и сажал людей. Выходит, и тебя посадили?

Он пристально, чуть опасливо воззрился на меня.

– Судьба...

– Чем же теперь занимаешься?

– Охранником служу в студенческом общежитии. Теперь вот у меня дома крыша под снегом осела, прохудилась...семья сидит под капающей водой. Обиваю пороги, а им хоть бы хны... Извините за нескромный вопрос, а вы кто будете?

– Помнишь, давно, в Карягине выпал такой же небывалый снег?

– Помню, а как же.

– Может, припомнишь и молодого парня, пришедшего в твой кабинет, студента пединститута... родителей которого с многодетной семьей выкинули на улицу по твоей милости? И что ты сказал ему, помнишь?

Мужчина в ушанке всмотрелся в мое лицо, потупившись, пробормотал:

– Каюсь...было... Тогда везде так оно и было... Аллах да проклянет Сталина. – Взглянув на коробки папирос, которые принес шофер, попросил: – Можно папироску?

Я взял одну коробку и протянул ему. Он торопливо извлек папиросу, закурил, жадно затянулся.

– Валлах, за нами вины не было... Мы были рабами режима...

Отчего-то дрогнуло мое сердце. Нашарил в кармане два червонца, отдал ему. Он не заставил себя просить.

– Аллах тебе в помощь!

Я сказал шоферу:

– Поехали!

«ЗИМ» двинулся с места, распарывая плотную толщу снега.

10 января 1988 года

Что узрел «колодезник» Орфей ...

1

Когда Октябрьская революция не принесла райских благ, обещанных Лениным народу, вождь прибегнул к идее НЭПа, вновь заморочив головы легковерных рабочих и крестьян.

Простодушные массы, снова поверив Ильичу, взялись за частные хозяйства. Кто занялся торговлей, кто частным земледелием, кто кустарными ремеслами, начав обеспечивать себе сносное житье-бытье.

И мой отец также вместе с компаньонами стал налаживать торговые отношения с закордонным Тебризом. Когда же Одиннадцатая Армия захватила Азербайджан, отец потерял все свои магазины и нажитое добро. Мы со страху сбежали из райцентра Карягин в село, оставив свои дома с обстановкой, коврами, мебелью. В них расквартировался батальон красноармейцев. Когда все немного поуспокоилось, и мы вернулись, то застали голые стены и разоренные очаги. Солдаты переломали выписанную отцом из Петербурга мебель с бархатной обивкой, пустив кресла и шкафы на дрова, а бархатные лоскуты превратили в чепраки для красной кавалерии.

Несмотря на весь этот разор, отец мой, решив воспользоваться мнимой «свободой предпринимательства» новой экономической политики, затеял рытье колодца в нашем приусадебном саду; привезли с промысла монолитный камень, пробуравили отверстие в нем, – для покрытия устья колодца.

Колодец копали два землекопа; один копал скважину и насыпал землю в мешок, другой, наверху, вытаскивал мешок и опорожнял его в сторонке.

Была пора весенняя.

Мать с отцом, сидя на балконе, чаевничали. Там, в большой кадучке, стоял кустик олеандра – цветок, необычный для наших краев, отец откуда-то выписал. Быть может, этот цветущий куст потому остался в моей памяти, что его нежно-розовый цвет удивительно тонко гармонировал с платьем из голубого атласа моей молодой и красивой мамы.

Под балконом, в саду, шла работа, мужчина средних лет, стоя у устья колодца, вытаскивал отрытую землю и отсыпал поодаль..

Вдруг, будто из неземных миров, донеслось пение. Чей-то молодой и очень приятный голос протяжно и томительно выводил мугамный мотив. Мать моя, чутко воспринимавшая поэзию и музыку, удивленно взглянула на отца.

– Где это поют?

– В колодце! – с довольным видом отозвался отец. И показал на работника, тащившего мешки с землей.

– Сын вот этого кянкана¹⁴. Копает и поет.

Я тоже, равнодушный к музыке мальчик, замороженно прислушивался к мугаму.

– Дивный голос, – сказала мама моя. – Что ж он не пойдет в певцы – ханенде?

– Они – с Южного Азербайджана, – сказал отец. – Я тоже спросил у кянкана – почему бы не определить сына к какому-либо устату-ханенде, коли такой красивый голос у него? А он говорит, мол, сперва своему ремеслу обучу, а там – как сам знает.

В ночь того дня я долго не мог уснуть. В тишине весенней ночи мне все чудился тот голос, доносившийся со дна колодца... Порой этот юноша, перебравшийся с того берега Аракса и поющий с таким пронзительным чувством, виделся моему воображению сказочным Мелик-Мамедом, попавшим в царство тьмы... А порой уподоблялся Юсифу из дастана «Юсиф и Зулейха», слышанного от матери, герою, которого сбросили в колодец. Странно, что я не мог представить его, поющего мугам, в обыкновенном, то есть в этом светлом земном мире. Будто он был и создан затем, чтобы поведать, пропеть некую печальную повесть именно там, в темном колодце, в царстве вечного мрака...

– Голос за душу хватает, – сказала мать моя. – Как его зовут?

– Кажется, Агабала, – ответил отец.

2

В те времена в нашем городке Карягин (исконно городок назывался Карабулагом; позднее, с аннексией Карабаха, он был приказом царя переименован в «Карягин» – по фамилии полковника, погибшего в этих баталиях) действовал драмкружок. Его организовал Шамхал-бек Везиров, бывший помещик, с приходом Советов «экспроприированный» дотла. Это был долговязый, худощавый мужчина с вытянутым улыбчивым лицом. В его манерах, речи был некий, может, незамечаемый им самим, комизм. У каждого человека при встрече и общении с ним невольно на миг возникало доброе выражение, веселая улыбка. У него был прирожденный артистический дар. В детстве я видел его в роли Амिरаслана на спектакле по пьесе Сулеймана Сани Ахундова «Соколиное гнездо». Он играл так живо, так естественно, что этот образ со всем своим трагизмом и поныне у меня перед глазами.

В нашем городке он был всеобщим любимцем. Все почитали его. И до, и после революции он слыл безобидным, в истинном смысле слова «хорошим человеком». В драмкружке, созданном и руководимым им в качестве режиссера, участвовала и талантливая молодежь. Шамхал-бек с их участием осуществлял такие постановки, как «Мешади Ибад», «Аршин мал алан», «Лекарь поневоле» (Мольер), «Ревизор» (Гоголь), «Разоренное гнездо» (А.Ахвердиев), и эти спектакли всякий раз встречали восторженный прием у горожан.

Но ведь власть-то советская не дремала! Не могло быть так при таком строе, чтоб какая-то радость, народная отрада длилась без конца... Брата Шамхал-бека – Сурхай-бека Везирова в страшную пору красного террора, в двадцатых годах, среди бела дня два энкаведешника выманили из дома и тут же, на улице, расстреляли и ушли... А бедного энтузиаста театра, артиста, который на своем веку и мухи не обидел, ночью арестовали и сослали в сибирский ледяной ад, где он бесследно сгинул...

Я учился с сыном Шамхал-бека Асадом в одном классе. (Впоследствии он стал известным врачом в Баку). Мы часто ходили с ним в приусадебный сад возле их трехэтажного особняка. И каждый раз я видел мать Шамхал-бека блуждающей в саду среди деревьев. Она была, как и ее сыновья, высокой, очень красивой, несмотря на солидный возраст, женщиной. В прежние времена всегда справлялась о здоровье моей матери, старой бабушки. Но теперь словно нас не замечала. Так отрешенно-неприкаянно

бродила по саду, погруженному в безмолвие, будто совершенно обеспамятела. Порой беззвучно шевелила губами, очевидно, что-то вышептывала про себя. Но на застывшем лице, высвеченном немой тишиной сада, не читалось ничего – ни обиды, ни печали, ни скорби. Каждый раз, когда перед глазами оживает образ этой матери, я с внутренним содроганием думаю: «О боже, какие же страшные лики являет человеческое страдание!» И в эти мгновения перед взором моментальные видения сменяют друг друга, – то молодой, красивый Сурхай-бек в чухе с серебристым шитьем, с кинжалом на поясе, в блестящих сапогах, то горемычный подвижник и артист...

Советская власть сочла и этот сад, где блуждала обездоленная мать, и дом, который построил ее муж, непозволительной роскошью для Шакар-ханум... Семью Везириных (как и нашу семью) выдворили на улицу, превратили их трехэтажный дом в школу агитпропа для колхозных председателей и поставили во главе директором шептунского красного большевика.

3

С арестом и исчезновением в сибирской глуши Шамхал-бека распался и созданный им драмкружок. Но народ карабахский не может жить без музыки, шуток, игрищ, гаравелли¹⁵, празднеств. Уже немало лет, как и театральное искусство вошло в его жизнь.

Несмотря на разгулявшийся в стране красный террор, аресты, расправы, расстрелы безвинных людей, местная молодежь, собираясь в единственном городском клубе, организовывал постановку юмористических сценок, готовила одноактные спектакли, и этим руководил молодой выпускник Бакинского театрального техникума Джамиль Везири.

Он был младшим братом Шамхала Везири. Очень пригожий, пластичный в движениях, обладавший врожденным чувством юмора и прекрасным голосом. В драмкружке, созданном под его началом, заблистали впоследствии молодые таланты – Муршид Хашимли, Тахмаз, Савалан, Гамза, Мелексима... И вскоре клуб стал единственным отрядным оазисом для горожан. И у каждого молодого артиста выявлялась своя яркая творческая особенность; сын продавца сладостей Мехти-киши Муршид прослыл известным в городе трагиком, с особым блеском играл роли Октя Элоглу, Айдына, Амираслана. Сын домработницы и народной заботницы-печальницы Хейранса-халы Тахмаз снискал славу исполнением ролей Керемали в «Гаджи Каре» и амбала в «Мешади Ибаде», сын ашбаза-повара Мамедали – Сафар комические роли играл так, что публика покатывалась со смеху.

Сам Джамиль Везири мастерски перевоплощался в Меджнуна, Керема, Ашуга Гариба, и своим сладостным пением приводил зрителей в восторг. Сын мясника Ханлар-ами – Савалан, создавал образы степенных персонажей. Люди валом валили на спектакли в клубе. Пустых мест не оставалось. Все приходило в нарядных платьях, костюмах. Зрительный зал благоухал духами. Молодая труппа показывала спектакли в селах, даже в других районах. Ясное дело, что в здании театра не было ни костюмерного цеха, ни портных, ни гримерной. Да и на пошив одежды для спектаклей средств не было.

Необходимые для сцены платья, скажем, наряды бывших беков и ханум, брали «напрокат» зачастую у людей, причастных к соответствующему сословию. И люди с удовольствием отдавали свой семейный реквизит. Между этой горсткой энтузиастов искусства и населением сложились теплые отношения, как будто народ находил отдушину и утешение в общении с театром, в сердечности новоиспеченных артистов, в стихии доходчивого языка создаваемых спектаклей, забывая о пережитых невзгодах, жестокостях красных опричников, ужасах террора...

Все с интересом читали афиши, написанные цветными карандашами и увенчанные изречением: «Жизнь преходяща, искусство вечно».

И вот однажды в афишах к спектаклю «Асли и Керем» мы прочли, что в роли Керема выступит прибывший из Ирана Агабала Абдуллаев. Все подумали, что это, наверно, иранский артист. Но мой отец с улыбкой сообщил матери, что это тот самый молодой парень, который копал у нас колодец...

Это произвело на меня удивительное действие. Я в детстве был своего рода чудачком. Мне на ум приходили фантазии, которые никому бы не взбрели в голову. Мне, например, казалось, что я видел нашего прадеда Ахмеда Ходжу, уроженца Карского махала в Арзуруме, даже шрам от сабельного удара на его лице. Или же был свидетелем того, как мой прадед по матери, отец любимого дедушки Байрам Мешади Гюльмамед в молодые годы, сражаясь с иранскими гачагами, от удара шашкой, нанесенного главарем гачагов, лишился кисти руки, и как знатная исцелительница Сакина остановила кровотечение с запястья его кипящим маслом... Наверное, из-за подобной рассказываемой мною (причем с полной убежденностью) небывальщины покойный отец порой поглядывал на меня как-то косо.

...Когда мне было лет восемь-девять, мы с яглыкендскими сельчанами «тэрэкеме» на лето отправились на Карский эйлаг. Ночью остановились на привал на склонах освященной горы Зиярет. Отец матери говорит: «Добрались досюда, наутро давайте посетим и пир16, что на вершине горы...». Я загорелся: «Давайте, давайте! Там красотища!» «Откуда ты знаешь?» – спросил отец. «Как не знать мне. Мы же здесь бывали. Я сидел верхом на эти вот скалы, похожие на верблюдов, играл...». «Когда мы были здесь, ты еще находился в материнской утробе. И там не было окошка, чтоб ты углядел эти места...» – урезонил отец.

Его слова оконфузили меня. Я готов был божиться-клясться, что я эти края видел, что, резвясь с моим дружкой Ягубом, мы «седлали» эти похожие на верблюдов скалы...

И теперь, услышав, что недавний молодой кянкан перевоплотится в возлюбленного красавицы Асли – Керема на сцене нашего светлого и большого (тогда для меня огромного!) клуба, я возликовал:

– Аллах вытащил Юсифа из колодца!

– Какой Юсиф17? – недоуменно уставился на меня отец. – Что опять он мелет?

Всегдашнее недоверие отца к моим словам крепко задело меня. Я взбунтовался:

– Святого Юсифа □ □ изза его красоты братья-завистники столкнули в колодец. А Аллах вызволил его...

– Откуда ты это знаешь?

– Мать рассказывала мне предание о Юсифе и Зулейхе. И этот парень похож на святого Юсифа...

– Но его, вроде, никто не сбрасывал в колодец... – на сей раз мягко возразил отец. – Копают колодец, деньги зарабатывает.

– Ради заработка он так и мучается. А вдруг колодец обрушится ему на голову? Жалко, что он так красиво поет, а вкалывает на дне колодца в сорок аршинов глубиной...

Проходя в свою комнату, я услышал, как отец говорит матери моей:

– Наш мальчик разглагольствует не по возрасту...

– Ну и что ж... пусть говорит...

– Ребенок должен быть ребенком...

Странно и то, что я не чувствовал себя ребенком. Порою мною овладевало чудное чувство: мне казалось, что я явился на свет, пережив незапамятные времена, и вот эти цикады стрекотали так же, как и тысячу лет тому назад... И теперь судьба сына копателя колодцев, которого Всевышний вытащил со дна сорокааршинного колодца на божий свет, представлялась мне чудесным событием, как спасение святого Юсифа из темной прорвы...

4

Говорят, что истинный талант – это Божий дар!

И сейчас, вновь и вновь вспоминая, как молодой копатель колодцев, выйдя из подземной тьмы на сцену исполнял роль легендарного, пережившего века Керема, как он пел мугам, я вновь и вновь убеждаюсь: да, талант – это дар Божий! Но почему же одаривший человека талантом великий творец порой забывает самого человека? Почему оставляет на долю самого одаренного талантом выявление и утверждение этого дара? Почему допускает безжалостные превратности в его судьбе?..

Как мог бедный юноша, прибывший из захолустного села Южного Азербайджана, пробить дорогу своему таланту в безбожных условиях сталинского режима? Что случилось с блестящим даром Агабалы, этого талантливоего изгоя? И на что ему была дарована красота легендарного Юсифа? Ведь не для того же, чтобы только биться с тяготами жизни, долбя и ворочая землю на сорокааршинной глубине?

В зале, набитом битком в тот вечер, когда Агабала играл роль Керема, царила глубокая тишина. Будто боль и тоска Керема уносила думы всех присутствующих куда-то в далекий мир. Конечно, по сути, трагедия Керема не была какой-то чрезвычайной историей. Керем полюбил дочь Гара Кешиша – Черного попа – Асли, и тот, из упрямой приверженности своей вере, не желая выдать свою дочь за мусульманина, решил убежать с ней подальше от пылкого ашига. И Керема сжигала тоска этой разлуки... Но эта тоска и столь пронзительно изливающий эту тоску голос, этот вопль, будто нисходивший с неземных беспредельных высей, словно вобрал в себя, выразил всю боль этой непостижимой юдоли скорбей. Словно мугамы, выпеваемые Агабалой, взошедшим из темной колодезной глубины, являли вечное утешение человеческому духу. Быть может, и само это утешение, как и талант, было даром, милостью, ниспосланной людям.

Теперь, по прошествии долгих лет после того памятного вечера, вспоминая о тех ушедших людях, я думаю, сколько же сокровенных чувств, сколько не высказанных печальных историй в таинственных глубинах души человеческой... Конечно, спроси самого Агабалу об этом, он бы сам ничего не мог сказать. Ибо он и сам не знал... К тому же, кто из нас, смертных людей, постиг язык и суть чувств, движущих нами, исторгающих из сердца печальные песни – мугамы?..

5

С выходом на сцену Агабалы в роли Керема, похоже, весь театральный коллектив почувствовал прилив животворной энергии. Теперь известный исполнитель-трагик Муршид Гашимли перевоплотился в седобородого попа в черной рясе. Савалан – турецкий паша так яростно наседавал на Гара Кешиша (Черного попа), требуя согласиться на брак дочери с избранником сердца, и Муршид-поп с таким громовым остервенением противился, что, казалось, это – всамделишная жизнь...

Роль Асли исполняла жена актера Савалана, статная, стройная, красивая Гамза-ханум.

Я впоследствии смотрел и слушал «Асли и Керем» в исполнении очень известных, искусных актеров-певцов. Но ни в одном из спектаклей образ Керема не произвел на меня столь потрясающего впечатления, как в исполнении молодого кянкана Агабалы... Я не объясняю это моей тогдашней детской впечатлительностью. Ибо я не был столь уж наивным, зеленым юнцом. Теперь, думая об этом, понимаю, что в его игре была исключительная по накалу, естественная боль. В мугаме, который он пел, звучало бесконечное человеческое горе, неизбежное страдание раненой души. Не было конца и края этой боли, не было времени и пространства для нее.

Молодой Агабала столь же естественно и обжигающе играл роль Меджнуна. Эта пронзительная горечь, эта безмерная человеческая мука, невыразимая словами печаль обжигала сердца и впоследствии, когда он стал известным ханенде и пел на свадьбах.

Тот маленький театр стал светлым очагом не только для районного городка, но и всего приречного,

окрестного Карабаха. Его руководитель Джамиль Везиров обладал также прекрасным голосом. Но так как у Агабалы голос был поярче, посильнее, режиссер предоставил арену ему. Вообще, все члены труппы были по-своему даровитые, любящие театр всей душой молодые люди. И в годы войны они выступали со спектаклями в селах, гордились, что дарят людям своим искусством надежду, несут свет и утешение.

...Во время войны в Карягинский район (ныне Физулинский) назначили секретарем райкома чинушу, который был из твердолобых партийцев, выдвинутых благодаря лозунговому горлопанству, фальшивому усердию. Однажды секретарь за что-то прогневался на молодых артистов и велел военкому, мол, «какой-такой театр в военное время, и гони их на фронт!» И комиссар отправил артистов на передовую.

Таким образом, достопочтенный партийный секретарь погасил единственный очаг народной отрады... Джамиль Везиров, Савалан Зульфугаров не вернулись с войны. Агабала отдалился от сцены, театра. Если бы он продолжил сценическую деятельность, несомненно, вырос бы в оперного артиста.

Я переехал в Баку. Долгое время Агабалу не видел. Но слышал, что он иногда подражается ходить на сельские свадьбы, и живется ему не ахти как хорошо.

Несколько лет тому назад нас пригласили в село Кюрд-Махмудлу Физулинского района, на свадьбу близкого родственника Шафы Алиева. (Сейчас он один из известных бакинских хирургов). Мы на своей машине махнули в район. На садовом подворье отца жениха, двоюродного брата моей матери Ханоглан-муаллима, устроили большой магар¹⁸. По сельскому обычаю свадебные музыканты выходят навстречу гостям и привечают их музыкой. Нас привели таким же образом. Когда я увидел среди музыкантов Агабалу с бубном в руке, на миг сердце мое окатила печаль. Мало, что осталось от обаяния молодого копателя колодцев «святого Юсифа», Божьей милостью поднятого со дна сорокааршинного колодца и явленного людям, пленившего их печально-пронзительными исповедями мугамов, которые возносили души слушателей в запредельные миры вечности...

И выражение его потускневшего лица было не таким, как тогда, когда он перевоплощался в Керема, Меджнуна, – это было лицо обыкновенного человека, трудно добывающего хлеб свой насущный. Но когда на торжестве он запел «Сейгях», вновь на его лице, в глазах забрезжила и отозвалась та далекая, одухотворенная печаль, та печать душевного потрясения... И спроси у него, о чем его печаль, о чем его тоска, он бы, наверно, не нашелся с ответом, ибо это все было его собственной участью. И когда же сам человек мог разобраться со своей судьбой?!

В тот вечер мы подолгу беседовали с Агабалой, вспоминали времена, когда он играл легендарных Керема, Меджнуна, Ашуга Гариба...

– Очень я рвался к оперным спектаклям... Жаль, не удалось... Если бы тогда секретарь райкома не погнал артистов на войну и не разогнал театр, дело обернулось бы по-другому. Джамиль... Тахмаз... Савалан... Сколько еще других ребят...наверно, помнишь... если бы остались в живых, ныне стали бы знаменитыми артистами...

– Что ж ты не перебрался в Баку, не пошел по оперному поприщу? – поинтересовался я.

– Не до того было... Ни денег, ни жилья... В Баку у нас не было ни одного близкого человека... А отец постарел... уже не мог заниматься рытьем колодцев... Семья вся зависела от меня.

Слушая его, я думал с горечью: Боже мой, как же эта несуразная жизнь, с расплодившимися «узаконенными» преступниками, вроде того райкомовского секретаря, перемалывает самородные таланты, подрубают их великие мечты, как же выхолощивает и связывает их по рукам?..

– На днях я услышал песню на слова нашего прекрасного поэта Касума Касумзаде «Олмаз...олмаз». Потом узнал, что автор музыки – твой сын Зохраб. Очень талантлив.

– Он и поет потихоньку.

Я уловил в его тоне тайную надежду, сокровенную радость. Но какая же жестокая судьба: после кончины Агабалы скоростижно умер и его сын Зохраб, даровитый композитор и певец...

При встрече на том сельском свадебном торжестве Агабала сетовал на нездоровье. «Почему же не подлечишься в каком-нибудь санатории?» – сказал я. «Не получается оставить семью без обеспечения... Надо на хлеб зарабатывать...».

Я понимал Агабалу. Ведь как же этот «районный Орфей» мог при окаянном режиме без денег, протекции, покровителя выкарабкаться из своего колодезного дна?.. И разве тот режим сам по себе не был зловещим колодцем – не только для этого самородка, но и всех его сограждан?!

Я спросил у него о Сафаре-коротышке, артисте, который своим комическим даром веселил публику.

– Эх! – печально вздохнул Агабала. – От тогдашнего беззаботного балагурства Сафара ни следа не осталось. У бедняги внезапно захворала дочь, писаная красавица. Районные врачи не могли найти исцеления, посоветовали, повезти в Баку. А на это где было Сафару взять деньги? Так и утасла дочка... На Сафара это так подействовало, что увидишь – не узнаешь...

Через несколько лет донеслась весть, что Агабала скончался в Физули. Осталась от него память как о певце, одаренном Аллахом, – записанные на грампластинки и ленты мугамы.

Впоследствии мне доводилось часто видеть только Муршида Гашимли – знаменитого трагика Физулинского театра. Наезжая в Баку, он всегда приходил к нам. Покойная моя матушка тоже очень чтילה его. Волосы, ниспадавшие на плечи, поседели, лицо избородили морщины, но он не утратил внутреннего молодого духа.

Однажды я спросил у него: как ты перебиваешься на такую мизерную пенсию. Заслуженный советский артист, больше полувека служивший на сцене любимым зрителям, ответил: «Покупаю полкило баранины, жена варит два дня, нам хватает...».

Бедный заслуженный артист произнес эти слова таким тоном, будто благодарил судьбу и за эту милость...

1991г.

Мое сценарное приключение,

или

Как я впервые услышал Сару-ханум¹⁹

В 1939 году было начато строительство большого канала от реки Самур к райцентру Дивичи. Все газеты писали о стройке. Радио непрерывно передавало информации, очерки о «гигантской стройке социализма»

В ту пору я, издав первый сборник рассказов под названием «Письма из села», оставив преподавание географии в Физулинской средней школе, перебрался в Баку и с помощью незабвенного нашего писателя Али Велиева, устроился на работу в газету «Йени йол».

Меня начали признавать в литературных кругах. Однажды меня пригласили на бакинскую киностудию и предложили написать художественный киносценарий о строительстве Самур-Дивичинского канала. Видя, что я колеблюсь, директор ободрил меня: «Не робейте, напишите. По вашим рассказам видно, что вы хорошо чувствуете сельскую жизнь. Вы писатель молодой... И мы вам поможем».

Я хоть не писал сценариев, но читывал попадавшиеся под руку сценарии. И самому делу представлялось очень заманчивым. Короче, дал согласие. Заключение со мной договор, выдали аванс. И я отправился на строительство канала. Штаб стройки находился в городе Губа.

В то время первым секретарем ЦК КП Азербайджана был Мир-Джафар Багиров; по его указанию этот канал, которому предназначалось стать одним из крупнейших достижений республики в последние годы, должен был носить имя Сталина. Потому на трассу канала были переброшены десятки тысяч работников из числа колхозников, инженеры, техники, всевозможные машины, технические средства; направлены министры, сотрудники, секретари ЦК в качестве заместителей начальника строительства. На стройке издавалась специальная газета – орган ЦК. По ночам, до утра самого при свете прожекторов на участках кипела работа. Организовывались соревнования между бригадами, передовиками. Ежедневно из Баку прибывали все новые группы мастеров искусств, певцы, артисты со спектаклями и концертами для строителей.

Рабочие, инженеры, техники спали под открытым небом, в лесу, в поле. А дело уже шло к холодам. По ночам с Шахдага налетали леденящие ветры.

Мы втроем – редактор газеты «Гяндж ишчи» (так называлась тогда газета «Азербайджан генджляри») – молодой, симпатичный, озорной Багир Сеидзаде, ответсекретарь газеты «Коммунист» по имени Неман, наш достойный коллега и ваш покорный слуга обрелись в номере гостиницы «Губа». Я познакомился с ними в Баку, и оба, как я сказал, были молодыми добрыми товарищами.

Багир Сеидзаде впоследствии стал министром кинематографии. А Неман, к прискорбию, погиб на войне. Днем каждый из нас уходил по своим делам, занимался наблюдениями, сбором материалов. А по вечерам сидели в гостиничном ресторане, потягивая ширванское вино и закусывая яблоками, вели допоздна разговоры о том, о сем. Из Бакинской киностудии приехала бригада во главе с молодым талантливым оператором Мухтаром Дадашевым для съемок на стройке. Они тоже остановились в гостинице, в соседнем номере. По вечерам мы вместе с ними устраивали посиделки за столом, ели-пили.

Душой ночных компаний, веселой отрадой нашей, был наш почтенный друг, подвижник искусства, милостью Аллаха ныне пребывающий в добром здравии и подступающий к столетнему возрасту, Алили из бригады Мухтара.

Помимо того, что Алили знал массу смешных анекдотов, обладал еще одним интересным талантом: он мог моментально, экспромтом сочинить новеллу о любом предмете. Например, скажешь ему: «Только что женившийся парень, придя домой, видит в гостинице в пепельнице окурок дорогой папиросы». И минут через пятнадцать-двадцать новелла Алили готова! По правде говоря, подобные экспромты Алили часто получались очень интересными и даже убедительными. Удивительно и то, что целыми днями пропадая на трассе строящегося канала, занимаясь каждый своим делом, поздними вечерами собираясь в гостинице, мы об этом не заводили речи. Будто показушно-бурная жизнь вдруг начисто забывалась и оставалась позади. И, сумерничая за чаем, беседуя по душам, мы словно возвращались в подлинную, живую, увлекательную жизнь и ощущали неизъяснимую радость, душевное умиротворение. Перешучивались, балагурили, смеялись. Алили «травил» свои новеллы. Мы как бы вырывались на истинную свободу.

Сюда я прибыл с намерением написать художественный киносценарий, так сказать, вдохновиться «кипучими социалистическими буднями, коллективным героизмом», наблюдать захватывающие «сцены труда» и накапливать материал. Однако, когда я видел «героев, в поте лица крушащих киркой скалы, как легендарный Фархад», как пафосно писали газеты, мое желание создать некий художественный сюжет таяло и пропадало. И в душу закрадывалась какая-то тяжелая, унылая тоска. Совершенно произвольно мои мысли, воображение отрывались от созерцаемых мной, высокопарно изображаемых и воспеваемых газетами, советскими поэтами партии «героев»; я вспоминал родных людей в отчем сельском краю, собирающих в своих садах виноград, абрикосы, яблоки, варящих патоку-бекмез из сока тутовых ягод, спозаранку берущихся за соху на своих делянках, сеющих пшеницу; вспоминал себя, приехавшего из райцентра в село, запускающего камушки из пращи в воронье над посевами... Несмотря на все усилия, мои мысли никак не могли сосредоточиться на этой грандиозной стройке. Внимательно наблюдая за усердно вкалывающей массой людей и пытаюсь сочинить какую-нибудь подходящую историю в связи со сценарием, я вдруг ловил себя на том, что воображение унесло меня в далекие миры и времена, в радужный мир свободы, где люди действуют по своей воле и разумению... И тогда я злился

на самого себя. «Ну что? Не ты ли винил за фальшивые опусы лезущих из кожи вон, втискивающих все в красную колодку советских сочинителей, не ты ли твердил, что в произведении искусства все должно быть естественно?»

Таким образом, на Самур-Дивичинском канале я пережил истинный творческий кризис. Но надо было писать. Я же заключил договор. Получил деньги.

Как-то, прохаживаясь по стройке с Багиром Сеидзаде, мы услышали издали мугам «Гатар», который выводил юный девичий голос. Пройдя вдоль канала, мы увидели очень красивую девушку, поющую под сопровождение тара и кеманчи. Диапазон голоса, лирическая проникновенность изумили нас обоих.

Я ахнул:

– Эта девушка наверняка из Карабаха.

– Откуда ты знаешь? – спросил Багир.

– Конечно, прекрасные певцы выходят и из других краев Азербайджана – Шеки, Шемахи, Тебриза... Но есть в голосе, манере исполнения карабахских ханенде некая особенность, которая отличает их. Этот голос очень богат переливами, нюансами...

Действительно, эта окраска, эта нюансировка имеют удивительно впечатляющую свежесть. Например, среди сотен голосов сразу узнаешь, что это голос Хана или Зульфи Адыгезалова, – это влияние, плод воздействия бесконечно щедрой, многоцветной природы Карабаха.

Когда со степей приараксинского Карабаха, опаленных летним солнцем, – с Гейен-дюзю, Харамы, с агджабединских полей поднимаешься в Шушу по горным дорогам, окруженным роскошью редкостных цветов, алыми маками, на кручи гор Кирс, Зиярет, Салварты, встречаешь бесконечно живописные, многокрасочные картины. Очарование Карабахской природы, как мир сказочных пери, неповторимая поэзия красоты не могли не воздействовать по-своему на гений творческого человека.

Как есть своя красота у гор Шуши, Кирса, «Туршсу», «Гырхгыз», у родников Иса-булагы, Секили-булагы, так есть своя прелесть и поэзия у просторных степей Агджабеди, Харамы, Гейен-дюзю, над которыми висит марево зноя...

Слушая мугамы, современные песни в исполнении юной девушки на концерте для строителей канала, я улавливал тонкие, изящные переливы и божественную, невыразимую щедрость красок, присущие голосам карабахских певцов-ханенде. Это богатство красок, звучавшее в широком диапазоне голоса недавно дебютировавшей юной певицы по имени Сара Гадимова, завораживало чрезвычайно естественным колоритом. Когда я слушал ее, мне казалось, что этот мугам звучит не на «беспрецедентной социалистической стройке», а в шушинских горах, в заповедных лесах вокруг Иса-булагы...

Кстати, хотел бы рассказать эпизод, навеянный писательской памятью. В пятидесятые годы, повстречавшись летней порой с другом моим Фиридуном Шушинским, мы остановились, беседуя, на

шушинском базаре. В это время проходивший мимо нас молодой пригожий человек среднего роста, лет тридцати-тридцати пяти, поздоровался с Фиридуном. Мой друг, ответив на приветствие подозвал его:

– Искендер, подойди, познакомься и с Ильяс-муаллимом.

Парень подошел, поздоровался и со мной.

– Вот этот парень – автор обожаемой тобой песни «Гарабагын маралы». И музыку, и слова сам написал, – сообщил Фиридун.

– Только что Сара Гадимова прекрасно спела эту песню, – сказал я.

– Да, – отозвался автор. – Сара прочувствовала эту песню.

– Наверно, еще и потому, что Сара сама из этих краев, – заметил я.

– Может быть... Порой ханенде не только не чувствуют песню, но и слова перевирают. Например, вместо «горы здесь марала манят, камушки им ноги ранят...» произносят «камни руки-ноги ранят...». Или сочиненную мною песню «Карабахский марал» переиначили в «Азербайджанского марала». Разве Карабах – не тот же Азербайджан?!

– Название твоей песни переиначили не певцы, а начальники! – сказал я.

Примечательно, что если жители Казахско-Товузской зоны привержены к ашугской музыке, то карабахцы – ашиги мугамной музыки... Не найдешь такого карабахца, чтобы хоть мало-мальски не знал толка в мугаме! Чтоб не чувствовал мугам!

Пение Сары на стройке большого канала производило на меня столь удивительное впечатление свежести, исповедальной искренности, что мне казалось, исполняемый мугам – исповедь собственной любви этой юной певицы... Печальная повесть ее любви... А временами казалось, что мугам, то тихо и томительно струившийся, как прозрачная родниковая вода в зеленом разнотравье, в пестроте цветов, то вскипавший, как водопад, низвергающийся с замшелых скал, ведет рассказ не о сердечных треволнениях юной души, а отзывается печальным и мужественным дастаном о старинной жизни отважного народа, хлебнувшего лиха, пережившего битвы и войны на долгом веку...

И когда я услышал мугамы и песни, исполнявшиеся юной певицей, эти чарующие звуки будто внезапно внесли ясность в мою душу и рассеяли неизъяснимую творческую смуту, переживаемую мною со дня прибытия на строительство канала. И будто напряженные мысли, скованные чувства мои вдруг раскрепостились, вырвались на свободу, и перед ними раскрылись далекие дали, и простор, и дороги. Прежде всего, я понял, почему меня, как автора будущего сценария, не может расшевелить, тронуть, зажечь тяжкий труд тысяч и тысяч работяг, воспеваемых газетными борзописцами и возносимых в новые «герои»... Я чувствовал, знал, что эти люди нахлынули сюда не по велению сердца, не в пылу вдохновения, их по райкомовским приказам колхозные председатели принудительно запихали в машины и отправили сюда. Они не обольщались тем, что прокладка канала сулит им лично какие-то блага. Конечно, понимали, что по этому каналу пойдет вода, оросит колхозные поля, позволит

возделывать новые земли. И селяне, прибывшие сюда, закивав в свои торбы три-четыре чурека, знали и то, что колхозные поля, где они вкалывали от зари до зари, с хлебом всухомятку, до сих пор не принесли им ничего, кроме бедности и лишений. И что им могут дать нивы и поля, засеянные и орошенные водой этого канала?! То, что они зарабатывали своим горбом, власть урезала, начиная с двадцатых годов, а то, что оставалось, хапали местные начальники. Эта страшная правда была им известна издавна и потому им теперь не оставалось ничего другого, как подчиниться этой батрацкой доле. Все пространство строительства канала было напичкано энкаведешными шпиками в штатском. Кто бы посмел работать, спустя рукава, не выполнять и перевыполнять норму?! Кто мог бы заикнуться о сносном питании? Кто посмел бы без разрешения надсмотрщиков отлучиться на пять минут?

До сих пор у меня перед глазами стоят угрюмые, хмурые, молчаливые лица тех церберов! Ужасен рабский труд!

...А юная Сара чарующим голосом карабахской красавицы влекла душу к перезвону струй Иса-булагы, к приволью эйлага «Гырх-гыз».

И что думали, о чем мечтали эти безвинно тянувшие рабскую лямку труженики, слушая ее светоносные песни, сообщающие о радости бытия, о крылатом счастье?.. Кого и что проклинали в душе?.. Против кого роптали, бунтовали истрадавшимися сердцами?

Я подсознательно чувствовал ответы на эти вопросы, и потому, многие годы спустя, в один прекрасный день, когда я услышал гневный клич стекающихся к приморской площади потоков народа: «Истиглал! Истиглал!»²⁰, из сердца моего исторгся крик души моей: «О, Аллах! Помоги моему народу достичь священной мечты, которую он лелеял испокон веков! Азербайджанские тюрки выстрадали право построить свободное независимое государство и жить в нем! Народ азербайджанский в ряду тюркских народов так же дееспособен! Доблестен! Мудр! И он чаёт споспешествования Твоего!»

1993г.

Наше самостояние и наша культура

(Взгляд на наш духовный мир за последние семь десятилетий)

Статья известного журналиста Кондратова в газете «Известия» за 11 ноября 1990 года начинается с такого диалога:

«– Как вы думаете, что сейчас важнее – экономика или культура?»

– Конечно, культура!

– Почему?

– Потому, что культура не даст нам сожрать друг друга!»

В этих шуточно высказанных словах – большая правда. Есть два чрезвычайно важных фактора, обуздывающих, не позволяющих править бал отрицательным, даже диким инстинктам, таящимся в человеческой природе, – это убежденная приверженность высокой идее и, второе, причащение к культуре, выработанной за десятки тысяч лет человеком – «венцом всех живых созданий!»

Говоря о культуре, я имею в виду не только материальную культуру, вобравшую в себя высокую технику, исключительные достижения науки. И в старину, и теперь в наших оседлых селениях, и в среде кочевых предков – «тэрэкеме» были такие мужи и такие хранительницы очага, которые, не обученные грамоте, наукам, обладали высокой внутренней культурой, высокими человеческими добродетелями – верностью, любовью к отечеству, чувством чести и достоинства. И первопроходцы культуры, и пророки выходили из их среды. Порой можно встретить ученого мужа, у которого не найдешь и следа от перечисленных мною высоких человеческих качеств. Потому Хмельной Искендер²¹ сетует: «Все мне твердят: учись, будь ученым, но никто не говорит: учись, будь человеком!»

Ведь мы насмотрелись на своем веку хамелеонов, вопиющих с трибун о совести, цитирующих Дидро, Аристотеля, меняющих обличье при каждом новом правителе, сегодня превозносящих, а завтра клеймящих с пеной у рта того же «вождя». Такие заслуживают самого сурового наказания. Ибо они убивают в рядовых гражданах веру. И тем самым сталкивают легковверных на кривую дорожку, даже толкают на преступление. Рядовой человек видит, что эти многоликие лицедеи, славословя нового лидера, добиваются хорошего положения, щедрой mzды, а рядовому человеку никто и копейки не дает за то, что он просто чистый и праведный.

За последние семь десятилетий сталинские репрессии²², дальнейшее фарисейство погубили в людях веру во все святые чаяния, все святые идеи. Дело дошло до того, что даже веру в истины генетики, кибернетики объявили «крамолой».

Насильственная коллективизация, показушный интернационализм, брутальный атеизм явились катализатором порочных проявлений – зависти, ханжества, корыстолюбия, угодничества, шкурничества. Брат не верил брату, отец – сыну... Таким образом, в обществе, замкнутом «железным занавесом», происходила девальвация внутренней духовной культуры, сменявшейся холодным и беспощадным цинизмом. Нарушилось равновесие общества. Обеднение большинства населения лишало людей возможности взаимопомощи. Угасающему от голода ничем нельзя было помочь, кроме сострадания. Люди, ощущая ужасы режима, не смели поднять голоса.

Нет веры в Аллаха! Нет веры в Сталина! Во власть! Львиную долю заработанного тружеником отбирало государство. Естественно, в такой атмосфере должны были разгуляться взяточничество, воровство,

всевозможная преступность.

Подавление чувства национального сознания оказывало крайне отрицательное воздействие на национальные меньшинства, в том числе и на наш народ. Спрашивается: почему этноним «тюрок», значившийся в наших паспортах до 1938 года, был насильственно отнят у нас? Где это видано, чтобы самоназвание народа изменялось по вердикту партии и правительства? И почему мы должны были перейти именно на кириллицу? Причина была понятна. Эта беспардонная «демаркация» преследовала цель напроочь изолировать нас от османских турок.

В 1958 году, работая секретарем СП, я повез на своей машине гостившего в Баку турецкого писателя Яшара Кемаля в Губу. По дороге беседовали о том, о сем. Собеседник с интересом слушал мои суждения и высказывания о классиках турецкой поэзии и прозы – Абдулхакке Хамиде, Тофике Фикрете, Зия Гейалле, Рзе Тофике, Решаде Нури, о современной турецкой литературе, о произведениях самого Яшара Кемаля.

Грустно вздохнув, он посетовал:

– Ильяс-бей, вы вот читаете нашу литературу, а мы не можем читать ваши произведения. – Помолчав, добавил: – Из-за кириллицы.

Рискуя показаться нескромным, я сообщил гостю, что большой успех, с которым мои пьесы – «Странная наша судьба» и «Свидание влюбленных в аду» – прошли на сценах Стамбула и Анкары, был отмечен почти во всех газетах Турции. Из информации явствовало, что оба спектакля вызвали большой интерес у зрителей. Даже раздавались удивленные голоса: «Мы и не знали, что в Азербайджане есть такая драматургия, такой театр...».

Я привел этот пример, чтобы проиллюстрировать существующее между нами родство.

Кстати, должен сказать, что наше возвращение к латинской графике – историческая необходимость, и в таком переходе нет особой трудности, как это раздувают иные оппоненты. Самое важное – весь народ желает этого. Полагаю, что и другие тюркоязычные народы, живущие в Советском Союзе, рано или поздно перейдут на этот алфавит. Потому не стоит затягивать этот процесс словопрениями и надо начать дело с умом и толком. Мы живем в период, когда что ни день, то новый вердикт, каждый день меняется атмосфера. Переход на новый алфавит – потребность нашей культуры...

Мы считаем целесообразным также и преподавание арабского алфавита в школах. Основа нашей культуры запечатлена на нем, и Коран написан на этом алфавите. Для того, чтобы знать наше прошлое и полностью овладеть наследием прошлого, надо усвоить арабскую графику.

Порой в печати нас называют «двуязычными». Я считаю это оскорбительным для престижа нашей родной речи и культуры, и всегда открыто выражал свое мнение. Начиная с наших предков, мы учили русский язык. Моя прабабушка Салина-ханум, не видевшая на своем еку больших городов, выросшая в среде полукочевых «тэрэкэме», повезла своего сына (моего деда) Байрама на верблюде в Шушу, одолев трехдневный путь, и определила его в русскую гимназию. Дядя мои учились в русской школе. Отец

мой в свое время ежедневно, и в стужу, и в метель, проделывал девятикилометровый путь от карабахского села Сарачик до села Гаргабазар и обучался в русской школе. Наши классики, в частности, такой великий поэт, правоверный человек, как Сеид Азим (Ширвани), призывали учить русский язык. Короче говоря, нет необходимости доказывать, что мы должны владеть русским языком. Надо знать арабский, фарси, равно как и французский, английский, немецкий языки. Такого мнения придерживались у нас и до 1920 года²³. Но это не значит, что мы «двуязычные». Не пойму, почему, с какой целью так заявляют люди, выступающие с советской коммунистической платформы? Если дело в знании русского языка, то мы и до, и после революции всегда стремились изучать этот язык. Чего же ради приклеивать нам ярлык «двуязычных»?

Еще раз повторяю: считаю императивное изменение самоназвания нашего народа, как и традиционного алфавита, оскорбительным в отношении нашего народа, нашей культуры и истории. Считаю это следствием дискриминации, ущемления прав нации. В Болгарии, при правлении коммуниста Живкова, турецким гражданам, составлявшим этническое меньшинство²⁴, было насильственно изменено не только их этническое самоназвание, но даже «оболгарены» их личные имена и фамилии...

Подобные насильственные санкции нанесли немалый вред и духовному состоянию нашего народа.

Новые поколения либо отторгались от своей национальной истории, либо же истины этой истории преподносились им в перелопаченном, искаженном виде.

Я уже несколько лет кряду летние сезоны вместе с семьей Эльчина провожу в Загульбе. Наблюдаю, хоть и со стороны, образ жизни приезжающих туда на отдых людей. Летом в Загульбу приезжает, как говорится, городская «аристократия». По вечерам в приморскую аллею на променад выходят дамы в дорогих нарядах, усыпанные драгоценностями, молодежь в импортных джинсах, импортных рубашках. Летний кинозал бывает битком набит. Почти вся эта публика – наши сонародники, азербайджанцы, но родной речи здесь не услышишь. Как-то прибывший из Москвы инженер спросил у меня: «Почему эти красивые барышни и парни не разговаривают по-азербайджански?»

– Видимо, им не нравится говорить по-азербайджански, – иронически отозвался я.

– Не может этого быть! Ваш язык настолько музыкален, настолько благозвучен, что невозможно чураться его!

Меня очень заботила причина этого обстоятельства, и я однажды посетовал моему другу, академику в области технических наук:

– Последние события показывают, что наш народ – патриот своей культуры, готовый ради нее к любому самоотвержению. Но как же так получается, что фланирующие по этой аллее красавицы и молодые люди не говорят на родном языке?

Мой друг вздохнул:

– Это задача долгая... – Помолчав, добавил: – Я уверяю тебя, что они не имеют отношения к народу.

Наша интеллигенция, сохранившая духовность, не утратившая национального лица, – не такая... Да и здесь я знаю много семей, где и родители, и дети, в совершенстве зная русский, общаются на родном языке. Большинство тех, кто не разговаривает на своем языке, то есть считает его якобы зазорным для себя, – это «беки в кои веки»!.. Снобы, каким-то путем набившие себе карман, дорвавшиеся до карьеры. Но если хочешь знать правду, то повинны в этом прежде всего столоначальники, сидящие в верхах. И секретари ЦК, и все министры к месту и не к месту говорят по-русски. На всех заседаниях выступают с речами на русском языке. Отвечают жалобщикам на русском языке. Как-то я ходил на аудиенцию к одному из бывших председателей Баксовета. По делу. Сколько я ни говорил по-азербайджански, а он все отвечал по-русски. Наконец я не выдержал. Я поднялся и сказал: «Уважаемый товарищ председатель! Я семь лет учился в Москве. И русский язык знаю не хуже вас. Сожалею, что пришел к вам на прием». Сказал и покинул кабинет. Такие снобы не понимают, что язык – это национальное достояние народа. Его история...

У нас все общественно-политические собрания, как правило, ведутся на русском языке. И доклад читается на русском языке. Спросишь о причине, пришлют ярлык националиста или же ответят: «Из Москвы прибыл товарищ», «Так надо, потому как у нас город многонациональный».

«Многонациональный» – такая же пустая отговорка, вывеска, как «двуязычный». Разве в Москве, Ленинграде (Санкт-Петербурге), Париже, Лондоне не проживает множество представителей других национальностей? В народе говорят: «Беда от половинчатого». Ведь есть же культурная процедурная традиция. На собраниях, заседаниях с участием иноязычных представителей, дабы их посвятить в то, о чем идет речь, их снабжают наушниками, и выступления озвучивают переводчики.

Все это – горькая реальность, в той или иной степени имеющая место быть и сегодня.

Дело в том, что семидесятилетний режим, подавляя людей своими карами, атрофировал их духовность. Люди с изувеченной духовностью, затюканной волей утрачивали свое национальное самочувствие, национальную память. В их сознание въедалась рабская психология: «Да-с! Верно изволите говорить! Азербайджан – детище Октября. А до него у нас не было культуры...».

Таким образом, что могла поделаться нация, у которой отняли самоназвание, алфавит, историю, чье духовное существо, как и экономика, не имело никаких прав на самостоятельность?

Долгие годы мы сетуем, например: «Почему у нас не создаются фильмы, имеющие высокую художественную ценность, как в Италии, в Америке? Неужели и впрямь у нас до сих пор не выросли кинорежиссеры, обладающие сильным талантом? Если нет, то в чем причина? Ведь наш народ испокон веков являл миру множество истинных талантов во всех областях – в искусстве, науке, на общественном поприще...».

По-моему, истинная причина в том, что азербайджанская кинематография не возымела своей самостоятельной творческой позиции, какой требовали национальный дух, национальный колорит. Киностудия никогда не была самостоятельна в принятии и реализации сценариев. (Я не знаю, как обстоит дело сейчас, в последнее время, так как киностудия не столь уж контактирует с нами,

писателями, не имеет смычки).

Я в совсем молодую пору три года проработал на Бакинской киностудии начальником сценарного отдела. Все дела на студии велись на русском языке. Сценарии писались либо на русском, либо переводились на русский язык. Их обсуждения, дебаты также велись на русском. После принятия на худсовете сценарии отправлялись в Москву на утверждение. С этого момента и начиналась «заваруха». Сценарий наш отдавали какому-либо консультанту. Зачастую таковыми оказывались пожилые пенсионеры, некогда безуспешно пытавшиеся заниматься писательством, утвердиться на ниве литературы. Естественно, не имея достаточного представления о литературе, национальном духе, обычаях и традициях азербайджанского народа, о жизни которого шла речь, они подвергали сценарий нелепому «совершенствованию» и, перелопатив, возвращали студии. И местные киноначальники с не очень ясным национальным лицом, пекущиеся лишь о своем реноме, допускали изуродованный сценарий в производство. Однажды мы пригласили в Баку одного из вышеупомянутых консультантов-перекройщиков. Показав ему несколько редакторских «корректировок», совершенно чуждых национальному духу азербайджанского народа, я спросил:

– Почему вы, так сказать, русифицировали ситуацию, художественно верно воссозданную автором и соответствующую нашему менталитету?

Снисходительно улыбнувшись, гость ответил:

– Русский зритель ее не поймет...

Этот странный «критерий» консультанта применялся ко всем отправляемым в Москву нашим сценариям. В итоге ничего не оставалось ни от автора, ни от Азербайджана. Та же участь постигала и отснятые фильмы. Режиссерская трактовка натыкалась на нелепые претензии.

Таким образом, все помыслы и сценариста, и режиссера поглощала забота о реакции московских консультантов или начальников: как добиться их одобрения? То есть, чтоб работа пришлась им по вкусу и отвечала их «критериям»? Естественно, при таких «прокрустовых» условиях не мог вырасти большой режиссер. Талант требует свободы, независимости. Ряд тогдашних талантливых произведений был только лишь исключением. Такое положение продолжалось до недавних времен.

Как-то мне позвонил молодой режиссер из Бакинской киностудии: «Я хотел бы снять фильм на основе вашего романа «Сказ о Сарыкёйнек и Валехе». Сценарий написал я сам». Хотя я не знал толком режиссера, из-за его настояний не стал возражать, но с условием, что сам хочу ознакомиться со сценарием. Режиссер, однако, не прислал свою версию. Я решил, что, наверно, работа еще не готова. И позабыл об этом предложении.

И вот однажды из газеты узнаю, что снят телефильм по моему «Сказу о Сарыкёйнек и Валехе». И вскоре, просмотрев этот фильм по телевидению, я был и огорошен, и возмущен, не зная, как быть: в фильме от моего романа, можно сказать, ничего не осталось, а то, что осталось, было обезображено.

Позвонив на студию, я спросил у режиссера: «Уважаемый товарищ, что ж вы натворили с моим произведением?» Он побожился, уверял, что ему навязали из Москвы соавтора, и тот переработал сценарий заново... Я спросил: «А он читал роман?» «Нет». «Побывал в Баку?» «Нет. Он работал над написанным мной сценарием».

Что я мог сделать после такого ответа?! Долгие годы наши режиссеры, сценаристы работали вот в таком «пришвартованном» положении. Не было у них свободы действий! Не могли проявить свой талант самостоятельно! Потому мы не вправе винить их в бесталанности. На протяжении долгих лет из Москвы к нам прибывали «кураторы», дабы «контролировать» наши театры, и большинство из них составляли люди, никому не известные в мире искусства. Тем не менее, они так свысока смотрели на нас, наше искусство, будто оказались среди туземцев. Поэтому я предпочитал не общаться с ними и не интересовался их «авторитетным мнением».

Словом, и в области кино, и в театральном мире мы пребывали в положении провинции, зависящей от «центра», пляшущей под его дудку, не имеющей никакой самостоятельности. Например, один из крупнейших очагов культуры республики – Академический драмтеатр – не мог выезжать ни на какие зарубежные гастроли. И вот за последние семьдесят лет впервые наш драмтеатр отправился на гастроли в Турцию. Большой успех гастрольных спектаклей показал, сколь вредоносно тормозили заслуженное международное признание нашего искусства «невыездные» табу «центра»!

Правда, из Москвы иногда приезжали компетентные, знающие деятели искусства на просмотры наших театральных постановок. И они воздавали должное нашему искусству. Я, вновь рискуя показаться нескромным, сошлюсь на высокий отзыв профессора Филиппова, просмотревшего с успехом шедшую в 1948-49 годы в Азгосдрамтеатре пьесу «Вешние воды»; после просмотра он сказал мне и незабвенному нашему режиссеру Адилю Искендерову: «У вас есть такие актеры, которых можно сравнить только с артистами МХАТ». И в качестве примера назвал Алескера Алекперова и Джаббара Алиева.

В 1964-м или 1965-м году на просмотр моей пьесы «Ты всегда со мной» приезжал народный артист СССР Михаил Царев. Высоко оценив пьесу и спектакль, он говорил нашему талантливейшему режиссеру Тофику Кязимову: «Вы с этим спектаклем можете отправиться на гастроли в любую зарубежную страну». Он был восхищен игрой тогда девятнадцатилетней Амалии Панаховой.

...Ныне мы начали питать надежду, что происходящие в стране процессы откроют возможности для того, чтобы наши таланты вырвались из административных клеток на свободное пространство общекультурного мира... Погляди́м, что станется? Азербайджанский народ всегда блистал талантами.

Вина за то, что созданные за последние семьдесят лет сочинения тоннами превращались в макулатуру, в первую очередь, на системе. Ибо в этих сочинениях превозносились доводившая народ до ручки, обрекавшая людей на адские мытарства политика и регламентированный ею образ жизни, с беспрецедентным цинизмом и фальшью преподносившийся, как счастье.

Истинно талантливые художники чувствовали, что значат сталинские репрессии, позднейший

застойный период.

Некоторое время тому назад я по телевидению слушал давно написанные, но не опубликованные стихи Бахтияра Вагабзаде. Как же глубоко прочувствовал поэт раны, нанесенные безжалостной эпохой душе народной, роковую нашу безысходность... Слушая те стихи, я думал: что подсказывала совесть тем поэтам, которые по всей стране пели несметные дифирамбы Сталину и получали награды за одописание? Ведь говорят, поэзия – плод самых сокровенных, святых, возвышенных чувств?! И сам себе отвечал: «Ни одно из произведений, даже самое высокое по художественно-эстетическому уровню, даже самое ослепительное, не является поэзией, плодом истинного, Божьего дара. Они – насмешка дьявола, заглушившего совесть авторов, над человеческой природой...».

Эта насмешка дьявола продолжается и поныне. И ныне есть такие поэты, труженики пера, которые сегодня славословят Икса, ставшего руководителем республики, а завтра чествуют смещенного Икса и поют дифирамбы пришедшему к власти Игреку...

Все советское семидесятилетие наша духовность и связанный с нею наш творческий мир никогда не были свободными и независимыми, никогда не обходились без «вышестоящих», без ЦК.

На днях я перечитал рассказ очень любимого мною Марка Твена «Как меня избирали депутатом». Рассказ напомнил мне эпизод, имевший место, когда я приступил к работе как новоизбранный секретарь Союза писателей. В первый же день очень почитаемая нами управделами принесла мне поступившую почту. Вручив несколько писем, телеграмм и прочее, она придержала у себя два запечатанных конверта. Я сказал:

– Распечатайте и их, поглядим, что там.

Управделами, как всегда, строго отозвалась:

– Товарищ Ильяс, эти письма не касаются вас.

– Почему? – удивился я.

– Потому что вы не член партии!

– Выходит, их может прочесть только секретарь-партиец?

– Да!

Несмотря на эту закавыку, я продолжал работать. Меня заботили мысли о том, что надо предпринять во имя обеспечения высокого художественного уровня, правдивости литературных произведений, чистоты, богатства, естественности литературного языка, как бороться против потока графомании; как обстоит дело с отображением в художественной литературе нашего исторического прошлого. Но вскоре вокруг этих вопросов у меня с партийными «верхами» начались «незримые» конфликты. Например, по прочтении новоизданного «романа» или поэмы «авторитетного» автора убеждался, что это

искусственная подделка. Намеревался провести широкое нелицеприятное обсуждение и показать недостатки, в назидание другим. И вот ко мне приходит автор и с довольным видом сообщает, что его сочинение «наверху» восприняли с большим одобрением, «товарищи руководители» поздравили его, и вскоре в газете «Коммунист» вышел невероятный панегирик, от которого столбенеешь. Так как это затрагивало мою служебную и профессиональную позицию, я звоню редактору и спрашиваю:

– А вы сами читали это произведение?

– Валлах, по правде говоря, не удосужился прочесть. Денно-ночно занят официальными материалами. Но «наверху» читали. И очень там понравилось.

Проходит время, и «верхи» советуют Союзу писателей представить «роман» или поэму на соискание премии. «Верхи» сказали – и баста. Представляли. Награждали, ибо так хотели «верхи». Конечно, не один я в Союзе писателей отличал «зерно от половы», но наши усилия не давали проку. Порой «вышестоящие» инкриминировали одобренному нами талантливому произведению то, что в нем якобы слабо показана руководящая роль партии, и критика перекрывает позитив. И поэтому ни одна газета не решалась опубликовать положительный отзыв об этом произведении.

Прошли четыре года моего секретарства. Однажды я подвел итог: какую пользу я принес Союзу писателей за этот срок, и что сам написал? Ответ на эти вопросы не порадовал меня... Потому в один прекрасный день, никого не спросясь, как говорится, надел свою папаху и покинул пост.

Да и в наши дни, глядишь, конъюнктурщики нашептывают на ушко руководителям доносы (я неспроста употребляю слово «донос», так как оно за последние семьдесят лет вошло в наш лексикон). И достопочтенные руководители, благосклонно внимая этим наущениям, по доносу какого-то подлеца отпихивают назад честных людей. Неужто наша совесть настолько девальвировалась, что наши столоначальники делают работу по наводкам доносчиков? Куда подевалась мужская, национальная честь? Где же отважные игиты, каравшие вероломцев и шкурников?! Должны мы всерьез задуматься о нашем национальном достоинстве хотя бы в этот перестроечный период или нет?

Думая о нашем национальном духовном, нравственном мире, не могу обойти молчанием традиции чести, освященные нашими предками. Это понятие во все времена, в лихолетье было нравственной опорой народа нашего. Национальная честь не относилась только к вопросам супружеских уз. Наши отцы, говоря о ней, думали о чести отечества, нации, о ревнительстве к соседям, близким, о почитании старших. И это ощущение было подсознательным, в крови. Смысл, толк этих традиций, их естественная природа пронизывали все их существо... То есть предки пришли к этой философии не путем холодных рассуждений, не по указке правителей, а чутьем, сердцем, и корни этой философии восходят к божественной воле, донесенной до нас Пророком, к чувству великой веры, внушенной нам этой всеохватной божественной волей и свободой людей в социальной и экономической жизни... С изничтожением этих высоких чувствований духовный мир людей уподобился караван-сараяю. Каждый раз императивы сменявшихся диктатур выхолостили, измельчили, даже в большинстве случаев погубили характерные, формировавшиеся веками достоинства гражданина, обездоленного и разоренного во всех отношениях!

Мой друг – академик, упоминавшийся выше, справедливо сетовал на нынешние нравы в построении семьи:

– Встарь у нас всегда до женитьбы сына родители знали, на ком он женится, какого роду-племени его избранница, какова она сама. Но теперь, глядишь, парень случайно знакомится на улице или на танцах с девушкой. Кто она? Чем занимается? Какого поля ягода? Кто ее родители? Не зная этого, а порой и не уведомляя родителей, женятся. Или доводят дело до того, что родители вынуждены их поженить. В подобной семье, построенной по меркам «свободной любви», вскоре возникают всевозможные адские конфликты. Глядишь, либо она изменяет ему, либо он ей... А то и отвечают друг другу «взаимностью». Если муж оказывается «покладистым», то закрывает на это глаза, и так начинается двуличная, отвратительная жизнь...

Общеизвестная истина: семья – основа общества...

Настоящая семья должна создаваться на основе чистой, искренней любви... Если родитель не занимался воспитанием своей, скажем, дочери, если его не заботило то, с кем она водится-знается, и ради мнимого «культурного» образа жизни родитель предоставил ей полную свободу поведения, и дочь пошла по кривой дорожке, то почему такая особа должна, выйдя замуж, стать причиной появления еще одной ущербной семьи? И если парень не знал никакого семейного воспитания, никаких нравственных устоев, то почему он должен, женившись на честной девушке, обрекать ее на несчастливую судьбу? Зачастую от таких браков и плодятся эгоисты, корыстолюбцы, наркоманы... И это закономерно. Если у человека атрофированы совесть, доброта, если ему нет дела до чести семьи, рода, народа, то о чем он будет болеть душой? Чего он будет стесняться? Отцами сказано: чувство чести и достоинства – не удел отребья. Мужчина был мужчиной. Таково было кредо наших отцов. У каждого народа, нации есть традиции чести и достоинства, выдержавшие жизненные испытания и освященные нацией.

Иные супруги, ведущие ущербную и неблагоприятную семейную жизнь, воображают, что общество в неведении об их грехах. Как страусы, зарывающие голову в песок. Подобно тому, как мы знаем о распоясавшихся невестках, побивающих камнями на улице или обрушивающих тарелки на голову несчастной свекрови. Но мы видывали и многих достойных, праведных женщин, разводящихся с никчемными, алчными и нечистыми на руку мужьями – именно из-за их порочности.

Когда скончался мой дед по отцу, четверо сыновей и дочь остались на попечении овдовевшей матери Халсы. Молодая и красивая Халса, оставшись вдовой, посвятила свою жизнь осиротевшим детям, взлелеяла, взрастила в добром здравии, поставила на ноги. Слава Аллаху, что в наших городах и весях такие благородные матери достойно продолжают эти заветы самоотверженности. А неблагородные встречаются во все времена...

Я вновь и вновь думаю, что истинной причиной возникших за последние семьдесят лет в духовном мире ущербности, потери веры в Аллаха, в святые чувства, в великие идеалы свободы и демократии был страх, внушавшийся ужасными репрессиями сталинизма. И слава Аллаху, что сегодня у нашей республики налаживаются политические, экономические и культурные контакты, например, с Турцией, и я считаю это событием, очень значимым для нашего народа в стратегическом отношении. Хотел бы,

чтобы деловые диалоги, проводившиеся министром культуры Поладом Бюльбюлюглу в Турции, визит министра культуры Турции Намик Кемаля Зейбека в Баку эффективно содействовали дальнейшему упрочению наших культурных связей.

Очень похвальна инициатива Министерства культуры по созданию творческих связей с миром искусства других стран. Азербайджанский театр, азербайджанская драматургия выходят из заточения, порожденного периодами сталинизма, застоя. Пусть все увидят, что гений азербайджанского народа, явивший Низами, Физули, всегда жил и животворил...

...Наша судьба, на протяжении всей истории изобиловавшая ненастями и грозами, вновь вознесла над нами наше трехцветное знамя. Я как в воду глядел. В драме «Одинокая ива», написанной в прошлом году, я предсказывал, что наше трехцветное знамя непременно будет возвращено. Оно было символом справедливости, равенства, демократии. Оно возродит наши традиции мужества, отваги, героизма!

...Мы верим в начавшуюся демократизацию, надеемся на нее. Добрые национальные чаянья нашего народа заново обретают крылья. Вдохновение независимого творчества зовет к высоким свершениям свободного созидания...

Да поможет судьба, чтобы эти надежды вновь не оказались иллюзией!

Ноябрь, 1990 г.

Голос из глубины веков

(Переход на новый алфавит и размышления о нашем национальном самосознании)

Всегда при чтении стихотворений Физули у меня в душе слышался какой-то мугам, озвученный голосом таких исполнителей, как Хан, Сеид, Рубаба, Зейнаб²⁵, и мелодия, сливаясь с ладом стиха, превращалась в беспредельную печаль... И мне казалось, что сами стихи звучат как «сейгях»... «раст»... «гатар»²⁶.

Я неверным оказался,

о, приди и душу отними...

Кажется, эту высокую трагедию человеческой любви, эту беспредельную боль, прозреваемую гением, может выразить только мугам. А порой мне казалось, что эти стихи поэт «услышал» неким божественным наитием из самой стихии мугама. Иначе отчего из его души исторгся поразительный молитвенный вопль:

О, Творец, с бедовой страстью кровно

обратай меня,

Ни на миг с бедою страсти ты

не разлучай меня...

Почему он жаждал кануть в океан любви, ввергнувшей в беду Меджнуна?! Не желал расстаться с горем, погружаясь в него?

Восемнадцати лет, окончив среднюю школу, я был назначен учителем в село Бююк Бахманли. Школа находилась на отшибе села, в дореволюционной постройке вблизи Араза. Я и жил в комнатухе той школы.

Осень в селе Бахманли была особенно живописна. Темнели поспевшие ягоды ежевики, по селу разносилось благоухание созревших дынь, «шамамы». А бахманлинские арбузы славились на всю округу.

По обыкновению, вечерами, после уроков я садился у окна, выходящего на Араз, и читал книги, частенько – стихи Физули. Читал вслух, тихо, нараспев, как моя покойная матушка. Как-то в сельской цирюльне, когда я стригся, деллек (цирюльник), улыбнувшись в зеркало, ласково проговорил:

– Муаллим²⁷, всегда, когда я слышал, как ты читаешь Коран во время вечернего азана²⁸, я радовался и думал: хвала ему, не связался с комсомолом, не сбился с пути отца своего Эфенди...

Признаться, добрые слова сельского цирюльника меня не на шутку всполошили. Были времена, когда бушевали сталинские репрессии. Из-за пустячного слова могли человека схватить и сгноить. А я был, как тогда говорили, парнем «с подмоченной анкетой». Родителей лишили права голоса, в любой момент их могли отправить в места не столь отдаленные... И застава пограничников – в километре от школы. Прицепятся еще: мол, ведешь в селе религиозную пропаганду. Поди докажи, что читал не Коран, а Физули.

Конечно, брадобрею я ничего не сказал, но впредь не стал читать, сидя у окна.

Известно, что Физули жил несколько раньше Шекспира. Но глубинное родство между «Лейли и Меджнуном» и «Ромео и Джульеттой» не может не удивлять. А авторы – гении, возвращенные совершенно разными народами. Нет таких человеческих страстей, которые бы остались вне внимания всепроникающего гения Шекспира.

Как и в «Ромео и Джульетте», в поэме «Лейли и Меджнун» – совершенная драматургическая композиция, законченные образы, стремительно развивающийся, умный, чрезвычайно естественный сюжет, романтические краски, лиризм, героические порывы, потрясающая трагедия...

Я не намерен сравнивать эти великие шедевры искусства, но не могу не отметить одну разницу, которую глубоко ощущаю: по-моему, в «Лейли и Меджнуне» трагедия великой любви, божественно высокого человеческого духа предстает еще глобальнее, еще беспредельнее, еще долговечнее... Быть может, это ощущение порождено во мне тем самым родством, двуединством души, духа, сопечальничеством музы Физули и музыки мугама?! Быть может, вечность, торжествующая в скорбных гимнах Физули, – это художественный контрапункт классических печалей Восточного мира, полного тайн и легенд?!

На днях я вновь послушал поэму Бахтияра²⁹ «Мугам» и вновь пришел к убеждению, что наша настоящая поэзия никогда не может оставаться безучастной к миру высокой печали, воплощенной в наших мугамах. Ибо этот мир – мир нашей трагической истории! Азербайджанский поэт, родившийся много веков спустя после Физули, в холодном сумраке сталинского репрессивного режима, с болью душевной внял печальным исповедям мугамов, повествующим нам о далеких веках.

И вдохновение поэта соединило, сроднило его сердце, как и сердце великого Физули, с трагическим миром, исповедуемым мугамами. И, слушая поэму и давно написанные, но не публиковавшиеся стихи Бахтияра, я думал, что мир не безнадежен, оказывается, во времена, когда правили бал отвернувшиеся от народных, отечественных бед «пииты», слагавшие несметные оды Сталину, Ворошилову, Орджоникидзе, прочим советским руководителям, и партия поднимала их на щит «домкратами» и навешивала медали им на бездушную грудь, когда были в фаворе дежурное фальсификаторство и фальшивая беллетристика, – были и одинокие поэты, отзывавшиеся на драматичные звуки мугама беззвучными, незримыми слезами! И за каждым сказом трагического диалога между сердцем такого поэта и мугамом мы слышим бессловесный стон человека, страдающего в тисках репрессивной эпохи.

Многие наши таланты, сердцем прикипевшие к мугаму – символу, исповедальному выражению духовного мира нашего народа, – долгие годы не могли высказать свои сокровенные думы так открыто, как Бахтияр. Если и раздавались такие голоса, то их никто не слышал, кроме нас самих, во-первых, из-за «железного занавеса», возведенного режимом, и, во-вторых, из-за кириллицы...

И вот находятся недалекие псевдорадетели, как говаривал Сабир, «накрахмаленные воротнички», которые сетуют, мол, «нас не знают за рубежом!» Но не задумываются о том, почему «не знают». Не думают, например, о насильственно навязанной нам кириллице. Наши сонародники по ту сторону

Араза, вся Турция, турки, живущие в других краях мира, не могут читать наши произведения на этом алфавите. И мы не вправе за это обижаться. Они-то хотят, но не могут читать. Не станут же миллионы турок только ради прочтения нас специально осваивать кириллицу. И нам незачем чаять этого от них.

...Почему, по какой причине миллионы наших турецких братьев должны пребывать в неведении о нашей литературе, культуре? Почему мы должны оставаться тайной за семью печатями? Или мало семидесятилетней «резервации»? Вот, например, наш выдающийся писатель Байрам Байрамов, при нынешнем трудном положении в стране, нашел в себе духовные силы и написал роман «Караванный путь» о великом Мирзе Джалиле и его достойной спутнице жизни и сподвижнице Гамиде-ханум. Мой друг – писатель со впечатляющей естественностью, с колоритностью, созвучной сердцу нашего народа, изображает многострадальные пути-дороги, которые прошел «духовный караван» Азербайджана... Почему этот роман должен оставаться в четырех стенах? Почему бы его не прочесть в оригинале миллионам читателей, скажем, в соседней Турции?

У нас находятся такие псевдогерои нации, которые из-за какого-то конъюнктурного лукавства ратуют за кириллицу. Одно утешение, что мы понимаем причину подобного усердия...

А некоторые, как чеховский Беликов, говорят: «Не торопитесь... Как бы чего не вышло...». И подобные беликовы вставляли немало палок в колеса развития нашей культуры и потворствовали фальсификации нашей истории.

Мы нисколько не умаляем значимости кириллицы. Этот алфавит бесценен для русских товарищей³¹ □ Русская литература, снискавшая мировую известность, создавалась на этой графике. Этот алфавит как бы прижился, сроднился с русской природой, русским колоритом.

Но, скажу откровенно, лично я не могу увязать с этим алфавитом ни эпос «Деде Горгуд», ни создававшуюся четыре столетия тому назад поэзию Физули, ни нашу современную истинную поэзию, такую, как «Мугам», ни дух мугамов, исторгнутых из сердца далеких предков и дошедших до нас... Если спросят о причине, быть может, я и не смогу объяснить. Но правда такова.

Это психологическая сторона вопроса.

О том, что дело не только в психологической причине, я сказал выше. И повторно задаю вопрос: «Почему же шестидесятимиллионный турецкий народ, с которым у нас общие корни, язык, религия, должен пребывать в неведении об азербайджанской культуре, литературе, науке?!»

Во всестороннем нашем взаимоузнавании у нас, прежде всего, есть духовная потребность. Последние семьдесят лет показали, насколько обделило наш духовный мир насильственное отторжение от турок и от собратьев за Аразом, и рассеянных по всему свету! Сколь отрицательное воздействие оказало оно на осознание нашей молодежью своей национальной сути! Почему должно быть так?

Я придерживаюсь мнения, что чем раньше мы перейдем на новый алфавит, тем лучше для блага нашей культуры, ибо завтра «колесо фортуны» может повернуться вспять... Наш переход на новый алфавит – выражение желания вырваться из тесной клетки автаркии, в которую нас загнал сталинизм, и

интегрироваться в мировую культуру. У нас есть и таланты, и потенциальная сила, чтобы идти в ногу с этой культурой!

Мы – наследники духовного мира, созданного Низами, Физули, Мирзой Фатали, Сабиром, Мирзой Джалилом!

Порой мы слышим также и голоса: «А может, нам вернуться к арабскому алфавиту?» И эти колебания я считаю естественными. Арабский алфавит издревле был дорог для нас. И священная книга нашей религии, и ценнейшие образцы нашей литературы, истории, науки писались и на арабском алфавите. Но надо шагать в ногу со временем, современное движение мировой цивилизации требует перехода на латиницу. Этого требуют обессиливавшее, изнурявшее нас одиночество и автаркия.

Именно по этой причине ратовал за переход на латиницу и великий прогрессивный мыслитель Мирза Фатали. Этот порыв исходил не от его атеистической философии и прочего, как некоторые полагают. Мирза Фатали был человеком проницательным. Он видел, в каком направлении движется история.

И еще вот что – на каком бы алфавите мы ни писали, нам необходимо знать и арабский алфавит. Наши ученые, исследователи без этого знания не могут изучать отечественную историю. Это понятное дело. Я выучился этому алфавиту у покойного отца. И поныне пишу на нем. Кириллицей не могу. Как ни странно, при писании на кириллице я забываю последующий ход мысли...

Повторяю, трудности перехода на латинскую графику не должны пугать нас. После перехода все закономерно войдет в свою колею. Значимые наши произведения будут печататься на этой графике. Что касается «макулатуры», то она рано или поздно будет предана забвению.

В Баку образовалась некая псевдоаристократия из более или менее образованных людей, преимущественно работающих на ответственных и «денежных» должностях. В таких семьях дамы, барышни, молодые люди, щеголяющие в дорогих импортных одеяниях и украшениях, как правило, общаются на русском языке. Мы совершенно не против употребления русского языка. Исстари нам было присуще искреннее стремление к тому, чтобы подрастающее поколение овладевало русским языком, а также и другими – арабским, персидским. Но это не означало, чтобы родная речь отодвигалась, как говорится, на второй план! Не секрет, что даже состоящие на важной государственной службе люди не читают книг, газет, журналов, выходящих на азербайджанском языке. И молодежь следует их примеру.

По-видимому, существует такая психология: дескать, «прессу, книги на азербайджанском языке никто, кроме азербайджанцев, не читает... Не читают их и московские земляки... И какой прок читать их нам? Читают в сельских краях – и ладно».

Нет нужды объяснять, сколь невежественна, национально-обезличенна такая логика. Конечно, если бы наша письменность велась латинской графикой, вряд ли подобные безликие люди, не видящие дальше своего носа, могли бы рассуждать таким образом.

В таком случае наши скороспелые «беки» были бы вынуждены читать и писать на родном языке, не

считая это зазорным для своих амбиций! И как бы ни пыжились такие снобы, становясь на котурны, им не прыгнуть выше своего росточка!..

«Историки», искажавшие нашу историю в эпоху сталинизма, выставляли азербайджанцев, живущих в Северном Азербайджане, столь изолированными от тюркского мира, что недалекие верхогляды представляли себе наш народ в таком ущербно-ограниченном виде.

Естественно, что, размышляя об алфавите, при написании этих заметок я по идущей издалека ассоциации вспомнил о поэзии Физули и поэтический диалог моего друга Бахтияра с миром мугама. Ибо, повторяю, у каждого народа есть свой, сугубо самобытный национальный дух!

Декабрь, 1990 г.

Примечания:

1 Ахунд – мусульманский духовный сан, предстоятель мечети; «Гаджи» – мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.

2 Джидыр-дюзю (букв.) – «Беговая равнина», большая поляна на гребне Шушинского горного кряжа.

3 «Эрим-гяльди» (букв.) – «Мой муж вернулся».

4 Хан Шушинский – прославленный певец-ханенде, исполнитель мугамов и народных песен.

5 «Ханум-гыз» – барышня.

6 Чарвадар – на Востоке человек, занимавшийся извозом.

7 «Четыре альчика» – в старину была такая азартная игра. Бросали одной рукой четыре альчика на кон, если альчик становился «на попа», это называлось «алчы» (означало выигрыш). А если альчик ложился плашмя – «тохан».

8 Джалил Мамедкулизаде (1866-1932) – великий азербайджанский писатель, основатель и издатель сатирического журнала «Молла Насреддин».

9 Хала – тетья по матери; здесь – обращение.

10 Кирве (букв.) – кум; так называли встарь друг друга армяне и азербайджанцы, жившие по соседству, тесно общавшиеся. (Ред.).

- 11 Даи – дядя; здесь – приставка к имени старшего по возрасту человека.
- 12 Гамид Султанов – видный государственный деятель советского Азербайджана. (Ред.).
- 13 Читатель, наверное, помнит, почему молодому Ильясу Эфендиеву пришлось расстаться с литературным отделением, считавшимся «идеологическим». (Ред.).
- 14 Кянкан – копатель колодцев.
- 15 Гаравелли – народная игра – состязание в сочинении небылиц.
- 16 Пир – святилище.
- 17 Видимо, речь идет о восточной версии библейского сюжета об Иосифе Прекрасном. (Ред.).
- 18 Магар – шатер для проведения торжеств и обрядов.
- 19 Сара Гадимова – знаменитая певица, народная артистка Азербайджана.
- 20 Истиглал – независимость.
- 21 Персонаж комедии Дж.Мамедкулизаде «Мертвецы». (Ред.).
- 22 В свете нашего позднейшего знания и исторических документов мы можем вести отсчет с самого В.И.Ленина. (Ред.).
- 23 То есть до советизации Азербайджана. (Ред.).
- 24 В восьмидесятые годы минувшего века численность этнических турок в Болгарии составляла около миллиона человек. (Ред.).
- 25 Хан Шушинский, Сеид Шушинский, Рубаба Мурадова, ушедшие из жизни, и ныне здравствующая народная артистка СССР Зейнаб Ханларова – прославленные исполнители и исполнительницы мугамов. (Ред.).
- 26 Названия мугамов. (Ред.).
- 27 Муаллим – учитель.
- 28 Азан – призыв к молитве у мусульман.
- 29 Бахтияр Вагабзаде – народный поэт Азербайджана. (Ред.).
- 30 Имеется в виду Северный Азербайджан.
- 31 Роль кириллицы, разумеется, неоспорима и значима и для письменности всех других славянских народов. (Ред.).

АНАР

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Минуло пять лет со дня кончины одной из величайших личностей нашей истории – Гейдара Алиева. С течением времени еще яснее осознаешь исключительную роль, которую сыграл этот неповторимый человек в жизни нашего народа, в судьбе каждого из нас. Постоянно ощущается его невосполнимое место. Лично я чувствую его отсутствие повседневно.

О Гейдаре Алиеве написано много, изданы солидные тома. С годами напишется еще больше, еще точнее выкристаллизуются оценки, прошедшие сквозь фильтр истории, еще глубже будут постигаться заслуги в контексте грядущих событий и в мире, и в нашей стране. Но это дело будущих поколений. А долг нынешних поколений, его современников, вообще тех, кто в той или иной мере общался и знался с ним, – безотлагательно запечатлеть на бумаге связанные с Гейдаром Алиевым воспоминания, сделать достоянием истории, как документ, разные грани и черты его сложного, внутренне богатого образа.

Правда, подобные произведения уже начинают появляться. В этом отношении хотел бы особо отметить солидный многотомный труд Эльмиры Ахундовой, посвященный Гейдару Алиеву. Эта работа Эльмиры-ханум, сопровождавшей и наблюдавшей его во многих поездках, написанная на основе личных впечатлений и бесед с самыми разными людьми, лично знавшими великого лидера, напряженных поисков в бакинских и московских архивах, в том числе в личном архиве Гейдара Алиева, – ценна своей объективностью, во многих моментах – новым, смелым видением.

У меня опубликованы две работы о Гейдаре Алиеве. Статья «Масштаб личности», написанная при его жизни в связи с 70-летием, была опубликована в бакинской прессе и в российском журнале «Огонек»; вторая – «Пришел и ушел победителем» – написана как эпитафия после его ухода из жизни.

Почти вся моя творческая жизнь с конца шестидесятых годов и вплоть до последних месяцев, отпущенных судьбой Гейдару Алиевичу, прошла перед его глазами. Много раз отзывался он обо мне добрым словом, и все это нашло отражение в печати. Он же подписывал решения о присуждении мне Государственной премии Азербайджана, званий Заслуженного деятеля искусств и Народного писателя.

В дни моего шестидесятилетия он поздравил меня очень теплой телеграммой и наградил меня – первым среди прозаиков Азербайджана – орденом Истиглал («Независимость»). Но важнее, значимее этих официальных наград было для меня ощущение его особого внимания и заботы в критические моменты моей жизни. Я, в принципе, против присуждения званий наподобие Народного поэта, артиста, писателя, художника... Я неоднократно высказывал это мнение прилюдно, публично, в частности, на мероприятиях, в которых участвовал Гейдар Алиев. Удостоившиеся этих званий в советское время решительно возражали мне: «Мы заслужили эти звания праведным трудом». Я отвечал: «Кто был в свое время удостоен этих титулов – да будет это им во благо, пусть и впредь носят их на здоровье, но нет никакой необходимости в период Независимости восстанавливать эти звания, которых нет ни в одной цивилизованной стране мира».

После того, как в череде других наших поэтов и прозаиков и ваш покорный слуга был удостоен этого звания, у меня, как говорится, язык укоротился, и я не мог повторять свои возражения с прежней

убедительностью. Иначе получалось, что сам-то получил, а чтоб и другие сподобились – не хочет. Я потому завел об этом речь, что иные оппоненты с торгашеским мышлением пытаются приписать мое доброе отношение к Гейдару Алиеву и симпатии к нему большинства нашей интеллигенции лишь корыстному желанию добиться каких-то благ, званий, премий, пенсий, бытовых привилегий и прочего. Что подделаешь, всяк мерит на свой аршин. Такие люди никак не возьмут в толк, что оценка заслуг Гейдара Алиева в истории и советского, и постсоветского Азербайджана может быть бескорыстной; или же, понимая все, сознательно наводят тень на плетень. Когда мы выражали естественную благодарность и признательность Гейдару Алиеву за то, что он сделал для всех нас, злопыхатели истолковывали наши слова как фимиам. А ведь он сделал очень много: обеспечил бюджетное финансирование писательского Союза и его печатных органов и вызволил их из безжалостных тисков «рыночной экономики», последовательно решал многие проблемы нашей литературной жизни, всегда высоко чтит память о наших классиках, санкционируя проведение их юбилеев на государственном уровне и лично принимая в них участие, выступая с компетентным и весомым словом о выдающихся творцах духовных ценностей, инициировал увековечивание их памяти, возведение монументов, создание музеев; оказывал наивозможнейшую помощь многим нашим видным писателям, страдавшим недугами, в организации лечения и восстановления здоровья... По логике тех злопыхателей получалось, что единственный способ избежать панегиризма – это быть неблагодарным; а изъявление признательности за добро, по их понятиям, – славословие... Неслучайно, что люди, некогда преуспевшие больше всех в славословиях партийному руководителю, после его ухода с поста запели совсем другие «песни».

Я горжусь, что отношение к Гейдару Алиеву большинства наших писателей, в том числе и мое, ни на йоту не менялось – и когда он был у власти, и когда был отстранен от всех постов и оказался в изоляции; напротив, когда некоторые отвернулись от опального Гейдара Алиева, мы выказывали к нему особенно бережное отношение и уважительность.

Он не порывал традиционных связей с писателями и в пору, когда остался не у дел. Когда он пришел на церемонию похорон Медины-ханум Гюльгюн, и когда прибыл на юбилейные торжества, посвященные Джафару Джабарлы, мы встречали его с подобающим почтением.

Перед IX съездом писателей мы с Эльмирой Ахундовой посоветовались и решили пригласить Гейдара Алиевича на съезд, и Эльмира передала ему подписанный мною пригласительный билет.

Впоследствии, являясь президентом независимого Азербайджана, Гейдар Алиев на X съезде наших писателей вспоминал об этом эпизоде:

«Эльмира-ханум сообщила мне, что предстоит съезд Союза писателей, и меня приглашают туда. Я сказал: Эльмира-ханум, большое спасибо, но полагаю, в моем появлении там нет нужды. Ибо теперь я тут кто таков, чтоб туда пожаловать? Не писатель я, чтоб придти туда в этом качестве... То был период, когда и в руководстве Советского Союза, и в руководстве Азербайджана учиняли много несправедливостей против меня. Сочинялись и распространялись измышления против меня. Я подвергался большому давлению и третированию. Я подумал, может быть, пригласили приличия ради, зная, что не приду. Я попросил ее (Эльмиру Ахундову. – А.), ты еще раз уточни. Затем она, позвонив мне, сказала, что переговорила об этом с Анар-муаллимом. И Анар-муаллим сказал, что «мы его

пригласили от чистого сердца, это не носит формального характера, потому мы будем признательны, если он придет». После этого я воспрянул, сказал, ежели так, то было бы не худо, пойду, проведу, как живется-может писателям. Пришел. Об этом тут вспоминали: вы с уважением пригласили меня в президиум. Это предложение высказал, кажется, поэт Мамед Аслан. Но я, поблагодарив, ответил, что, мол, теперь хочу посидеть внизу, поглядеть наверх... Тогда, сидя в зале, о многом думал-передумал. Кажется, справа от меня сидел Халил Рза, слева – Рафик Зека. Были писатели и вокруг меня, беседовали мы очень тепло. Почему я вновь вспоминаю этот факт? Потому что хочу сопоставить. В тот период, в феврале-марте, я участвовал на сессии Верховного Совета. Вы помните, – 99% сидевших в зале на сессии... – были люди, работавшие со мной и под моим руководством. Но там проявили ко мне сугубое неуважение, выказали плохое отношение. Даже прервали мое выступление, и затем последовали всевозможные клеветнические выпады. Однако тогда осмелившимся выступить с очень резкой отповедью был Бахтияр Вагабзаде.

С большинством из сидевших в том зале я денно и ночью трудился вместе. Они получили высшие посты. Бахтияр Вагабзаде – поэт, был и остается поэтом. У него нет иной должности, кроме поэтической. Но посмотрите, вот отношение этих людей (людишек – стоило бы сказать. – А.), и вот отношение поэта. То есть, я хочу вновь подчеркнуть свою привязанность к литературе и то, что люди, занимающиеся литературой, отличаются большей преданностью по сравнению с другими... В то время, как там (на сессии Верховного Совета. – А.) ко мне было проявлено столько неуважения, в зале Филармонии, на съезде писателей, ко мне проявили щедрую теплоту, душевное участие, очень высокое уважение. Тогда у меня не было возможности столь обстоятельно изъяснить свою благодарность. По прошествии шести лет я благодарю всех вас именно за этот прием. Большое вам спасибо».

После этого великодушного признания Гейдара Алиева на нашем X съезде у меня было моральное право высказать такие слова:

«Уважаемый Президент! Вы вспомнили наш съезд, когда Вы были не у дел, с такой признательностью и благородством. Хочу сказать, что, не пригласи мы вас на тот съезд, мы бы проявили неуважение к самим себе, и лично я должен был бы не уважать себя. Считаю, что 99% азербайджанских писателей, и я, как один из них – то есть подавляющее большинство, – могут прямо смотреть Вам в глаза. Ибо ни в какие времена не отворачивались от Вас. Ненадежность, неблагодарность, наверное, одни из самых ущербных черт на свете; не помнить добра... сегодня улыбаться в лицо ради проворачивания своего дела, рассыпаться в любезностях, а завтра отвернуться, когда проворачивание дела отпадает, – все это проявления, не достойные писателя, интеллигента, азербайджанца и вообще человека».

Широкоохватное отображение личности Гейдара Алиева, его роли лично в моей судьбе и судьбе нашей семьи, – тема большого повествования, и я после его кончины обещал написать такую книгу. Ныне я завершаю работу над этой книгой, и данные фрагменты – страницы из нее.

Текст, публикацию которого я начал в дни памяти великого лидера, представляет собой впечатления от моих непосредственных и «заочных» встреч с ним. Говоря о «заочных» встречах, я подразумеваю слова и суждения, высказанные им обо мне в мое отсутствие. Встречи и личное общение с ним связаны с незабываемыми впечатлениями. Мы многократно соприкасались на различных мероприятиях, юбилеях,

съездах; но три или четыре раза у нас состоялись очень обстоятельные и очень значимые беседы с глазу на глаз...

К счастью, я сразу после встреч записывал содержание этих бесед по «горячим следам» и далее, цитируя их, буду ссылаться на давние записи.

Два «заочных контакта» с Гейдаром Алиевым начались с его критических суждений об альманахе «Гобустан», прозвучавших в докладе на октябрьском пленуме ЦК в 1971 году. Тогда мы не были лично знакомы, и я не участвовал на упомянутом заседании. В ту пору я проходил учебу на режиссерских курсах в Москве. Позвонив из Баку, мне сообщили об этом, добавив и то, что на упомянутом пленуме в итоговом слове Гейдар Алиев высоко оценил мою статью «Азбука жизни», опубликованную в газете «Правда».

Многие годы спустя я гораздо глубже осознал и этот момент, и многие другие обстоятельства. В этом отношении самым достоверным источником стали слова, высказанные Гейдаром Алиевым уже в период Независимости. Считаю уместным привести здесь некоторые выдержки из его различных высказываний:

«..Например, я вспоминаю журнал «Гобустан». Сколько всевозможных доносов против него было, когда он появился! Один приходил и сетовал, мол, распространяет националистические идеи, другой – дескать, тиражирует идеи, направленные против нашего строя, этот – отсюда, тот – оттуда... Я брал журнал «Гобустан», просматривал, видел, что нет таких вещей, о которых они твердили, но есть много того, что нам необходимо. Поэтому журнал «Гобустан» выжил. Сегодня с чувством удовлетворения заявляю, что журнал «Гобустан» в то время осуществил очень важные дела».

(30 октября 1997г.)

К этим словам добавить нечего. Могу лишь сказать, что вопрос не ограничивался доморощенными стукачами. Усилиями наших рьяных доносчиков вопрос раздулся и был доведен до Москвы, в ЦК КПСС, и «Гобустан» подвергся критике в выступлении секретаря ЦК Капитонова за «националистические тенденции». Добавлю, что «Гобустан» издавался в известном смысле «нелегально», то есть не был включен в официальный реестр, утвержденный ЦК КПСС, и мы выпускали альманах по инициативе тогдашнего секретаря ЦК КП Азербайджана Джафара Джафарова по линии книгоиздания. При таком шатком положении закрыть «Гобустан» или, по крайней мере, уволить главного редактора не составляло особого труда. Но Гейдар Алиев не пошел на это. Как руководитель республиканской партийной организации, вынужденный реагировать на сигналы, исходящие из самых высших инстанций, он легонько покритиковал «Гобустан», но как патриот Азербайджана, не дал альманаху кануть в небытие.

У руководителя, в советское время уберегшего издание от закрытия, было полное моральное право

сказать в период Независимости: «Гобустан выжил». Привлекая внимание к опубликованной в «Правде» статье, он и меня оградил от местных доносчиков и от инвектив партфункционеров в Москве.

После упомянутого пленума «Гобустан» не только не закрыли, но и выделили дополнительные штатные единицы и две рабочие комнаты в Театральном Обществе, придали ему статус издания Минкультуры, дали указания типографиям об обеспечении своевременного выпуска альманаха.

Это был конкретный пример, ясно свидетельствующий, что Гейдар Алиев еще в приснопамятные советские времена умел все вопросы оценивать с позиций национальных интересов, а в период Независимости имел возможность неоднократно и открыто говорить об этом.

2 июня 1996 года он сказал:

«В те времена журнал «Гобустан» играл очень большую роль в нашей жизни. В нашем процессе национального возрождения, пробуждения национального самосознания роль «Гобустана» была очень велика. В те времена, быть может, иные этого и не осознавали. Вероятно, и поныне некоторые не могут в достаточной мере это осознать. Но я все это постоянно прослеживал и создавал необходимые условия для проведения в жизнь каждого такого начинания».

Естественно, в советский период Гейдар Алиев ограждал не только меня, но и других наших писателей, подвергавшихся доносительским поклепам и всевозможным обвинениям. Участвовавший от начала до конца на юбилейном чествовании выдающегося писателя, драматурга, сценариста Рустама Ибрагимбекова во дворце «Гюлистан» в 1999 году, Гейдар Алиев в поздравительном выступлении вернулся к делам минувших дней:

«Как-то, в 1989 году, в Москве, в интервью одному журналисту мы заговорили о временах моего руководства Азербайджаном. Он задал мне вопрос: были ли тогда у вас, в Азербайджане, диссиденты или нет? Я сказал, что не было. Он спросил, почему? Я говорю: мы не искали диссидентов. Естественно, если бы искали, можно было бы выудить много диссидентов.

...Самым большим диссидентом был Бахтияр Вагабзаде. Даже, помнится, когда я работал в министерстве госбезопасности, был поставлен вопрос о его аресте. Или же Халил Рза, он был одним из крупнейших диссидентов. Потому что его произведения, как и произведения Бахтияра Вагабзаде, возвещали правду. Но эта правда шла вразрез с тогдашними коммунистическими идеалами, и потому они являлись диссидентами. Но мы и Халила Рзу защитили, уберегли.

Максуд Ибрагимбеков, Рустам Ибрагимбеков являлись настоящими диссидентами. Но мы не дали им стать диссидентами. Может быть, сейчас они сожалеют, мол, если бы тогда Алиев позволил, и мы бы стали диссидентами, то сейчас, может, нас зауважали бы еще больше.

Или взять Анара. Он тоже был диссидентом. Например, создание журнала «Гобустан»; публикуемые на его страницах материалы, несомненно, носили диссидентский характер. У меня на памяти, в 1970 году, когда отмечалось 100-летие Ленина, мы в Азербайджане готовились и к 100-летию Наримана Нариманова... Приехал из Москвы представитель и говорит: «Как может быть такое, в журнале

«Гобустан» пишут, что Нариманов – личность побольше самого Ленина». Я говорю: «Товарищ, не может быть такого, наверное, вас ошибочно информировали, принесите, погляжу». Принесли (журнал – ред.), поглядел. В журнале «Гобустан» прошла статья писателя Исы Гусейнова о Наримане Нариманове. И там написано, что да, Нариманов не Ленин, а человек повыше и Ленина. Я сказал: «Знаете что, это пишет писатель, человек вольный. Это не значит, что и мы придерживаемся такого же мнения». Я кое-как уладил этот вопрос. Но после сказал нашим: «Ладно, вы уж не перегибайте палку...» Я напоминаю только один лишь факт. Но в том журнале подобных публикаций проходило много. Я тогда постоянно читал, прослеживал данный журнал, видел, что публикации хорошие... Пропагандировали тогда нашу национальную культуру, национальное прошлое, наш национальный дух. В отличие от наших официальных журналов... этот журнал пробуждал в людях национальный дух, внушал уважение и почитание к собственной истории, собственному прошлому, к своей культуре. Ибо в ту эпоху считалось так, что до Октябрьской революции не было ничего, все появилось после. Вот в те годы такое пробуждение присутствовало во многих произведениях наших писателей. В том числе и в журнале «Гобустан». Эти молодые люди таким образом в Азербайджане высказывали правду... и призывали людей к правде. На этом поприще много заслуг и у Рустама Ибрагимбекова».

Гейдар Алиев поддерживал меня не только в вопросах, связанных с «Гобустаном», но и в другие моменты. Неоднократно высоко отзывался о фильме «Деде Горгуд», одобрял мои литературные работы, спектакли и фильмы о Джалиле Мамедкулизаде и Узеире Гаджибекове.

Исключительна его роль и в трудной судьбе пьесы «Лето в городе». Уже был назначен день премьеры спектакля, поставленного нашим выдающимся режиссером, ныне покойным Тофиком Кязимовым. А Главлит (цензура) не давал разрешения. Гейдара Алиева в те дни в Баку не было, и заведомо культуры ЦК Азад Шарифов, пойдя на определенный риск, добился проведения премьеры без официальной санкции Главлита. После премьеры в газете вышли положительные рецензии Мирзы Ибрагимова и Гюльрух Алибейли.

В связи с этим, хочу привести отрывок из объемной речи Гейдара Алиевича на нашем X писательском съезде:

«Но теперь можно раскрыть дела минувшие. Сколько приходили жаловаться, да и из вашей собственной среды тоже. Один приходил и говорил – имярек пантюкист, другой говорил – имярек паниранист, третий утверждал – имярек турецкий агент, а четвертый – что он антисоветчик... Говорили, что у такого-то и дед был против советской власти, и сам он идет против этой власти. Сколько приходили, говорили, и сколько пытались преградить путь хорошим произведениям. Пытались закрыть дорогу книгам, критикующим негативные явления в нашей тогдашней жизни. Но вы также знаете, что я со дня избрания руководителем Азербайджана в 1969 году постоянно критиковал существующие в жизни Азербайджана уродства, негативные стороны, и вел борьбу с ними. Поэтому, когда, придя ко мне, говорили, что «Анар написал пьесу «Лето в городе» и в ней выступает против нашего строя и прочее...», я сказал, ладно, пойду, посмотрю. Отправился, посмотрел и очень похвалил, и премией удостоил...»

Об этих перипетиях писали и Азад Шарифов, и Эльмира Ахундова, не хочу повторять их, добавлю

только, что в тот вечер, после спектакля, Гейдар Алиев впервые в истории театра поднялся на сцену, повидался с авторами, артистами, сказал очень добрые слова, дал поручение первому секретарю Бакинского горкома партии Али Керимову обеспечить решение квартирных проблем актеров – исполнителей главных ролей; сказал, что эта пьеса непременно должна быть поставлена и на сцене Русского театра, показана преподавателям и студентам всех вузов и обсуждена с ними, и надо бы снять совместно с «Мосфильмом» двухсерийный фильм.

Могу ли я забыть все это?

* * *

1 апреля 1981 года я потерял отца. Двадцать дней спустя ушел из жизни первый секретарь Союза писателей Имран Касумов. До него этот пост занимал Мирза Ибрагимов. Не знаю, по какой причине его отстранили от должности; некоторое время он оставался в тени. Но вскоре он был избран председателем Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки, и ему были возвращены все временно отмененные льготы, ранги, номенклатурный статус. Вместе с тем, у многих не укладывалась в голове мысль о возвращении его к руководству писательским союзом.

Предстоял VII съезд Азербайджанских писателей, на котором должен был решиться вопрос и о руководителе Союза. Дата съезда то и дело откладывалась. Дело затянулось настолько, что дальше было некуда. Наш съезд должен был проводиться до Всесоюзного съезда, и на нем предстояло избрать делегатов на писательский форум страны. Чем дальше откладывался съезд, тем больше росли разговоры и пересуды.

Примечание:

Дальнейший текст, начиная с предыдущего абзаца, был написан в 1983 году, но до сих пор я его нигде не публиковал. Теперь впервые вынося этот текст на всеобщее обозрение, я не меняю в нем ни единого слова, ибо это свидетельство о событиях тогдашней ситуации, написанное по горячим следам. Определенные пассажи в этом тексте, связанные с Акрамом Айлисли, приведут, вероятно, читателя в недоумение. Дело в том, что немного погодя после моего избрания руководителем СП в 1987 году (одним из выдвинувших мою кандидатуру был и Акрам Айлисли) в наших отношениях с Акрамом возник холодок. Еще позднее мне пришлось отвечать на несправедливые претензии, впервые предъявленные мне именно с его стороны. Упрекам, высказанным мягко, следовал мягкий ответ, а жестким инвективам – столь же жесткая отповедь. Я бы простил Акраму несправедливые слова в свой адрес, но никогда не могу простить измышлений против моего отца, давшего ему рекомендацию для принятия в члены СП и всегда в меру своих возможностей опекавшего его.

Посвящаю вас в эти обстоятельства для того, чтобы вы не удивлялись тем моим давним теплым и добрым словам о нем в тексте, который прочтете. Конечно, я бы мог произвести сокращения, что-то вычеркнуть, что-то подредактировать в рукописи, никогда не публиковавшейся и хранившейся в моем архиве. Но пойти на это значило бы изменить истине, и такую фальсификаторскую «операцию» я

считаю ниже своего достоинства. Как мне тогда виделось, как думалось, каким представлялось, таким и запечатлел и таким предлагаю вашему вниманию. К тому же ведь тогдашний Акрам – не теперешний.

Здесь завершаю примечание и привожу ниже текст 83 года.

В ряду кандидатур на должность руководителя СП, по слухам, было и мое имя. Так как, согласно ходившим за последние пятнадцать лет слухам меня «назначали» на различные должности, и я знал, что все это пустые рассказы, я не придавал серьезного значения этим разговорам. К тому же я никогда не жаждал и не жажду занять никакую высокую должность и, наверное, никогда не возжажду. Благодарен судьбе, что мне выпала на долю прекраснейшая, чистейшая и гордая профессия – профессия писателя. В нашем обществе, по-моему, нет выше статуса писателя, поэта. Сама эта профессия означает, предполагает в себе достоинство и свободу.

И сохранить или утратить это достоинство и свободу, сберечь или потерять, – зависит от самого человека.

Люблю свою работу в «Гобустане», я сотворил это издание, от названия до всего его облика, и стремлюсь в меру сил и возможностей сохранить его неизменным. А неожиданное назначение на должность заместителя председателя Театрального Общества воспринял как чью-то неуместную и бессмысленную шутку. Я слышал, что людей увольняют с работы без их ведома, но о назначении без ведома назначаемого узнал за два часа...

На сей раз разговоры в связи с Союзом писателей стали приобретать более или менее серьезный характер.

Как бы то ни было, появление в литературных кругах ставило меня в весьма нелегкое положение. Люди, глядя на меня, многозначительно улыбались, конфиденциально пожимали мне руку, говорили: «вот и хорошо», «вот и славно», «поздравляю» и тому подобное. А прикидываться не ведающим, не понимающим, о чем речь, спрашивать «в чем дело, с чем поздравляете?» или принимать поздравления («спасибо, большое спасибо») – в той же степени ставило человека в глупое, абсурдное положение. Похоже, даже близкие мои друзья уверились в этом и строили планы в связи с моей грядущей деятельностью. И несколько представителей из высших официальных кругов заверяли меня, что вопрос «почти» решен...

Совсем незадолго до съезда меня вызвали в ЦК на обстоятельную беседу. На сей раз – почти два часа – мы вели разговор с секретарем по идеологической работе Гасаном Гасановым и заведомом культуры Вафой Гулузаде. Во второй раз мы побеседовали наедине с Гасаном Гасановым около четырех часов, до полуночи. Я понимал, и Гасан-муаллим сам не утаивал, что все эти беседы, пусть и вкратце, доводятся до сведения Гейдара Алиева.

Целью и сутью собеседований было выяснить мою литературную позицию, платформу, узнать мое мнение о нашей современной литературе, мое отношение к ее отдельным представителям, людям как близким мне, так и далеким. Я говорил откровенно, не утаивая, не обходя и сложных вопросов и отношений, и могу гордиться двумя выводами, к которым пришел Гасан Гасанов в итоге этих бесед. Об

этих выводах Гасан-муаллим высказался так: «Мы в эти дни переговорили со многими писателями, и ты единственный человек, который ни о ком не отозвался плохо – это первое; явно или косвенно не предлагаешь свою кандидатуру – это второе...»

Конечно, мне было приятно услышать такие слова. Это отнюдь не значит, что я с мягкотелым вселюбием не отличаю хорошее от плохого, благородное от подлого, честное от бесчестного. Я просто нутром не приемлю честить человека заглазно, прохаживаться по его адресу в кулуарах, о которых тому не дано знать. Потому за всю жизнь на съездах при тайном голосовании я до сих пор никого не вычеркивал, даже тех, кто с удовольствием, с жаром-пылом вычеркивал меня...

– Ладно, кто, по твоему мнению, мог бы стать председателем Союза? – спрашивает Г.Гасанов.

– По-моему, в нынешней ситуации самый подходящий человек – Мирза Ибрагимов.

Гасан-муаллим выслушивает это мнение, никак не комментирует, но дает понять, что есть и моя кандидатура, хотят видеть на этом посту и меня.

Я думаю, ну уж если хотите, тогда в чем же вопрос?

– А кого чает Гейдар Алиев?

На этот вопрос Гасан-муаллим дает очень четкий и даже чуть забавный ответ:

– Если бы я знал это, не беседовал бы с тобой четыре часа кряду...

* * *

Эти заметки пишу в апреле 83 года, в Шувелянском Доме Творчества писателей. Два года тому назад, накануне съезда состоялось открытие этого Дома. На открытие приехали Г.А.Алиев, члены Бюро. После осмотра Дома Гейдар Алиевич встретился с писателями. Сперва выступил сам и сказал, что наша сегодняшняя встреча имеет еще одну цель, вы на съезде должны избрать новое руководство. Сегодня мы хотим в неофициальной обстановке откровенно побеседовать с вами и узнать ваше мнение на этот счет.

Сразу стало ясно, что слухи об окончательности моей кандидатуры были не чем иным, как пустыми разговорами. Мне стало ясно и другое: такой решительный в поведении, волевой человек, как Гейдар Алиев, в этом вопросе испытывает определенные колебания, и еще не пришел к окончательному результату, последнему решению. Я должен был выступать на съезде, а здесь говорить у меня не было намерения.

У Сулеймана Рустама бывают очень остроумные высказывания. Одна из таких реплик связана с Назымом Хикметом и Акпером Бабаевым.

Близкий друг, исследователь и переводчик Назыма, Акпер Бабаев, хорошо зная вкусы поэта, во время их совместного приезда в Азербайджан стремился знакомить Назыма здесь только с тем, что ему могло понравиться, – это касалось и стихов, и спектаклей, и людей, желавших пообщаться с поэтом и пригласить его в гости. И вот именно поэтому Сулейман Рустам метко отозвался, что «Акпер показывает Назыму отредактированный Азербайджан».

На шувелянской встрече эта острота Сулеймана Рустама вспомнилась мне в связи с Имраном. В период руководства Союзом Имран Касумов представлял писателей «верхам» под своей «редакцией». Будь жив Имран, подобная встреча была бы организована совершенно иным образом. На этой встрече не то чтобы подняться на трибуну, а, может, и просто сидеть в зале не смогли бы те, кто хоть и носит в карманах членский билет, но давно не участвует в реальном литературном процессе. Кстати, и впоследствии эти люди не показывались в литературных окрестностях. Но в этот период междувластия и неразберихи вся плесень литературного быта выползла наружу, показалась вся ржа и муť тайной зависти, загнанной вглубь злобы. Конечно, в Шувелянах выступили и истинные люди литературы, порядочные писатели. Но общая атмосфера встречи была отравлена микробами фобии, мстительности, навешивания собак и перебивания косточек. Я испытывал стыд за людей, считавших себя писателями. После дифирамбов и славословий многие выступившие стремились кого-то очернить, ошельмовать, выбить из строя, выставить в плохом свете. Главной мишенью была деятельность журнала «Азербайджан» и, косвенно, покойный Имран Касумов, якобы созданная им в Союзе нездоровая атмосфера.

Один говорил, обращаясь к Гейдару Алиеву:

– Я в своей поэме создал Ваш образ, а журнал «Азербайджан» не хочет ее печатать.

Другая особа, цитируя строку Вагифа Джебраилзаде с условно отрицательным образом, провокационно намекала, что автор имел в виду конкретное, реальное лицо.

Третий извлек из кармана (уж, конечно, по чистой случайности!) положительный отзыв авторитетного писателя на свой опус, отвергнутый редакцией.

Было ясно, что все эти выступления заранее подготовлены, спровоцированы, и главная цель этих планов – предотвратить приход в новое руководство определенных сил. Хотя конкретной целью был не я и имя мое не произносилось, было совершенно очевидно, что пуще всего опасаются прихода в руководство молодых (нас все еще числили в молодых).

Выступил и Акрам. Наверное, и его выступление сыграло определенную роль в формировании окончательного мнения у Гейдара Алиевича. Хотя Акрам говорил сумбурно и путано, одну свою мысль он выразил очень точно, сказав, что надо относиться с сомнением к писателям, поэтам, поющим дифирамбы партии.

Чтобы понять истинный смысл этих слов и то, что они продиктованы писательской совестью, надо хорошо знать Акрама. Главной сутью его высказываний было то, что целый ряд писателей прикрывают свою бесталанность и несостоятельность ширмой лозунговости и панегиризма, занимаются литературным карьеризмом, используя имя партии. Повторяю, чтобы осознать искренность и

бескомпромиссность этих слов, надо хорошо знать Акрама. Но можно понять и кандидата в члены Политбюро, выслушавшего такие слова. И разве эти слова не подтверждали «бдительные» предостережения ряда писателей: мол, «они все одного поля ягоды, Акрам, Эльчин, Анар... и все они – люди, далекие от партийных позиций» и т.д.

Если мои шансы придти в СП руководителем были в пропорции пять к ста, то после выступления Акрама они свелись к нулю. Впоследствии об этом мне сказали и люди, причастные к «кухне» дела. Но дело в том, что с выступлением Акрама к нулю свелись также и шансы другого кандидата. Этим кандидатом был сам Акрам. По правде говоря, в это время мне кандидатура Акрама не представлялась реальной.

Своей принципиальной, бескомпромиссной позицией за время деятельности в журнале «Азербайджан», оставаясь верным литературным ценностям и критериям и отмечая всевозможную халтурную писанину, Акрам снискал себе много врагов. Но спустя два-три дня после шувелянской встречи Акрам сделал мне неожиданное признание. Из его слов следовало, что он выступил вот так порывисто-запальчиво, может, не без умысла, для того, чтобы его кандидатура была снята и, таким образом, не помешала мне. Как это ни удивительно, то же соображение в иных словах подтвердил и Эльчин, сказавший, что, если бы, предположим, Акрам в тот день заболел или не явился бы на шувелянскую встречу по какой-либо другой причине, то сейчас бы ему стопроцентно быть руководителем Союза.

Не знаю, насколько соответствует истине эта гипотеза, но, во всяком случае, после шувелянской встречи и мне, и всем стало ясно, что у Гейдара Алиева какое-то особое отношение к Акраму. То, что он простил Акраму, никому другому не сошло бы с рук.

Акрам с трибуны, обращаясь к Гейдару Алиеву, говорил:

– Поэт, который утверждает, что создал ваш образ, лжет. Он состряпал бессмысленный и пустой образ.

При Алиеве никто не разговаривал таким тоном. У сидевших в президиуме членов Бюро глаза на лоб полезли. Акрам вновь говорил о разных вещах, говорил сумбурно, бессвязно, концы фраз не увязывались с началом, и по мере говорения впечатление о нем все больше ухудшалось. Это его выступление вызывало горькую досаду и у меня, и у многих других, болевших за него душой. Но теперь, по прошествии двух лет, думая о неудачном бесплодном выступлении Акрама в Шувелянах, я испытываю не чувство сожаления, а чувство гордости.

Верно, неуместное было выступление, верно, оно пошло только во вред нашему общему литературному делу, но, что бы то ни было, оно явилось выступлением совестливого человека, выступлением честного интеллигента, и, как бы ни сумбурно звучали фразы, на Шувелянском меджлисе писателей это было единственное писательское слово ...

* * *

Терпение у Гейдара Алиева иссякало. Чувствовалось, что он сдерживается с трудом. Он сказал в адрес Акрама несколько резких слов. В зале раздались аплодисменты. Я перехватил взгляд Алиева; он

заметил, что я не рукоплещу и потому, обращаясь к Акраму, урезонил: «И ты, и симпатизирующие тебе, знайте, что мы не хотим нагнетать напряженность во взаимоотношениях писателей. Мы хотим, чтобы ты продолжал свою работу в журнале».

Акрам:

– Ну, уж теперь моя книга закрыта.

Гейдар Алиев уже не смог сдержаться:

– Что ты мелешь? Я говорю: оставайся, трудись в журнале, а ты говоришь: «моя книга закрыта!» Закрыта так закрыта! Иди, куда хочешь!

Пишущая братия снова захлопала.

Выступила Мирварид Дильбази, прочла стихи, посвященные Гейдару Алиеву, затем сказала:

– Вы, Гейдар Алиевич, предложили нам выдвинуть своего кандидата в руководители Союза, я думаю, кандидатура Мирзы Ибрагимова всем придется по душе.

Выступил и сам Мирза Ибрагимов. Спокойно, степенно, с четких партийных позиций.

Совещание завершилось. Всех призвали собраться на открытой площадке – сфотографироваться вместе с руководителем республики.

После съемки Гейдар Алиев стал прощаться с писателями.

Тут произошли два эпизода. Один из них был из самых отвратительных сцен сегодняшней встречи. Один из прозаиков среднего поколения, подойдя к Гейдару Алиеву, сказал: «Паду к ногам Вашим! Здорово вы посадили на место Акрама Айлисли!» Самое ужасное, что этот человек действительно хотел наклониться к стопам Алиева. Алиев брезгливо отпрянул: «Что это такое? Если будете себя так вести, я никогда больше не стану встречаться с вами!»

Потом произошел второй эпизод. Гейдар Алиев заметил стоявшего «на отшибе» Акрама, подозвал к себе. Я стоял поодаль и не слышал, о чем они говорили. Но увидел, что он, улыбаясь, протянул руку Акраму, затем они обнялись, поцеловались.

Ночью я позвонил Акраму, желая подбодрить его после сегодняшних потрясений.

– Юсиф тоже звонил, – сказал он.

От этого почему-то в сердце возникло теплое чувство.

Немного погодя мне позвонил Эльчин:

– Видишь, что натворил Акрам... Все испортил. – Потом добавил: – Но, во всяком случае, есть одно: Акрам – человек честный...

Мне было приятно слышать эти слова.

Я пишу о вещах, словах, отношениях, могущих показаться мелкими, потому что если в наши времена ощущается дефицит на честные, совестливые поступки, то редким качеством является и умение воздать должную оценку, правильно и верно понять такие совестливые поступки. И этого качества Гейдару Алиеву не занимать.

Ведь и каждое честное действие нуждается в понимании и поддержке. И, конечно, эта поддержка и солидарность должны проявляться не только в конфиденциальных телефонных разговорах, а громогласно, в публичных аудиториях, носить активный характер.

Я полагаю, что Акрам, неся тяжелое бремя, которое он взвалил на себя, слыша тысячу вздорных слов от графоманов, чувствовал и нашу громогласную активную публичную солидарность, ощущал дружеское плечо, дыхание товарища.

* * *

Съезд открылся 12 июня 1981 года. Уровень съезда, несомненно, был выше шувелянского форума, но и здесь выступления многих писателей, в том числе и именитых, состояли лишь из личных жалоб, безадресных колкостей. Многие считали, что получили меньше, чем заслужили, все чего-то чаяли, чего-то хотели. Доклад о поэзии делал Шамиль Салманов. По ходу доклада он где-то мимоходом упомянул о несправедливых нападках на Расула Рзу.

Гейдар Алиев прервал его:

– О какой несправедливости к Расулу Рзе вы говорите? Расул Рза был Народным поэтом, он был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Я обратил внимание, что в алиевской реплике сквозило некоторое раздражение.

Выступил Акрам.

Перед этим мы с ним подолгу говорили, просили, чтоб он взвешивал каждое слово, и то и дело не вел речь об Аллахе, озарении и прочем.

Выступление Акрама было взвешенным.

Выступил и я. Сказал о значимости речи Гейдара Алиева на съезде, глубоком воздействии ее на писателей. Перешел к вопросу об идеальном герое, положительном образе.

– Литература не может создавать только одних идеальных героев. Главные герои лучших образцов советской литературы, включая «Клима Самгина» и «Тихий Дон», отнюдь не идеальные личности, однако, несмотря на это, идеалы авторов ясны, позиция очевидна. Главный герой «Калины красной» Шукшина – вор, герой романа Распутина – дезертир, в «Белых флагах» Думбадзе события происходят в

тюрьме, – говорил я.

Отметил и то, что ошибаются те, кто считает борьбу против негативных явлений в литературе «модой» только лишь последних лет, потому что, к примеру, мой цикл рассказов «Молла Насреддин-66», как явствует и из названия, написан в 1966 году. Борьба с негативными явлениями после августовского пленума ЦК КП Азербайджана была авторитетно поддержана партией.

Я говорил и о талантливой молодежи, пришедшей в нашу литературу, отметив, что в нашем отношении к молодым, наряду с заботой и требовательностью, мы не должны забывать еще об одном понятии, и это понятие – «доверие». Доверие к молодым означает также и чуткий подход к их ошибкам, срывам. Ведь у молодости есть еще одно право – право на ошибку. И что это за молодой человек, который с рождения точно знает все и вся, не допускает ни единой промашки...

Литература – это борьба, и я хочу завершить свое выступление словами поэта, участвовавшего на шести съездах наших писателей, которому не суждено было участвовать на седьмом съезде:

Борьбе быть ныне, быть и завтра,

И я в ее рядах передовых.

Раздались бурные аплодисменты, рукоплескали долго. Сидевший в зале Араз Дадашзаде позднее мне говорил (я сидел в президиуме, позади, и не мог этого видеть): когда председательствовавший Балаш Азероглу хотел жестом остановить овацию, Гейдар Алиев удержал его со словами: «Не вмешивайтесь, пусть аплодируют!»

Еще Араз сказал, что «твое выступление обернулось не на пользу тебе. Во-первых, ты выступил против тезиса о положительном герое, во-вторых, по твоим словам получалось так, что борьбу против негативных явлений начали мы, писатели».

Короче, после того, как стихли аплодисменты, я услышал голос Гейдара Алиева:

– Товарищ Анар, у меня есть некоторые замечания по вашему выступлению.

Примечание. Мой диалог с Гейдаром Алиевым на съезде я подробно изложил в записках 1983 года. Но на днях я раздобыл стенограмму съезда. Для полной точности я привожу тот эпизод не по своему тексту, а переписываю из стенограммы, как есть.

Гейдар Алиев: Хочу уточнить один момент в выступлении Анара. Я и в своем выступлении сказал, что надо оказывать молодым особую заботу и очень терпеливо относиться к их ошибкам, отдельным недостаткам. Я это говорил и раньше, говорю и сейчас, но пусть не получается так, – в твоих словах был

такой момент, – что молодой непременно должен ошибаться.

Анар: Нет, я таких слов не говорил, Гейдар Алиевич.

Гейдар Алиев. Нет, ты выразился так. Ты сказал, что если не ошибается, то это зрелый. Так ведь вышло из твоих слов, помнишь?

Анар. Я лишь подтвердил сказанное вами вчера. У молодых должна быть возможность ошибаться.

Гейдар Алиев. Должна быть. Но совершать ошибку не обязательно.

Анар. Разумеется.

Гейдар Алиев. Но ты выразился так, что раз не ошибся – значит, не молодой, а зрелый. Ошибаться – вовсе не обязательно долженствующая вещь...

Анар. Вне сомнения.

Гейдар Алиев. Ошибка может иметь место. Но молодой, юный человек, который с первоначала понимает мир с правильных позиций, он либо не совершает ошибок, либо же совершает их мало. Ошибка, несомненно, диалектическая закономерность нашего бытия. Это очевидно, этого никто не отрицает. Но чем больше мы будем стремиться к тому, чтобы наши молодые развивали свои... таланты в верном направлении, тем раньше они преуспеют. Не так ли?

Анар. Верно. Я вновь хочу повторить то, чтобы при совершении ошибки мы не били за ошибку по голове. Ваши слова.

Гейдар Алиев. Да, сказанные мною слова: не бить за ошибку по голове, ни в коем случае. Но исправлять ошибку.

Анар. Правильно.

Гейдар Алиев. Что касается второго аспекта твоих суждений, то ты верно говоришь. Цель не в том, чтобы любая сфера жизни представлялась положительным героем. Вас спрашивают, эта критика – мода времени, или же... Не будь критики, если мы не будем критиковать имеющиеся в нашей жизни недостатки, чуждые явления, ошибки, то не сможем идти вперед. Значит, мы и посредством литературы должны критиковать ущербные стороны нашей жизни. Совпадает ли наше мнение?

Анар. Полностью...

* * *

Возвращаюсь к тексту 1983 года.

Впоследствии я понял, что своими суждениями о критических произведениях, о сложных человеческих образах, о терпимо-чутком отношении к ошибкам молодых я еще раз, оказывается, подтверждал информацию моих противников обо мне, доведенную до Гейдара Алиева.

* * *

Съезд завершил свою работу, но все еще не было полной ясности. Шли разговоры, что Мирза Ибрагимов уже утвержден в качестве председателя, но структура Союза изменится. Если раньше Имран Касумов был первым секретарем, то отныне Мирза Ибрагимов станет председателем и будет учреждена новая должность – первого секретаря.

Прения закончились, зачитали списки для голосования. В состав правления и избранных делегатов на съезд в Москве впервые включили и меня. Пока готовили бюллетени, Гейдар Алиевич здесь же, в комнате клуба имени Дзержинского, принимал и беседовал наедине с отдельными писателями. Остальные писатели в фойе, в буфете, подкреплялись. И в этот момент к буфету примчался встревоженный Вафа Гулузаде и – ко мне.

– Где ты пропал, не доищемся! Гейдар Алиевич хочет побеседовать с тобой.

Под любопытными взорами писателей я с Вафой Гулузаде направился в комнату Алиева. Вафа остался в коридоре, я вошел.

Гейдар Алиевич справился о здоровье моей матери, поинтересовался моими творческими делами, затем сказал:

– В эти дни я побеседовал со многими писателями. В том числе и о вас... Их отношение к вам различно, но даже и недоброжелатели вашего отца признают, что вы писатель серьезный, обладаете широкой эрудицией, знаете в совершенстве оба языка. Но многие утверждают, что вы изображаете только теньевые стороны жизни. В ваших произведениях мало светлых картин.

Я ответил, что мои произведения обосновываются борьбой против антиподов, которую ведет Азербайджанская партийная организация, и спросил: «Вы смотрели мою пьесу «Лето в городе»?»

– Да, мы защищали и защищаем эту пьесу. Но хотели бы, чтобы и главный герой этой же пьесы был поактивнее, побоевнее. Я хотел встретиться и поговорить об этом тогда же, но знаете, я очень занят, времени в обрез. Конечно, это не значит, что мы не сможем встречаться в будущем. Но, во всяком случае, как партийный работник, как отец, советую вам создать крупномасштабное произведение, отображающее нашу сегодняшнюю жизнь. Пусть там будет и борьба с негативными явлениями, но, в то же время, ясно и активно утверждаются наши моральные принципы, наши идеи. Героями вашими могут быть и партийные работники, и интеллигенты. Правда, у нас немало и воря, хапуг, в том числе и среди партработников. Мы выгоняем их с работы, исключаем из партии, даже арестовываем и сажаем, но ведь нельзя же сказать, что все секретари райкомов жулики и взяточники. Ведь есть же среди них и чистые

люди, не так ли?

– Несомненно, есть.

– Мы должны активно воспитывать молодежь. Ведь в сталинские времена все границы были закрыты, никто ничего не видел. Теперь дороги открыты, люди выезжают-приезжают. Видят витрины магазинов за рубежом, и наша задача осложняется. Мы должны суметь убедить, что наши идейные принципы выше, что мы строим более совершенное общество. И эти идеи можно еще лучше внушать людям посредством произведений искусства. В этом отношении велика сила воздействия литературы. Поэтому мы многого ждем от писателей вашего поколения и лично от вас. Создавайте такие произведения, тогда и мы сможем поднимать вас.

– Постараемся, Гейдар Алиевич, – сказал я.

– Теперь о руководстве Союза писателей. Мы все думаем, кого бы нам назначить. Каково ваше мнение на этот счет?

– Мне кажется, при настоящем положении и на данном этапе человек, который сможет устроить всех, – Мирза Ибрагимов.

– Почему вы так считаете?

– У него огромный жизненный опыт. И большой опыт руководства Союзом; хорошо знает людей, знает, как обращаться с ними.

– Каково ваше отношение к Эльчину?

– Эльчин – мой друг.

– Многие из людей, с которыми я беседовал, не придерживаются хорошего мнения о нем.

– Это естественно: если кто-то занимает определенную должность и стоит на принципиальной позиции, у него число врагов больше. Вот, посмотрите, сейчас все рукоплещут Мирзе Ибрагимову, все желают его прихода к руководству, но по прошествии некоторого времени работы в Союзе появятся и недовольные им. Убежден, что сейчас при голосовании Эльчина повычеркивают побольше, чем других секретарей, именно потому, что у него есть конкретная позиция. И на Съезде вы сами слушали, лучший доклад принадлежал ему.

– Да, его доклад был хорошим. Но другие доклады были очень слабыми.

Я хорошо знал, что вычеркнувших и Эльчина, и Акрама окажется много (так и случилось), потому, предвидя этот результат, постарался заранее объяснить причины.

– И Акрама по той же причине повычеркивают, потому что и у него есть принципиальная линия поведения в журнале. Дела, которые вы осуществляете в масштабах республики, он осуществляет в масштабах журнала – то есть ведет борьбу против халтуры, кумовства, нечистоплотности. Если

редактор журнала станет работать по принципу услуга за услугу, «ты – мне, я – тебе», то лично для себя он может получить много благ – может безоговорочно и без разбору печатать работников кино, театра, издательств, радио, телевидения, газет и других учреждений печати; и все эти сферы будут перед ним открыты. Акрам не идет на это, напротив, бескомпромиссным отношением к «выгодным» авторам повсюду перекрывает пути самому себе. А это, по-моему, истинно бескорыстное служение литературе.

– Вы дружите с ним?

– Да, мы близкие товарищи.

– Как вы смотрите на его выступление в Шувелянах?

– Я считаю его выступление неудачным, и ему самому говорил об этом.

– А он прислушивается к вашим словам?

– По-моему, да.

– А если так, то почему он сегодня опять выступил таким образом?

– Во всяком случае, сегодня он выступил лучше, чем в Шувелянах.

– Верно, он говорил лучше, чем в Шувелянах. Но опять же все перевернул вверх дном. Сказал, что в литературе нет никаких законов, нет даже и закона Низами. Что же, литература – это анархия? Я душу кладу, чтобы возвысить Низами, а Акрам говорит, что «нет закона Низами».

– Он не так выразился, хотел сказать, что нельзя никого превращать в идола, в догму, даже величайшего гения.

– Это, конечно, правильно.

– Подчас Акрам не может достаточно точно выразить свои верные суждения.

На несколько мгновений воцарилось молчание.

– Может быть, у вас есть какая-нибудь просьба, пожелание ко мне?

Уже давно я в душе загадал – как только выпадет возможность увидеться – сказать ему об этом.

– Есть просьба, касающаяся моей матери.

Боже, как трудно было произнести эти слова...

– Моя мать безнадежно больна. Прошу, чтобы она была похоронена рядом с моим отцом.

Я эти слова говорил, когда мама была еще жива. И тогда, и теперь я никак не мог и не могу смириться с тем, что смерть разлучит их.

Гейдар Алиев сказал:

– Об этом говорить еще рано.

* * *

После меня из писателей он принял одного только Исмаила Шихлы. Прошло еще полчаса, и всех пригласили в зал заседаний.

Проводивший это заключительное заседание Гасан Гасанов сообщил, что ЦК рекомендует на должность председателя Союза Мирзу Ибрагимова.

Гром аплодисментов. Рекомендовалось также поменять структуру руководства Союза. Помимо председателя и пяти секретарей, вводился новый штат – должность первого секретаря.

Воцарилась тишина. Муха пролетит – услышишь. Ожидание достигло предельного накала. Гасан Гасанов объявил:

– Центральный Комитет рекомендует на пост первого секретаря писателя Исмаила Шихлы.

Я увидел, как на многих лицах разгладились напряжено-нервные морщинки – умиротворение, облегчение, удовлетворенность. Как же приятно лицезреть радость окружающих.

Наверное, этим радующимся людям и на ум не приходило, что наибольшее облегчение и удовлетворение испытываю я. Потому что я бы не хотел работать даже под началом Мирзы-муаллима, к которому питал глубокое уважение.

Неожиданным обстоятельством явилось то, что меня как редактора «Гобустана» включили в президиум СП. До сих пор меня не включали не то что в президиум, но даже в состав правления, насчитывавшего свыше сорока членов, – это притом, что уже вышли десятки моих книг в Баку, Москве, за рубежом, я являлся автором сценических и кинопроизведений, был удостоен Государственной премии и звания Заслуженного деятеля искусств; не говоря уже об избрании делегатом на Всесоюзный съезд. Тогда мой отец был жив, и предлогом было то, что из одной семьи можно, дескать, делегировать только одного человека. И мать моя зачастую по этой нелепой логике лишалась заслуженного права.

После заседания, когда Гасан Гасанов поздравлял меня, я заметил:

– «Гобустан» не является органом Союза писателей, потому не ясно, по какой причине я был избран членом Президиума.

Гасан-муаллим удивился.

Нам было предложено направиться на официальный банкет в отеле «Москва», и в вестибюле гостиницы Г. Гасанов снова с улыбкой обратился ко мне:

– Чего ты там взорвался?

– Могу еще раз повторить, что «Гобустан» – не орган Союза писателей.

– Выходит, мы ошиблись, включив тебя в Президиум, выходит, ошиблись? – спросил Гасанов с нажимом.

С той же настойчивостью я повторил, что «Гобустан» – не орган Союза писателей.

* * *

Прошло три дня. В киностудии меня позвали к телефону. Говорил Г. Гасанов:

– Приезжай ко мне.

Я отправился.

– Вчера было заседание Бюро, – сказал он. – Нигяр Рафибейли присудили звание Народного поэта. – Затем добавил: – Она давно должна была получить это звание. Одновременно с Мирварид Дильбази, но тогда мы не смогли дать, потому что представили Расула Рзу на звание Героя Социалистического Труда. Передай Нигяр-ханум поздравления Гейдара Алиевича и мои.

– Большое вам спасибо, – ответил я. – Прошу передать Гейдару Алиевичу мою глубочайшую признательность.

Затем Гасан-муаллим завел разговор о съезде.

– Ты хорошо выступил на съезде. Правда, это выступление было больше выражением твоих взглядов на литературу, нежели объективным анализом состояния литературы. Но должен сказать тебе, что Гейдар Алиевич очень высоко ценит тебя, очень высоко. Откровенно говоря, Гейдар Алиевич и я хотели, чтобы руководителем Союза стал ты, но аксакалы в один голос пошли против тебя, что касается вопроса о первом секретаре, это мы уже решили с учетом мнения Мирзы.

Я в душе благословил память отца Мирзы-муаллима.

– Для меня все это стало самым подходящим, самым лучшим вариантом, – отозвался я.

– Тогда почему на съезде ты так взъелся на меня?

– Я сказал только то, что «Гобустан» не является органом Союза писателей и могу это вновь повторить.

– Почему ты не понимаешь, что «Гобустан» – лишь предлог, тем самым мы хотели ввести тебя в Президиум и закрепить там твое место. Мы, видимо, не провели необходимую подготовительную работу в связи с тобой, не «сварили» это дело как следует. Но ведь ты еще молод, я уверен, что мы еще

вернемся к этому вопросу.

Я отмалчивался, но в душе посмеивался. Вот ведь как были сильны наши писатели-аксакалы, что партия не смогла подчинить их своей воле.

Но как бы то ни было, я в эти минуты испытывал только одно чувство – чувство признательности Гейдару Алиевичу. За такую чуткость и человеческий жест в отношении моей матери, доживавшей последние дни. Я этого не могу забыть никогда.

Как и многое другое...

* * *

Ладно, теперь как же мне сообщить эту новость – весть о присуждении звания Народного поэта – лежавшей в больнице моей матери, чтобы не вызвать у нее тревожных подозрений – с чего это вдруг вспомнили о ней?

Незадолго до съезда это же звание дали Балашу Азероглу. Я связал эти два факта и сказал матери, мол, в связи со съездом ряду писателей дали почетные звания, в том числе Балашу и тебе...

Я поздравил ее и с избранием Мирзы Ибрагимова председателем СП.

– Гезюн айдын , – сказал я. – Твой брат (Мирза-муаллим всегда обращался к матери моей со словами «Нигяр-баджи») вновь стал руководителем вашего Союза.

Мама достала из-под подушки три рубля и передала мне:

– Раздай это нищим, – я зареклась, что раздам милостыню, если тебя не выберут.

Этими фразами завершается текст, написанный мной в 1983 году. Дальнейшие события подробно освещены в моем романе «Без вас». Здесь нет нужды повторно излагать их.

Событие, не сбывшееся в 1981 году и внушавшее опасения моей матери, произошло в 1987 году: 18 июня меня избрали руководителем Союза писателей Азербайджана.

К тому времени Мирза-муаллим, около пяти лет проработавший председателем Союза, добровольно подал в отставку. Мирза Ибрагимов и до этого несколько раз руководил Союзом, а затем по разным причинам отстранялся от этой деятельности.

Когда он покинул свой пост в последний раз, я написал о нем обширную статью «Меридианы творчества» в «Литературной газете», и это, как признавался сам писатель, стало для него тогда большой моральной поддержкой. Я всегда питал уважение к Мирзе-муаллиму; мое почтение к его личности еще больше возросло, когда недавно в книге нашего известного историка Джамиля Гасанли я ознакомился с документами 50-60-х годов об обвинении со стороны Москвы руководителей

Азербайджана в национализме; когда узнал о хрущевской хуле в отношении Мирзы Ибрагимова как «махрового националиста» и даже «нациста»; когда убедился, с каким великим мужеством, стойкостью, достоинством выдержал Мирза-муаллим все эти угрожающие нападки, дискриминацию, оскорбления.

После Мирзы-муаллима около года в качестве руководителя СП проработал первый секретарь Исмаил Шихлы. Я питаю большое уважение также и к Исмаил-муаллиму. Как к выдающемуся писателю, автору «Куры неукротимой», как к честному, чистому мастеру, благородному, цельному человеку... Никогда не забываю о том, что он, будучи редактором журнала «Азербайджан», опубликовал мое эссе «Большое бремя – понимать» и пьесу «Лето в городе», решительно противостоя натискам цензуры. Эссе «Большое бремя – понимать», посвященное Мирзе Джалилу, ранее было опубликовано в Москве, в журнале «Новый мир», редактировавшемся А.Твардовским, но и этот аргумент не удовлетворял азербайджанских цензоров, твердивших, что в том же «Новом мире» опубликован и ряд других произведений, подвергнутых критике со стороны партии. Многострадальное «Лето в городе» также, до театральной цензуры, при публикации в журнале напоролось на запрет со стороны цензуры печати. Эти препятствия были преодолены благодаря принципиальности и авторитету Исмаила Шихлы – редактора.

Исмаил-муаллим с симпатией отнесся и к спектаклю по пьесе, участвовал и выступал на нескольких диспутах в связи с этим. Игравший в спектакле роль честного педагога Гияса Гасанага Турабов говорил, что, исполняя эту роль, он вживую представлял перед глазами облик Исмаила Шихлы.

В период, когда Исмаил-муаллим, страдавший диабетом, руководил Союзом писателей, обострившийся недуг причинял еще большие страдания, и он по собственному желанию подал в отставку.

Я всегда ощущаю гордость оттого, что стал первым руководителем СП, избранным не по указанию и рекомендации партии, а по желанию и воле самих писателей. Это не связано ни с моей личной доблестью, ни со внезапно пробудившейся смелостью писателей. Это было велением времени. Хочу быть правильно понятым. Велением времени явилось не именно мое избрание, а вообще проведение выборов без вмешательства извне, по волеизъявлению самих писателей. Политика «перестройки», позднее скатившаяся к краху, только начиналась, и партийные органы, партийное руководство уже не могли вмешиваться в работу творческих организаций. До нас и художники по своему желанию избрали Фархада Халилова председателем. На пленуме правления СП 18 июня 1987 года, проводившемся с участием секретаря ЦК по идеологии Рамиза Мехтиева и заведомо культуры Вафы Гулузаде, партийные работники и слова не вымолвили, не давали ни открытых, ни закулисных инструкций писателям. Акрам Айлисли, Иси Меликзаде, Тофик Байрам, Иса Исмаилзаде выдвинули мою кандидатуру; Исмаил Шихлы поддержал их, и я единогласно был избран первым секретарем Союза писателей.

Обычно, когда кто-то кого-то заменяет на служебном посту, независимо от прежних добрых отношений, возникает если не чувство ревности, то определенная натянутость, холодок. Я очень удовлетворен, что за период моей работы наши отношения и с Мирзой-муаллимом, и с Исмаилом Шихлы сохранили прежнюю теплоту. И тот, и другой, отойдя от руководства, впоследствии участвовали на всех наших заседаниях, постоянно навещали в Союз. Не могу не вспомнить с признательностью активную поддержку Исмаил-муаллима и на IX съезде.

И мы проявляли к обоим подобающее уважение и почтение. Исмаил-муаллима избрали председателем Совета аксакалов, присудили ему премию Союза писателей.

В день моего избрания руководителем СП меня вызвал к себе тогдашний Первый секретарь ЦК Кямран Багиров, поздравил меня, сказал: «Мы очень хотели, чтобы избрали тебя, но, знаешь, мы никак не могли вмешиваться».

Потом он сказал фразу, которую мне не забыть:

– Всю ночь я не спал, все думал, как пройдет пленум в Союзе писателей, выберут ли тебя?

* * *

Осенью 1982 года Л.И.Брежнев прибыл в Баку в последний раз. При его встрече в тогдашнем Кировском парке, у подножья памятника, с группой нашей интеллигенции – среди них был и я – я мог, лицебрея вблизи, убедиться, сколь тяжелым было самочувствие, физическое состояние вождя страны. Лицо производило впечатление застывшей маски, рот часто открывался, как у рыбы, выброшенной на берег, дыхание прерывистое, одышливое. И взор застывший; мне кажется, он никого не мог разглядеть, узнать, не вникал в смысл пояснений и слов, которые ему говорили. Трагикомический казус, произошедший в тогдашнем Дворце имени Ленина, когда он перепутал читаемый текст, я видел воочию вместе со всеми собравшимися во дворце. Я взял на заметку и некоторые наблюдения о банкете во Дворце «Гюлистан», думаю когда-нибудь поведать и об этом.

Но тема настоящих записей иная. Вскоре после отбытия из Баку Брежнев покинул мир, его место занял Ю.В.Андропов, и Гейдар Алиев был избран членом Политбюро, назначен первым заместителем главы союзного правительства. Это было большим событием: впервые сын Азербайджана занял место в высшем эшелоне власти одной из супердержав мира. Алиеву, естественно, предстояло перебраться в Москву, и перед отъездом он в своем прежнем кабинете принимал народ и прощался с группами людей. На одну из таких встреч был приглашен и автор этих строк.

Гейдар Алиев по-доброму отзывался о каждом, говорил о положении республики, о предстоящих ему в Москве делах, и к концу своего выступления неожиданно расчувствовался до слез. Признаться, меня поразило, что столь сильный и волевой человек может вот так дрогнуть.

Мирзе Ибрагимову даже пришлось «утешить» его: «Не расстраивайтесь, Гейдар Алиевич, мы и в Москве доберемся, дойдемся вас...»

С того дня много воды утекло, произошла масса событий, которых хватило бы на целый век; в корне преобразились мир, страна, эпоха, строй, политика, думы и чувства, поведение людей; и я при воспоминании о той давней встрече-расставании, о том, как внезапно расчувствовался Гейдар Алиев, погружаюсь в противоречивые размышления. Что же было причиной нежданного, до слез, расстройства человека, выдвинутого на столь высокий пост? Первая догадка, приходящая на ум: Гейдар Алиев –

человек, кровно связанный с Азербайджаном, с отечеством, с родным народом, и жизнь вдали от родной земли для него тяжела. Естественно, что покинуть республику, во имя развития которой он свершил столько дел, потратил столько труда, энергии, и войти в совершенно другую среду, – было делом серьезным. Вторая моя мысль была о том, что Гейдару Алиеву предстояло работать в чуждых условиях, в сложной среде, где, наряду с доброжелателями, наличествовали и недоброжелатели, политические конкуренты и антагонисты, хотя в те годы никто не мог признать это открыто. Реальности, тогда лишь предполагавшиеся некоторыми из нас, выявились для всех позднее, из политических мемуаров и секретных документов, обнародованных в последние годы: оказалось, что в высших эшелонах власти, в том числе и в Политбюро, при всех разглагольствованиях о коллегиальности и солидарности, угнездились персоны, питавшие друг к другу, по меньшей мере, прохладное отношение, далекие от искренности, постоянно косившиеся друг на друга, следившие друг за другом, «копавшие» друг под друга... Неизбежно было и повышенно осторожное, подозрительное отношение этого сообщества к азербайджанцу, «мусульманину», хотя и носившему партибилет в кармане. Это лучше всех осознавал сам Гейдар Алиев, посвященный в подноготную и тайны приснопамятной системы. Если в самом Азербайджане он затруднялся найти человека, которому мог бы поведать сокровенные тревоги, то там и подавно не найти было такого человека.

Вообще, мне подчас казалось, что очень контактный, общительный, толерантный Гейдар Алиев в то же время был очень одиноким человеком. Может быть, я и ошибался. Конечно, в Москве с ним рядом будет семья, верная, благородная спутница жизни, но если тайно прослушивались даже квартиры членов Политбюро, сможет ли он быть откровенным хотя бы в кругу самых близких людей? Быть может, он с каким-то горьким трагическим наитием предчувствовал, что в Москве он потеряет самого дорогого человека – Зарифу-ханум? Может быть, с врожденным провидческим даром или по зрелом размышлении он догадывался, что его будущая самоотверженная, полезнейшая деятельность в первопрестольной не только не будет оценена по заслугам, а, напротив, навлечет на него клевету и преследования завистливых оппонентов?

Все это, разумеется, только мои предположения, догадки, но позволю себе высказать еще одно вероятное объяснение: может быть, причиной, заставившей Гейдара Алиева накануне взлета к московским властительным олимпиам расчувствоваться в родном городе, в кабинете, где проработал многие годы, в кругу людей, которых знал столько лет, были явленные неведомым, магическим, внутренним зрением ужасные картины грядущих бед, мытарств, трагедий, которые обрушатся на Азербайджан в годы, прожитые без него...

Как бы то ни было, эти минуты расставания, эти мгновения всплеска беззащитной ранимости были проявлением сокровенного, чаще всего утаиваемого интимного мира Гейдара Алиева, обыкновенными человеческими переживаниями необыкновенного человека...

* * *

Хочу затронуть одно обстоятельство, порождающее горькое сожаление. Наши соплеменники в Москве, Ленинграде, или в Европе, Америке, да и в Турции, не говоря об Иране, преуспевшие в политике, в науке, искусстве, зачастую словно забывают о том, что они азербайджанцы. И речь не только о родном языке, а вообще о национальном самочувствии, – азербайджанская самоидентификация будто сходит на нет. Порой это носит конъюнктурный характер из нежелания оставаться в тени в сообществе доминирующей нации.

В годы, когда Гейдар Алиев работал в Москве на самых верхах советского государства, ни он, ни его семья не только не забывали о своей «азербайджанскости», но и всячески поддерживали связь с родиной. Непременно ходили на концерты артистов Азербайджана, выставки азербайджанских художников.

В те годы я пригласил семью Алиевых на спектакль по моей пьесе «С думой о вас явился я» гастролировавшего в Москве Шекинского театра. Признаться, я не очень надеялся, что они посетят спектакль провинциального, как ни крути, театра, сколь интересным бы ни был его коллектив. Но вот же, пришли и Зарифа-ханум, и тогда совсем юные Севиль с Ильхамом, и посмотрели до конца, и я почувствовал, что это их двухчасовое внимание связано и с тем, что они соскучились по родной азербайджанской речи, звучавшей со сцены.

Говоря о том, что иные азербайджанцы, «вылупившись из скорлупы, гнушаются ею», я вовсе не хочу бросить тень на наш национальный менталитет. Такие случаи, разумеется, не относятся ко всей нации и не характеризуют всю нацию, но ведь и носители этой ущербной черты принадлежат нашей нации, так же, как и носители другой порочной черты – зависти.

Как это ни горько, но надо признать, что если подавляющее большинство азербайджанского народа гордилось восхождением Гейдара Алиева на кремлевский Олимп, то были и те, кому это было не по нутру, и таковые не сидели сложа руки, строчили доносы на Г.Алиева.

Понимаю, что могли иметься по каким-то причинам и недовольные Алиевым, обиженные на него или даже питавшие к нему ненависть. Но если эти люди воистину были азербайджанцами, то им бы переступить через свои комплексы, отставить бы всякие личные счёты к соотечественнику, поднявшемуся на вершину центральной власти в державе с таким хитросплетением национальных вопросов, не копать бы под него...

Но, увы, эти люди, лишённые чувства национальной сопричастности, одержимые лишь чувствами личной мести, засыпали Москву доносами.

Писатель Эльчин в статье, связанной с Гейдаром Алиевым, вспоминает о любопытном факте. На какой-то встрече Гейдар Алиев рассказывал, что в связи с возвращением в Азербайджан останков репрессированного Гусейна Джавида Брежнев говорил ему: «Вот ты болеешь душой за свой народ, хочешь доставить в Азербайджан останки знаменитого писателя, а в это время твои азербайджанцы шлют нам на тебя анонимку за анонимкой, выставляют твои действия как антисоветчину».

Причем это был такой момент нашей современной истории, когда армяне исподволь готовились к раздуванию карабахского вопроса. И если был единственный фактор, способный предотвратить эти происки, то это – высокий пост Гейдара Алиева в Москве, его пребывание в составе Политбюро.

Я на сто процентов уверен, что если бы Гейдар Алиев продолжал руководить Азербайджаном на посту первого секретаря ЦК, то армяне никогда бы не попытались и не осмелились поднять карабахский вопрос. Бывший президент Армении, ярый враг Азербайджана и турок, один из главных идеологов карабахских сепаратистов Левон Тер-Петросян однажды на трезвую голову пришел к знаменательному выводу. Обращаясь к соплеменникам, он возвестил: «В XX веке турки дали истории двух великих лидеров – Кямала Ататюрка и Гейдара Алиева. Пока Гейдар Алиев во власти, оторвите взоры от Карабаха».

Значит, для того чтобы оторвать Карабах от Азербайджана, надлежало либо убрать Гейдара Алиева, либо хотя бы отстранить его от высокого поста. Если Тер-Петросян высказывал свое суждение на трезвую голову, то Игорь Мурадян, объявивший себя врагом пантюркизма, панисламизма, опустил до открытого шантажирования Гейдара Алиева на страницах печати, нагло и цинично приводил список политических деятелей Турции и Азербайджана, убитых дашнакскими террористами (Энвер-паша, Талет-паша, Джемал-паша, Фатали-хан Хойский, Бехбут-хан Джаваншир, Гасанбек Агаев, турецкие послы в различных странах и другие лица). И в завершение этого перечня преступлений писал, что Алиева надо не убить, а предать суду за «зло, причиненное армянскому народу». Однако смурная мура мурадянов осталась на бумаге, и Гейдар Алиев вернулся в большую политику победителем и покинул мир победителем.

Но временное отстранение его от политики дорого обошлось Азербайджану. Ровно двадцать дней спустя после снятия Гейдара Алиева с высокого поста в союзном правительстве и вывода его из состава Политбюро печально известный академик А.Аганбегян, выступая в Париже перед армянской диаспорой, дал старт карабахской кампании и провокационно заявил, что эта свистопляска согласована с советским руководством.

Так началась карабахская трагедия, продолжающаяся до сих пор.

* * *

Как только в Баку пришло в середине декабря сообщение о парижском выступлении Аганбегяна, мы собрались в Союзе писателей: решили обратиться в Горбачеву. В подготовленном мною 9-страничном письме говорилось о том, что Карабах издревле является азербайджанской землей, что ныне в составе Азербайджана НКАО гарантированы все политические, экономические и культурные права. Мы требовали от ЦК КПСС выразить отношение к провокационному выступлению Аганбегяна. Письмо подписали, помимо меня, Мирза Ибрагимов, Сулейман Рустам, Бахтияр Вагабзаде, Наби Хазри, Исмаил Шихлы, Гусейн Аббасзаде, Эльчин. Через несколько дней мне позвонил тогдашний второй секретарь ЦК КП Азербайджана В.Коновалов и сообщил, что М.Горбачев получил наше письмо и заверяет

азербайджанских писателей, что никакой перекройки границ не будет. В те же дни мы с Эльчином, выступив по ТВ, выразили наше отношение к вопросу. На совещании в феврале 1989 года, проводившемся с участием секретарей ЦК КПСС Разумовского и Демичева, выступил и я; если конституционно утвержденные автономия и все права Нагорного Карабаха в составе Азербайджана гарантированы, – сказал я, – то у 200 000 азербайджанцев, компактно проживающих в Армении, нет никакого административного образования и правового обеспечения. Мы требуем также образования автономной области азербайджанцев в Армении. К сожалению, никто в этом вопросе меня не поддержал; напротив, один из руководящих функционеров даже попенял: «Мы еще должны решить вопрос о Карабахе, а ты подбрасываешь вопрос о Зангезуре...»

Между тем, если бы тогда мы подняли бы вопрос об автономии Зангезура-Гейчи, то заняли бы не оборонительную, а наступательную позицию. Через некоторое время армянские националисты самым жестоким образом изгнали ВСЕХ азербайджанцев из Армении, и у нас не осталось никакого паритетного шанса.

Так как шумиха, слухи вокруг карабахского вопроса не утихали, нам пришлось вновь обратиться к Горбачеву. Обращение на двенадцати страницах, подготовленное мною, подписали Мирза Ибрагимов, Сулейман Рустам, Агшин Ализаде, Ф.Халилов, В.Абрамян (редактор журнала «Гракан Адербеджан» на армянском языке), Л.Иманов, М.Ибрагимбеков, Б.Набиев, Н.Хазри, Б.Вагабзаде, Эльчин, Ариф Меликов, М.Магомаев, З.Ханларова, Фидан Касимова, Окюма Курбанова, Эльдар Кулиев, Ф.Бадалбейли, Полад Бюльбюль оглу, Г.Турабов. М.Горбачев с присущим ему фарисейством уверял не только творческую интеллигенцию, но и руководство республики, что никакой перекройки границ не будет.

А армяне не оставляли своих коварных замыслов. Сильва Капутикян и «фюрер» террористов Зорий Балаян смогли попасть на прием к последнему генсеку. Работавшая в ту пору в «Литературной газете», верный друг нашего народа Людмила Лаврова позднее мне рассказывала, что Зорий Балаян примчался с той аудиенции в редакцию как на крыльях. Собрал работников редакции и информировал их о встрече с Горбачевым. Не случайно, что на это собрание в редакции не были приглашены ни Людмила Лаврова (в отличие от всех других заведующих отделами), ни единственный тюркоязычный представитель редколлегии, завотделом – башкирский писатель покойный Ахияр Хакимов...

Позднее, в пору моего депутатства в Москве мы встретились с А.Яковлевым, считавшимся идеологом и архитектором перестройки. Он в частности сказал: «Сильву Капутикян я знал еще со времен, когда работал послом в Канаде. Она позвонила мне и сообщила о том, что хочет вместе с Зорием Балаяном придти ко мне. Пришли. Потом и с Горбачевым встретились. И Горбачев, и я сказали им, что Нагорный Карабах ни под каким видом не будет передан Армении». Впоследствии с Горбачевым встретились и мы втроем – с академиком Мидхатом Аббасовым и Адилей-ханум Намазовой. И услышали от генсека те же заверения.

Если так, то в чем причина «окрыленности» Зория Балаяна после хождения к Горбачеву? Я могу только предположить, что, наверное, Горбачев, повторив ту же заезженную формулу, с присущей ему словесной эквилибристикой дал понять, чтобы визитеры не опускали рук, готовили общественное

мнение и прочие рекомендации, то бишь, чтобы «и волки были сыты, и овцы целы».

Я счел необходимым столь подробно остановиться на этом вопросе потому, что вся эта история связана с отстранением Гейдара Алиева с высоких постов, и еще потому, что я убежден в решающей роли армянского фактора и, в том числе, армянских советников из ближайшего окружения Горбачева в его злокозненном отношении к Гейдару Алиеву. Отмечу, что армяне хорошо осознавали масштабы и авторитет личности Гейдара Алиева. Как-то в гостях у переводчицы и поэтессы Музы Павловой, ныне покойной, я познакомился с академиком Алиханяном. Известный ученый, державшийся с претензией на интеллигентность, после определенной дозы спиртного завел речь о «геноциде» армян. Я незамедлительно дал ему отповедь. Муза (Алиханян в свое время был ее супругом) также заступилась за меня: «Вот Анар насколько моложе тебя, но как логично рассуждает он и как нелогично – ты...» Алиханян не стал спорить с бывшей женой, но позднее сообщенный им факт заинтересовал меня, потому я и вспомнил тут этот разговор. Алиханян поведал мне, что во время визита Гейдара Алиева в Ереван в связи с каким-то мероприятием тогдашний первый секретарь ЦК КП Армении Антон Ервандович Кочинян (отчество запомнилось потому, что за пристрастие к драгоценностям его прозвали «Антоном Бриллиантовичем») сообщил Алиханяну, мол, я приведу Гейдара Алиевича в твой институт, а ты у него попроси помочь с необходимым институтом оборудованием, он очень близок с Брежневым, Леонид Ильич меня не услышит, а его уважит.

В чем заключалась основная претензия армян к Гейдару Алиеву? Судя по открытым, печатным «накатам», выходило, что Гейдар Алиев «опорожнил» от армян Нахичевань, теперь хочет очистить от них Карабах. Это, конечно, было враньем. Миграция армян, перебравшихся из Нахичевани не только в Армению, но и в другие края, была связана с естественными причинами; а многократно превосходившие их по численности азербайджанцы путем различных дискриминационных прессов выживались из Армении; в 40-е годы, например, они были депортированы из горных районов, где жили испокон веков, в равнинные регионы Азербайджана. А когда был запущен карабахский сценарий, около двухсот тысяч азербайджанцев самым ужасным насильственным образом, с жестокими расправами были вышвырнуты из Армении. Причем не после землетрясения, как утверждали иные борзописцы в московской печати, а до землетрясения, накануне. Иные люди считали это страшное землетрясение Божьей карой за зло и мучения, причиненное азербайджанцам.

Что касается карабахского вопроса – первым и третьим секретарями обкома партии в НКАО были армяне, вторым секретарем был русский, армяне возглавляли и облисполком. Только один из заместителей председателя облисполкома был азербайджанцем. В Ханкенди, тогда именовавшемся Степанакертом, был армянский вуз, действовал армянский театр, армянские школы, издавались газеты на армянском и русском языках (на азербайджанском языке таковых не было). Названия улиц, учреждений значились только на армянском и русском. О каком же национальном неравноправии, дискриминации могла идти речь? Если и имели место таковые в тогдашнем НКАО, то только в отношении азербайджанского населения. Правда, во время работы Г.Алиева на посту первого секретаря

ЦК КП Азербайджана вышло партийное постановление, резко критикующее национализм в Карабахе. На встрече Гейдара Алиева с писателями я напомнил ему это постановление, добавив: «В советское время ни до, ни после не принималось столько резкого постановления об армянском национализме». «Верно», – сказал Гейдар Алиев.

В советские годы, когда он возглавлял республику, преображался облик Шуши как одного из исторических центров азербайджанской культуры, вернее, восстанавливалась и утверждалась вновь историческая память.

Ведь в предшествующие годы, помнится, в Шуше не было ни одного памятника, кроме бюстов Нельсона Степаняна и Тевосяна, то есть азербайджанцев, прославивших Карабах, Шушу, как не бывало. Во времена Гейдара Алиева в Шуше были установлены бюсты Молла Панаха Вагифа, Натаван, Узеира Гаджибейли, Бюльбюля, созданы дома-музеи великого композитора и прославленного певца, восстановлены и отреставрированы особняки ханской дочери, поэтессы Натаван, мечети Гёвхер-аги, «Мемай», жемчужины зодчества – дома Мехмандаровых, Гаджикули, медресе, где преподавал Молла Панах Вагиф, дом ученого шушинца Мир Мохсина Навваба, благоустроена его же могила на плато «Джидыр-дюзю». Наконец, вознесся грандиозный мавзолей Вагифа – классика нашей поэзии, визиря Карабахского ханства...

Мне довелось дважды участвовать в шушинских визитах Гейдара Алиева – в дни открытия мавзолея Вагифа и юбилея Узеир-бека.

На юбилей 90-летия великого композитора я поехал вместе со спутницей жизни Земфирой-ханум, музыковедом, автором монографий об Узеире Гаджибейли, изданных на разных языках. Она же подготовила академическое издание опер композитора. В своей книге «Продолжение в жизни» Земфира вспоминает ту поездку:

«Гостей встречал... Геворков (первый секретарь обкома. – Анар). Приветствуя Гейдара Алиева, Геворков сказал: «Добро пожаловать на нашу землю!» Гейдар Алиевич отозвался: «Почему «на вашу»? Мы пожаловали на свою землю». Мы стояли вблизи, и я отчетливо услышала и запомнила эти слова. Тогда же состоялось и открытие бюста Узеира Гаджибейли на высоком постаменте. В настоящее время этот бюст, как и бюсты Бюльбюля, Натаван, перевезены в Баку. Они наглядно демонстрируют вандализм, совершенный армянскими фашистами. Эти произведения искусства изрешечены пулями армянских вандалов!

Помнится, в тот день, прогуливаясь по Шуше, мы вместе с гостями приблизились к древним крепостным стенам, и Гейдар Алиев подозвал к себе сына Ильхама: «Подойди, погляди отсюда на открывающуюся панораму!» Ильхам шел рядом с матерью – Зарифой-ханум, в одном ряду с нами...»

В свое время в альманахе «Гобустан» мы опубликовали статью зодчего Эльтурана Авалова. Он предлагал воздвигнуть в Шуше памятник основателю города Панах-хану. В связи с этим меня вызвали в ЦК. В кабинете секретаря по идеологии Данила Гулиева я застал приглашенных туда двоих ученых мужей, перелистывавших «Гобустан» и сокрушавшихся:

– Глядите, что они пишут! Возвести в Шуше памятник Панах-хану! И кто предлагает это – Эльтуран... «Туран-эли» – это мечта пантюркистов...

– Как вы допускаете такое, товарищ Анар? – спросил секретарь.

Я ответил:

– В Петербурге установлен памятник основателю этого города Петру Первому, в Москве – основателю Москвы Юрию Долгорукому, в Тбилиси – Вахтангу Горгосали... Что же зазорного в предложении возвести памятник основателю Шуши Панах-хану? Что касается имени автора, то имя «Эльтуран» дали ему родители, я же не могу изменить его...

Парадоксальным обстоятельством было то, что теперь, в шушинской поездке, об истории города, памятниках зодчества сведения Гейдару Алиеву давал именно Эльтуран, причем на крепостных стенах, перед портретом Панах-хана...

А церемония открытия мавзолея Вагифа состоялась в снежный зимний день. Было морозно, и многие наши писатели, особенно аксакалы, не поспедали за Гейдаром Алиевым, который с неутомимой энергией переходил с места на место, осматривая город. Вот отошел в сторонку Мирза Ибрагимов, чтобы отдышаться, вот поотстал Сулейман Рустам.

Вечером на банкете Геворков начал свое выступление с признания, что мы, руководители области, иногда собираемся попить-поесть. Гейдар Алиев бросил шутивную реплику:

– Выходит, вы тут заняты кутежами?

Геворков тоже в карман за словом не полез:

– Как говорил наш великий учитель Карл Маркс, ничто человеческое нам не чуждо.

Геворков чисто говорил по-азербайджански, я даже был поражен, когда он наизусть прочел стихи Тофика Фикрета. Суть его спича сводилась к тому, что он и в кругу обкомовских руководителей, и на официальных собраниях, и в дружеских компаниях всегда говорил, что счастье Нагорного Карабаха в том, что он в составе Азербайджана.

Насколько были искренни эти слова, пусть останется на совести Б.Геворкова. Во всяком случае, во время другого посещения Шуши, где я снимал фильм «Жизнь Узеира», он устроил застолье и сказал: «Я хочу, чтобы в Шуше были восстановлены все азербайджанские памятники». Я добавил: «И армянские». На этом меджлисе, где участвовал и композитор Сулейман Алескеров, после некоторого возлияния Геворков, взяв мою руку, попытался приложиться устами.

Прошли годы. После того, как Геворков был уволен с работы и выведен из состава Бюро ЦК, мы случайно встретились в Баку, на улице Хагани. «Я недоволен вами, азербайджанской интеллигенцией», – сказал он. «Почему?», – спросил я. «Вы тоже твердите, что в былые годы в Нагорном Карабахе были допущены определенные промахи в экономическом отношении. Какие промахи? Проживавшие в

Карабахе жили лучше, чем жившие в других регионах Азербайджана...»

Больше я его не видел.

На том вечернем банкете в Шуше Гейдар Алиев с его цепким взглядом вдруг заметил, что Лютфиар Иманов отсутствует в компании. «А где Лютфиар?» – осведомился он. Пошли, позвали певца. Лютфиар протирает глаза.

Гейдар Алиев:

– Лютфиар, говорят, ты ушел и завалился спать.

Лютфиар:

– Гейдар Алиевич, я во сне видел вас.

Гейдар Алиев захохотал.

Я обратил внимание, что в компании, в обществе интеллигенции он всегда чувствует себя вольготнее, раскованнее, комфортнее, веселее и любит перекинуться шуткой с близкими знакомцами.

При возвращении из Шуши, на Бакинском вокзале он вдруг вспомнил о нашем прекрасном композиторе, тогда министре культуры Рауфе Гаджиеве:

– А где Рауф Гаджиев? Я слышал, он попросил политического убежища в Нагорном Карабахе.

Вспоминаю его слова на Бакинском вокзале, сказанные в другое время.

Каждый раз, отправляясь на периферию, в сельские районы, он брал с собой и группу писателей. На одну из таких поездок был приглашен и я. На Бакинском вокзале он беседовал с нами и вдруг задержал взгляд на актере Нодаре Шашикоглу:

– И ты здесь? Тебя же не было в списке.

Нодар:

– Гейдар Алиевич, прошу вас и меня взять с собой. Хочу понаблюдать за вами. Может, когда-нибудь доведется исполнять вашу роль.

Гейдар Алиев:

– Мою роль исполнять не надо. Я сам очень хорошо исполняю свою роль.

Вообще у Гейдара Алиева было очень сильно развито тонкое чувство юмора. В той памятной поездке он обратился к председателю Госкомитета по виноделию со словами:

– Почему вы не посылаете в Москву азербайджанское вино?

Председатель:

– Посылаем, Гейдар Алиевич, во всех магазинах продается наше вино.

– Я имею в виду правительственные банкеты в Москве, все время на стол ставят грузинские, армянские, молдавские вина, коньяки, а наших не вижу. Или ты думаешь, что я в Москве хожу по улицам в поисках азербайджанских вин?

– Слушаюсь, Гейдар Алиевич. Это мы учтем.

В сельских районах к нему обращались разные люди с разными просьбами. Как-то, заметив, что его телохранитель хочет грубо отстранить кого-то, он осадил телохранителя, выслушал того просителя, потом укорил драбанта:

– Может, эти люди днями дожидались, чтобы приехал глава республики, мол, поведаем ему свои печали, а ты его не подпускаешь.

Все эти воспоминания относятся к советскому периоду, ко времени его руководства республикой, когда он, как говорится, был на коне и «меч его разил обоюдоостро». Когда он мог выбить для Азербайджана у Москвы то, что требовалось, – начиная от завода бытовых кондиционеров, других важных объектов промышленности до высших наград, орденов деятелям литературы, искусства.

Потом настали черные дни. Гейдар Алиев заболел, пережил инфаркт, и, по мнению целого ряда людей, этот недуг был умышленно спровоцирован. Когда он пребывал в больном состоянии, от него потребовали подать заявление об отставке и, наконец, добились своего, отстранили со всех высоких постов.

После этих событий впервые мы с ним встретились в Кремлевском Дворце Съездов. В фойе я подошел к нему, справился о самочувствии. Подошли и другие представители, в том числе только что назначенный на должность Первого секретаря ЦК КП республики Абдурахман Везиров. Я обратил внимание, что, несмотря на формальное неравенство статусов, один не у дел, другой – «на коне», Гейдар Алиев разговаривает с новоиспеченным «первым» как бы свысока. Впечатление было связано не только с разницей в росте и возрасте; думается, и с хорошо осознаваемой обоими разницей в масштабах. Гейдар Алиев обращался к Везирову на «ты», а тот к нему – на «вы».

– Да, работа у тебя будет трудная. Решить карабахский вопрос – дело нелегкое.

– Ничего, Гейдар Алиевич. Мы решили вопрос с Афганистаном (Везиров прослужил послом в соседнем с Афганистаном Пакистане), решим и карабахский вопрос.

Увы, эти слова не сбылись.

* * *

На одной из сессий Верховного Совета в Москве, во время перерыва я увидел знакомого по Баку телохранителя Гейдара Алиева – Сашу.

Поздоровались.

– Как Гейдар Алиевич? – спросил я.

– Он в обиде на вас, интеллигенцию. Никак не интересуетесь, не вспоминаете.

– Я не знаю его телефона. Дайте номер, непременно позвоню.

Он сообщил номер, в тот же день я из гостиницы позвонил. Трубку поднял он сам. Поздоровались.

– Как вы, Гейдар Алиевич?

– Спасибо, – отозвался он. И добавил: – А как мне еще быть? Не видите, какую бочку катят на меня в печати.

– Зачем вы придаете этому значение, Гейдар Алиевич? Вы – личность историческая, и что значит вся эта писанина?

Вдруг он сказал совершенно даже непредставимые для меня слова:

– Помогите мне...

Я ахнул.

– Как же я могу помочь вам, Гейдар Алиевич?

– Я не хочу оставаться здесь. Хочу вернуться в Баку... Вы человек авторитетный, посодействуйте мне в этом деле.

– Я сделаю все, что в моих силах.

– Вы знаете, я всегда хорошо относился к вашей семье.

– Я знаю, – сказал я. – Доброго здоровья вам, Гейдар Алиевич.

– Спасибо.

Спустя несколько дней, сразу по прибытии в Баку мы с Рустамом Ибрагимбековым посоветовались и пошли к Аязу Муталлибову.

– Гейдар Алиевич – историческая личность, – сказали мы ему. – Сейчас против него ведется очернительная и клеветническая кампания, даже с подачи армян звучат требования привлечь его к ответственности. Азербайджан должен защитить его. Надо избрать его депутатом Верховного Совета республики, обеспечить условия для его спокойного проживания в Баку.

Муталлибов согласился с нами.

– Верно вы говорите, мы должны защитить его.

Муталлибов был человеком культурным, но тут, в несвойственной его обычно учтивому поведению манере, он хлопнул рукой по столу и произнес по-русски:

– Но хозяин в республике должен быть один.

Перейдя на азербайджанский, добавил, что если Гейдар Алиев, вернувшись сюда, будет вмешиваться в политические вопросы, «мы этого не допустим».

– У него и нет такого намерения. Только что оправился после болезни и возраст не тот. Просто надо обеспечить ему спокойную и безопасную старость.

Скажу ради полной откровенности, что я тогда действительно не надеялся, что Гейдар Алиев впредь в какой-либо форме вернется в политическую жизнь.

Спустя несколько лет, когда Гейдар Алиев стал Президентом Азербайджана, в ходе нашей беседы наедине, он сказал:

– Муталлибов считал, что и квартира в Баку для меня – слишком много. Даже не допустил обмена моей московской квартиры на квартиру Каспарова в Баку.

Между тем, при той встрече Муталлибов соглашался с нами, и мы покидали его в уверенности, что все образуется. Кто потом на него повлиял, что посоветовал, не знаю, но он не решил ни единого обговоренного с ним вопроса.

И тем самым решил не участь Гейдара Алиева, а свою собственную.

В ночь с 19 на 20 января 1990 года произошло одно из самых ужасных событий в нашей истории. Советские войска, ворвавшиеся в Баку, учинили кровавую бойню.

Об этих событиях и наших действиях я подробно написал в публицистической статье «Гора шахидов», здесь не хочу повторяться. Скажу лишь, что наутро после той страшной ночи, 20 января, я выступил на митинге перед Президентским дворцом, в тот же день вел собрание протеста интеллигенции в Академии Наук, а вечером, в условиях режима чрезвычайного положения, я был на заседании Верховного Совета республики, собравшемся по призыву Бахтияра Вагабзаде по радио и продолжавшемся всю ночь, где неоднократно выступал и подготовил тексты обращений ко многим международным организациям и мировой общественности. В те же дни написанная мною на русском языке статья «Беда» была разослана всем писательским организациям бывших советских республик и многим народным депутатам СССР, позднее напечатанная в моем сборнике «Черный январь» на азербайджанском и русском языках, а также

во Франции и Иране.

Четыре раза я выступал на первом заседании союзного Верховного Совета, созванного после отпуска 14 февраля; вместе с другими нашими депутатами потребовал привлечь к ответственности зачинщиков этой трагедии.

В дни Черного января был взорван энергоблок Бакинского телевидения, и ТВ вышло из строя, не поступали и московские газеты; мы были ввергнуты в ситуацию информационной блокады. Только через несколько дней мы узнали, что Гейдар Алиев, рискуя жизнью, явился в Постпредство Азербайджана в Москве, выступил перед многочисленными представителями прессы, в том числе и зарубежными корреспондентами, выразил соболезнование своему народу и резко обвинил советское руководство, лично М.Горбачева за это кровавое преступление. Впервые в советской истории член Политбюро, отстраненный от должности, подвергал столь суровой инвективе руководство партии и правительства.

После этого выступления кампания клеветы и очернительства в центральной прессе против Гейдара Алиева еще больше ужесточилась.

Центральное руководство не давало ему возможности вернуться в Баку. Не хотели этого и республиканские руководители.

Позднее я обратил внимание, что Гейдара Алиевича горше нападок и козней всех оппозиционеров ранит и уязвляет неблагодарность людей, в свое время работавших под его началом, выдвигавшихся им, а порой даже спасенных им от ареста.

О том, ценой каких мытарств Гейдар Алиев вернулся в Баку, написано много, эти эпизоды нашли отражение и в фильме, снятом Вагифом Мустафаевым. Пробыв в Баку всего несколько дней, он отправляется в Нахичевань и там на первых порах живет в очень трудных условиях.

Приходит на ум история с Наполеоном, сосланным на остров, откуда он вырвался и двинулся на Париж и в продолжение ста дней держал бразды правления в руках, но вновь был отправлен в последнее изгнание.

Однако победное возвращение Гейдара Алиева длилось не сто дней, а всю оставшуюся жизнь.

Он был избран депутатом Нахичевани, Азербайджана, председателем Верховного Совета автономной республики.

* * *

В 1991 году распался Советский Союз, и моя деятельность как депутата союзного парламента прекратилась. Я тогда не был депутатом Верховного Совета Азербайджана, поэтому не участвовал на

заседаниях, где в отношении Гейдара Алиева было проявлено вопиющее неуважение; эти безобразные сцены я позднее лицезрел по телевидению. То, что в бытность Гейдара Алиева во главе руководства Нахичевани из названия автономной республики было убрано определение «советская», Верховный Совет был переименован в Меджлис и, наконец, трехцветный стяг первой Азербайджанской республики был утвержден как государственный флаг автономии, и обращение по этому поводу в ВС Азербайджана – факты общеизвестные.

В пору руководства Нахичеванью его визиты в Турцию, Иран, налаживание тесных контактов с главами этих государств, приемы зарубежных гостей, общение с журналистами, – все это преследовало цель вывести этот древний край Азербайджана если не из экономической, то хотя бы из моральной и политической блокады, и именно поэтому армяне не посмели совершить агрессии против Нахичевани.

Построением Садаракского моста и обеспечением прямого сухопутного сообщения с Турцией Гейдар Алиев решил еще одну важную стратегическую задачу.

На открытие Садаракского моста вместе с группой нашей интеллигенции был приглашен и я. Самолетом мы – Халил Рза, Рустам Ибрагимбеков, Фархад Халилов и автор этих строк – прилетели в Нахичевань.

Ожидалось много гостей из Турции во главе с Сулейманом Демирелем. Несмотря на большую занятость, Гейдар Алиев принял в своем рабочем кабинете Рустама, Фархада и меня. То была первая наша встреча после многих лет, обнялись, поцеловались.

Гейдар Алиев:

– Вот, видите, не дали работать в Москве, не дали жить в Баку, пришлось мне трудиться в Нахичевани.

После торжественного открытия моста нас пригласили в Гостевой дом. Здесь, во дворе, собрались и Сулейман Демирель и прибывшие с ним около тридцати министров и депутатов Турции. Гейдара Алиева не видать. Спрашиваю у всегда преданного ему Саши: «А где Гейдар Алиевич?». «Принимает душ, сейчас придет».

Гейдар Алиев оставался Гейдаром Алиевым. Будь он на кремлевском Олимпе, будь в Нахичевани. Я неоднократно был свидетелем, с каким достоинством он разговаривал с высокопоставленными русскими генералами, руководителями.

Во время официальных поездок в несколько стран под его началом я имел возможность наблюдать, что он общается и держится с главами самых больших держав с тем же гордым и свободным достоинством.

Мы возвращались из Нахичевани в Баку с решительным убеждением, что в ближайшее время он станет во главе всего Азербайджана.

* * *

А республика в ту пору действительно оказалась на краю пропасти. После преданной и проданной Шуши, после падения Лачина, запечатленного на киноленте отважным летописцем трагедии Чингизом Мустафаевым, оккупация остальных районов региона стала неотвратимой. На севере республики активизировались садвалисты¹. На юге сепаратисты провозгласили создание самозванной «Талышско-Муганской республики».

Правители Баку, ранее наградившие Сурета Гусейнова знаком Национального героя, нанесли ему обиду, и тот, подняв вооруженный мятеж, двинулся на Баку с воинскими частями, по пути ниспровергая глав местной исполнительной власти, и уже на подступах к столице произошло кровопролитное противостояние – братоубийственное столкновение. Мятежники грозили руководству страны эшафотом и виселицей. Это, конечно, было делом нереальным, не верю, чтоб кого-то повесили, но все же угрозы были достаточно зловещими.

Совершенно реальной была угроза гражданской войны и расчленения страны, и армянские агрессоры, воспользовавшись этой смутой, могли добраться до Евлаха, то есть разрубить территорию республики надвое. Вокруг каждого более или менее известного политика сгруппировались свои вооруженные отряды, по вечерам было опасно появляться в городе, погруженном во тьму.

В этой тягчайшей ситуации мы видели единственный путь к спасению родины в возвращении Гейдара Алиева к власти. К слову, с такой инициативой я выступил еще раньше, в 92-м году, опубликовав это предложение и в печати. Я предлагал создать Госсовет в составе пяти человек и включить в него председателя Верховного Совета, премьер-министра, председателя Нахичеванского Меджлиса (то есть Гейдара Алиева) и двух представителей оппозиции. Целью было не только достижение сотрудничества, консенсуса между властью и оппозицией, но и представление Гейдара Алиева в высшей властной структуре. К сожалению, тогда это предложение повисло в воздухе.

А события в стране достигли критической черты. Теперь, по прошествии лет, часто говорят, что Гейдар Алиев вернулся к власти по требованию народа. В известном смысле это так. Действительно, 90% сограждан связывали свои надежды на избавление от обрушившихся бед с Гейдаром Алиевым. Но механизм реализации этого дела, естественно, был в руках не рядовых сограждан, народа, а в руках тогдашнего руководства. Тогдашние правители, осознавая плачевные итоги своей политики, потерпевшей фиаско, и опасность, грозившую им лично, вступили в переговоры с Гейдаром Алиевым и стали настойчиво зазывать его в Баку, даже посылали за ним самолет. Наконец, по настоянию широкой общественности и тогдашнего руководства Гейдар Алиев прибыл в Баку и с присущей ему терпеливостью, энергией и мудростью взялся утрясать дела и наводить порядок. Сперва он отправился в Гянджу и успокоил людей, погасил очаг разгоравшегося губительного раздора. Затем без кровопролития, путем умной пропаганды снял с повестки дня вопрос о «Талышско-Муганской республике».

Помнится, что даже Иса Гамбар, считавший себя политическим оппонентом Гейдара Алиева, тогда признал, что Гейдар Алиев явил пример того, как труднейшие проблемы можно решать с помощью телевидения.

В «Ночных мыслях» я писал, что Гейдар Алиев – гроссмейстер политических шахмат, а жаждущие сразиться с ним пока играют в нарды, кидая зары (игральные кости): «выпал бы фарт!»

* * *

В феврале 1993 года, получив приглашение Стамбульского университета «Мемар Синан», до начала июня я преподавал в этом вузе курс азербайджанской литературы. Во время пребывания в Стамбуле я организовал несколько брифингов, дал интервью в газетах и на каналах ТВ, стремясь достоверно и со всеми подробностями довести до турецкой общественности карабахскую проблему. В связи с моим тогдашним отъездом в Турцию в нашей печати подняли шумиху. Были те, кто мою временную командировку восприняли нормально, но были и те, кто придали этому другую окраску. Странно, иные наши соотечественники годами живут и работают в Турции, в Москве, в европейских странах, в Америке, и никому до них нет дела, а мое полугодовое стамбульское лекторство превратили чуть ли не в общенациональную проблему.

В начале июня в самый напряженный момент событий на родине, не дожидаясь окончания семестра и ускорив сроки принимаемых мною экзаменов, я вернулся в Баку. По возвращении я написал обращение, адресованное президенту Азербайджана Абульфазу Эльчибею, председателю Верховного Совета Гейдару Алиеву, Национальному герою республики Сурету Гусейнову, председателю партии Национальной независимости Этибару Мамедову, руководителям Народного Фронта.

Подробное изложение обращения прозвучало на ТВ, полный текст был опубликован в прессе. Главными адресатами обращения были Эльчибей и Гейдар Алиев:

«Я обращаюсь к Вам, уважаемый Абульфаз-бей! И мы, и весь мир признает Вас как Президента Азербайджана, избранного народом. Подумайте обо всей ответственности этого высокого поста и, со всей серьезностью сообразуясь с участью искренне любимого Вами народа, во имя которого пережили страдания, внимая голосу совести Вашей, примите окончательное решение!

Уважаемый Гейдар-бей! Судьба в решающий момент истории Азербайджана возложила на Ваши плечи очень тяжелое и ответственное бремя. Во имя избавления нашего народа от настоящего тяжелого положения, приложите весь Ваш богатый политический опыт, масштабное видение мировой политики, Вашу энергию и волю».

Газета «Азербайджан»

24 июня 1993 г.

Абульфаз Эльчибей покинул Баку по причинам, донныне мне неизвестным, вылетел в Нахичевань и обосновался в родном своем селении Келеки. Кстати, хочу подчеркнуть, что питаю уважение к Абульфазу Эльчибею как чистому и идейному человеку, как к личности, пострадавшей за свои

убеждения. Но должен признать также, что в ту трудную пору, в трудных обстоятельствах он, как руководитель страны, не смог в должной мере выполнить свою миссию.

После того, как исполнявший обязанности Президента Гейдар Алиев 20 сентября стал полноправным главой государства, он провел первую встречу с интеллигенцией, где я выступил с докладом. В докладе прозвучали следующие суждения, связанные с вернувшимся к власти лидером нации.

«Сегодня Азербайджан переживает действительно тяжелейшие дни своей истории, и у меня, как и у многих, надежды на избавление от этих тяжелых дней связаны с возвращением Гейдара Алиева к руководству.

Гейдар Алиев, хорошо знающий политические игры не только нашего маленького соседа – армян, но и больших соседей, мыслящий в масштабах мировой политики, обладающий богатым опытом, умеющий «сто раз отмерить, один раз – отрезать» свои политические шаги, быть может, в эти тяжкие дни, – последний шанс Азербайджана. Сопоставлять исторические личности некорректно, но есть определенное сходство исторических ситуаций, в которых оказывались страны. Великая личность, выдвинутая историей в самые тяжелые дни Турции – Ататюрк – и спас Турцию, и возвел ее, возвел на здравых демократических основах будущего. Конечно, один в поле не воин. Но я хочу верить, что новое руководство, опирающееся на совместные усилия политических деятелей различных убеждений, на реальную поддержку интеллигенции, и вызволит, и выстроит Азербайджан, то есть, если мы желаем видеть Азербайджан XX столетия счастливой страной, то это счастье может сбыться лишь на пути независимости, демократии, в условиях, когда демократические механизмы и институты будут работать точно, как часы».

Выступая на собрании, Гейдар Алиев говорил:

«Мы (я говорю лично от себя) откроем широкий путь демократии. Азербайджан и впредь должен строить свое государство на основе демократических принципов, и государственные органы призваны гарантировать утверждение демократических принципов в обществе. Но надо, чтобы и наши ученые, наша интеллигенция не оставалась в стороне, трудились, боролись, не проявляли безучастность в этот тяжелый период нашей жизни. Если их мнение не принято однажды, дважды, пусть придут в третий раз. Анар здесь пожаловался, я согласен с его сетованиями. Ибо действительно это так, это правда. Но это не значит, что надо обиженно отходить в сторону, никто из нас не вправе держать обиду».

Газета «Азербайджан»

24 сентября 1993г.

* * *

Если в советские времена Гейдар Алиев, отправляясь в районы Азербайджана, брал с собой и писателей, то в период независимости, совершая зарубежные визиты в качестве Президента, он стал опять же

приглашать представителей интеллигенции. Это имело большой смысл. Если сопровождавшие его журналисты обычно освещали фактологическую сторону событий, тиражировали материалы информативного характера, то писатели могли поглубже, позорче осмысливать значимость этих визитов, нюансы поведения президента перед зарубежной публикой, его переговоров с лидерами других стран.

В 1994 году мне сообщили от имени Гейдара Алиева предложение принять участие в его визите в Марокко. Но, как на грех, тогда у меня очень болела нога; к тому же, я прежде побывал в Марокко, потому, поблагодарив, я отказался от поездки; но в марте, получив приглашение на визит в Китай, с удовольствием принял его. Помимо официальных лиц и журналистов, в состав делегации входили и другие деятели искусств – Габиль, Юсиф Самедоглу, Максуд Ибрагимбеков, Эльдар Кулиев, Сабир Рустамханлы, Зелимхан Ягуб, Эльмира Ахундова и другие.

Из Баку мы вылетели в Алма-Ату, оттуда – в Пекин. В Алма-Ате Гейдар Алиев в сопровождении министра иностранных дел Гасана Гасанова встретился с Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. Во время долгих полетов Гейдар Алиев, по обыкновению, выходил из своего салона в общий салон, здоровался, общался с участниками визита. И вот, когда черед дошел до меня, он спросил: «Ну как твоя нога, не болит?». Ничто не выпадало из памяти, не ускользало от внимания этого человека.

Помимо феноменальной памяти, поражала и неистощимая энергия Гейдара Алиева. Человек немалых лет, перенесший инфаркт, переживший тягчайшие испытания и напряженные ситуации, он бодрой поступью, с которой не могли потягаться даже молодые, поднимался на самую верхотуру знаменитой Великой Китайской стены.

Я наблюдал его встречи в Пекине и Шанхае с официальными лицами китайского руководства, деловыми людьми, журналистами и представителями общественности. Вывесив карту Азербайджана, как учитель в школе, он показывал местоположение республики у Каспия, на Кавказе, отмечал и объяснял, что Карабах, не граничащий с другими странами анклав, в придачу с окрестными районами, оккупирован. С президентом Китая вел разговор столь же раскованно, как если бы главой полуторамиллиардной страны был Гейдар Алиев, а господин Цзянь Цземинь (если мне не изменяет память) возглавлял семимиллионный Азербайджан...

8 марта совпало с нашим пребыванием в Китае. Гейдар Алиев поздравил женщин–участниц делегации. Им вручили подарки, словом, он устроил настоящий праздник, перешучивался со всеми и больше всего с поэтом Габилем. Я обратил внимание, он охотно использует в разговоре слова «öпәт, öпәmli, öncül»¹, которые в свое время мы ввели в оборот в «Гобустане». Я сказал ему об этом. Он ответил: «Мы эти слова употребляли еще в 30-е годы, потом позабыли».

14 ноября 1995 года мы провели в Москве в Колонном зале Дома Союзов юбилей 500-летия Физули. Я выступил с докладом. Гейдар Алиев произнес обстоятельную речь. Сидевший в президиуме рядом со

мной Сергей Михалков поинтересовался: «У Гейдара Алиевича филологическое образование?». «Нет, – ответил я, – он историк».

В том же году мы отправились в Бишкек, на торжества, посвященные 1000-летию дастана «Манас». И здесь Гейдар Алиев говорил, как истый филолог, о литературном и историческом значении киргизского эпоса, об общих художественных ценностях тюркских народов. На торжество съехались главы Турции и тюркоязычных государств.

Президент пригласил на их саммит также меня и Юсифа Самедоглу. Наблюдая за выступлением Гейдара Алиева с его превосходящей всех остальных логикой и мудростью, мы испытывали гордость. На саммите участвовал, естественно, и президент Туркменистана Сапармурад Ниязов (Туркменбаши). Кто-то окрестил его Супермурадом. Я знал его с Москвы, с депутатских времен. В Совете Союзов мы сидели рядом, тогда он был первым секретарем ЦК КП Туркмении. За два года нашего депутатства он ни разу не выступил, и ни словом не перекинулся с нами, тихо, молча приходил-уходил, только бросив: «салам», «сагол». Впоследствии, когда он возглавлял независимый Туркменистан, услышав о его деяниях, я диву давался: сколько же властолюбия таилось в этом внешне тихом спокойном человеке.

На Бишкекской встрече Туркменбаши после каждого выступления бросал резонерскую реплику: «Ладно, вопрос ясен», – будто пытался закруглить заседание. Юсиф шепнул мне на ушко: «Клянусь, этот – наш человек, спешит поддаться...». «Нет, – отозвался я, – спешит в Ашхабад, соскучился по своим портретам и монументам».

Юбилейный торжественный вечер происходил на родине легендарного Манаса и покойного Чингиза Айтматова – в долине Талас. Здесь подготовили грандиозное действо, соорудили походные «алачики», расстелили ковры. На память приходили древние пиры, устраивавшиеся вещим Праотцом Горгудом. В представлении, созданном известным киргизским кинорежиссером Болотом Шамчиевым, участвовали тысячи всадников. Скачки, состязания лучников, меченосцев, пляски...

Феерический, яркий праздник. Потом нас пригласили в шатры. Гейдару Алиеву преподнесли в дар национальный киргизский халат и шапку, он облачился, и ему очень шло это одеяние. Будто перед нами ожил один из древнетюркских хаганов. Этого человека, помимо всех иных достоинств, Аллах сподобил высокой статью, выразительными руками с длинными пальцами, аристократизмом жестов и движений.

Воспользовавшись случаем, я сказал: – Господин Президент, и мы бы могли провести вот такой юбилей Деде-Горгуда, да еще краше.

– А которая годовщина на счету у Деде-Горгуда?

– Можем отметить 1300-летие.

– Почему – 1300?

– Конечно, мотивы, истоки дастана древнее, но в имеющихся у нас текстах сообщается, что Деде-Горгуд был современником Пророка Мухаммеда, можно взять за основу эту веку.

– Вернемся в Баку – напиши свои предложения.

В Баку за подписями министра иностранных дел Гасана Гасанова и моей мы изложили свои предложения о юбилее Деде-Горгуда. Среди ученых начались дискуссии о возрасте дастана. Одни говорили – 1500, другие – 2000 лет, но не могли привести весомых доводов. Кто-то даже предлагал отметить юбилей 1000-летия.

Я возражал «омолаживающим» дастан:

– Армяне в 39-м году отмечали 1000-летие эпоса «Давид Сасунский», резонно ли сейчас, по прошествии 60 лет, проводить 1000-летие «Книги Праотца Горгуда»?

Один из старейших горгудоведов ударился в другую крайность:

– Давайте проведем 2700-летие.

– Тогда почему бы не 5000-летие? – парировал я.

– Ладно, ну хотя бы 1600-летие...

– Почему именно 1600-летие? – спросил я.

– Вы же сами сказали, что Горгуд жил во времена Пророка Мухаммеда. Известно и то, что Горгуд прожил триста лет. Вот видите, мы подходим к IX веку...

– А может, он прожил эти триста лет после Мухаммеда? – заметил я, ибо на абсурдный аргумент стоило и абсурдно ответить. Короче, дискуссии завершились. Решающее слово было за нашим Президентом.

К счастью, ознакомившись с аргументами всех сторон, он принял наше предложение, и указом утвердил проведение юбилея 1300-летия эпоса. Это имело глобальное общекультурное значение. И Турция, и ЮНЕСКО приняли эту календарную цифру. Один только Туркменбаши возвестил о 1500-летию дастана.

Позднее с Гейдаром Алиевым у нас был разговор об этом.

– Туркменбаши отмечает 1500-летие Деде-Горгуда, – сказал он.

– Из-за своей амбиции, – отозвался я. – Почему они до нас и не вспоминали о Деде-Горгуде? В Азербайджане сняли фильм, издали энциклопедию, тексты Дрезденского и Ватиканского списков, провели грандиозный юбилей, 1300-летие было принято в мировом масштабе, а после этого Туркменбаши, очулавшись, в пику нам проводит 1500-летие...

Ранее «Книгу Праотца Горгуда» считали памятником X-XI веков, отсчет истории нашей литературы начинали с мидийских мифов, изложенных Геродотом, стихотворения Давдака, дошедшего до нас в армянском переводе, начинали с поэтов, писавших на фарси, на арабском языке. Констатация 1300 годовщины Деде-Горгуда позволило нам вести отсчет истории нашей литературы с этого грандиозного памятника фольклора, созданного на нашем родном языке.

На заседании юбилейной комиссии я сказал, что утверждение цифры – 1300 лет – имеет очень большое значение для нашей литературы; Гейдар Алиев подал реплику: «Не только для нашей литературы, но и для нашей истории». И это было совершенно верно.

Юбилейные дела натыкались и на другие заморочки – со стороны администраторов. На одном из совещаний, проводившихся Эльчином, тогдашний министр финансов уперся, что на такое масштабное мероприятие средств нет. Дело дошло до Гейдара Алиева; на заседании юбилейного комиссии он пропесочил министра: «Я лучше тебя знаю, на что какие средства выделяются!»

Действительно, проведение юбилея эпоса на таком уровне «стоило свеч». О дастане вышло много ценных трудов. За короткий срок в изящном оформлении увидела свет энциклопедия «Деде-Горгуда», давно подготовленная по инициативе Союза писателей (при главном редакторстве Камиля Вели Нариманоглу). Не могу не отметить особо заслугу уважаемой Фатьмы-ханум Абдуллазаде в успешном завершении этого дела на последнем решающем этапе.

Из Дрездена поступила точная копия рукописного текста «Книги Праотца Горгуда» в дар Президенту, а он, если не ошибаюсь, передал этот экземпляр Институту рукописей.

Самым большим открытием для меня в этой рукописи, которую я видел еще в Дрездене во время юбилейных мероприятий, было то, что названия сказов и стихотворные фрагменты написаны красным пером. Этого не знали даже турецкие горгудоведы. Выделение красными чернилами поэтических фрагментов в тексте положило конец спорам о том, создавался ли дастан всецело в стихах или прозе.

К юбилею Марахим Фарзалибеков подготовил на основе моего сценария грандиозное представление. На сцене оживали великие творцы тюркского мира – Низами, Манас, Юнис Эмре, Насими, Навои, Хатаи, Физули, Вагиф, Махтумкули, Натаван, Абай, Сабир, явившиеся с поздравлениями к Вещему Горгуду... Зрелище получилось весьма эффектным, сидевшие в зале главы государств были очарованы; Президент Кыргызстана Аскар Акаев несколько раз поздравлял нас; был взволнован и Сулейман Демирель, «надо непременно показать спектакль и в Турции», – сказал он. Больше всех радовался, конечно, Гейдар Алиев.

* * *

В октябре 1995 года состоялось заседание Конституционной Комиссии; выступая как член комиссии, я высказался против того, чтобы наш родной язык определялся только как «азербайджанский», напомнил, что несколькими годами раньше я возражал и против самоназвания «türk dili»¹. Потому я предложил как самое адекватное название, – «Azərbaycan türkcəsi», «Azərbaycan türk dili» или «azeri türkcəsi» (с уточняющим определением). Отказ от этнолингвистического обозначения «türk», говорил я, означал бы отказ от нашего прошлого и классического наследия, отмежевание от языка соплеменников в Южном Азербайджане; это очень серьезный вопрос, чреватый ответственностью в будущем. В этом же духе выступали Бахтияр Вагабзаде, Эльчин.

Гейдар Алиев, всегда чутко относившийся к слову интеллигенции, сказал, что он сторонник решения этого вопроса не административным путем, а посредством обсуждения широкой общественности. В здании президиума Академии наук было проведено широкое обсуждение проекта новой Конституции. Президент Г.Алиев, выступая здесь, сказал:

«При обсуждении проекта в Конституционной Комиссии три человека – поэт Бахтияр Вагабзаде, Анар и Эльчин Эфендиев высказали такую мысль, чтобы было записано: «Государственным языком является «азербайджанский тюркский язык»¹ .

Гейдар Алиев просто информировал аудиторию, не задавая тон к принятию какого-либо решения. В прениях выступили приверженцы и противники обеих формулировок «азербайджанский язык», «азербайджанско-тюркский язык» («Azərbaycan türkcəsi»).

На очередном заседании Конституционной Комиссии Президент высказал свои соображения в связи с этим вопросом:

«Члены Комиссии Бахтияр Вагабзаде, Анар, Эльчин Эфендиев говорят: пусть пишется «Azərbaycan türk dili» или «Azərbaycan türkcəsi», другие члены Комиссии не приемлют эту мысль, то есть не разделяют ее.....

Но я вновь повторяю, так как это очень чувствительный, очень тонкий вопрос, если кто-то высказывается об этом, то надо прислушиваться к нему, и здесь нельзя решать вопрос только обычным большинством-меньшинством».

На другом заседании Комиссии Гейдар Алиев вновь возвращается к этому вопросу. Некоторые моменты этого важного заседания привожу здесь в изложении газеты «Азербайджан» от 2, 3, 4, 9, 10, 11 ноября 1995 года:

«Гейдар Алиев: Три человека из членов Комиссии высказали об этом особое мнение. Остальные члены не поддержали это мнение. Все они стали сторонниками (формулировки) «Азербайджанский язык». Выступавший сегодня член комиссии Этибар Мамедов также не высказал иного мнения, вообще не высказался. В таком случае, если я как председатель Комиссии подошел бы к вопросу с общей принципиальной точки зрения, то вопрос можно было бы на этом закрыть. Но я счел, что если три человека среди членов Комиссии составляют по численности совершенное меньшинство, то, во-первых, надо обратить внимание на мнение каждого члена комиссии, во-вторых, высказавшие это мнение являются нашими выдающимися интеллигентами, людьми признанными и проявившими большую деятельность в области литературы».

На заседании огласили сообщение, что из 27 выступавших на обсуждении в Академии, 15 человек – за предложение «азербайджанский язык».

«Академик Зия Бунятов: Давайте уже закончим с этим, Гейдар Алиевич. «Азербайджанская Республика», «Азербайджанский язык», – этому не может быть другого названия, и больше об этом и говорить нельзя; кто хочет, пусть называет себя турком, и дома у себя приклеит на стены такой лозунг,

мол, я турок, и, глядя в зеркало, разговаривает сам с собой: ты и я, оба мы турки.

Бахтияр Вагабзаде: Те, которые здесь защищают «азербайджанский язык» в чистом виде², наверное, лет через двадцать, тридцать будут говорить, что и окончание «ов» в наших фамилиях – наше. Братья мои, слепец слеп, зрячий – зряч, я считаю, и в прошлый раз говорил в выступлении, у нас с Анаром мнение едино: «Azərbaycan türkcəsi», и нация наша – азербайджанские турки, вот самое верное.

Гейдар Алиев: Бахтияр-муаллим, минуточку... напишем вот «Azərbaycan türkcəsi», давайте поразмыслим поглубже. Мы, значит, как бы наречие турецкого, что это такое?

У языка есть самоназвание. Уважаемый Анар приводит пример, мол, в мире есть прецедент – крымско-татарский язык.

Реплика: Это название места¹.

Гейдар Алиев: Прошу не мешать, я знаю, что откуда. Есть крымско-татарский язык. Но где, кроме этого? Франция – французский язык, Испания – испанский язык, Греция...

С места: Украина...

– Гейдар Алиев: Прошу не мешать, я сам знаю, что говорю... Даже те, кто дал повод обсуждению вопроса в таком разрезе – Бахтияр Вагабзаде, Анар, Эльчин Эфендиев, – и они, выдвигая предложение, не говорили: пусть в конституции вместо названия «азербайджанский язык» пишется «турецкий язык». Мы знаем наше происхождение, мы – нация тюркского происхождения, и у нас есть язык, принадлежащий к языкам тюркоязычных народов. Полагаю, что никто не должен брать это под сомнение. Если кто-то иного мнения, должен отставить эту мысль. То есть, наше происхождение известно, наши пращуры известны. Мы принадлежим к группе тюркоязычных народов. В свое время по инициативе покойного Тургуту Озала и Сулеймана Демиреля была создана и такая межгосударственная структура: Саммит глав тюркоязычных государств. В первый раз он был проведен в Стамбуле, и во второй раз в Стамбуле. На первом я не участвовал, тогда меня здесь не было, но на втором и на третьем, в Бишкеке, участвовал. Когда я ездил в Стамбул, Бахтияр Вагабзаде был со мной. Когда отправился в Бишкек, – Анар был там, и Юсиф был там.

Анар: У меня вопрос общего порядка. Когда два года тому назад принималось, что наш язык – турецкий, я в печати писал, что это неверно, написал и Бахтияр-муаллим; а кто из сидящих здесь выступил в печати с возражением против этого?

М.Адилов (профессор БГУ): Я вслед за вами написал об этом, Анар-муаллим.

Анар: Теперь, Гейдар-муаллим, мы говорим, что это было ошибкой. Верно, это было ошибкой. Но давайте сделаем так, чтобы по прошествии некоторого времени не говорить, что и это, то есть наше

сегодняшнее решение, тоже ошибочно. Я очень прошу, говорил это и в Академии, – мы не хотим взваливать эту ответственность только на одного Вас.

Гейдар Алиев: Тогда на кого же?

Анар: Гейдар-муаллим, я не хочу, чтобы только на одного вас. Но я согласен с высказыванием Сабира Рустамханлы, и прошу не воспринимать это как комплимент. Поскольку Вы – человек, имеющий столь беспрецедентные заслуги перед азербайджанским народом, то пусть и возвращение исконного названия нашего языка будет связано с вашим именем.

Приводя здесь моменты этого давнего обсуждения из публикации газеты «Азербайджан», я думаю, что Гейдар Алиев как Президент и председатель Комиссии мог решить этот вопрос и административным путем, но не сделал этого: хотя и мы остались в меньшинстве, он прислушался к нашему слову, уважительно и внимательно отнесся к нашему мнению, вынес вопрос на широкое обсуждение, и на обсуждении большинством голосов (конечно, при ином составе участников обсуждения могли получиться и другие результаты) было решено принять самоназвание «азербайджанский язык».

В этом отношении я вновь остаюсь при своем мнении; выяснилось и то, что общественное мнение еще не готово к восприятию этнолингвистического определения «тюркский» («türk»), не приемлет его. Но на том же памятном заседании Гейдар Алиев дал недвусмысленную отповедь тем, кто открыто или завуалированно выступал вообще против нашего тюркского этногенеза, сказав, что мы – народ тюркского происхождения, народ тюркоязычный.

Наше «инакомыслие» – и Бахтияр-муаллима, и Эльчина, и мое – в отношении принятого решения не изменило всегдашнего доброго отношения главы государства к нам. Напротив, в те же дни он вверил мне такую почетную обязанность, как открытие первого заседания первого Милли Меджлиса – Национального Собрания – суверенного Азербайджана. Я был избран в парламент депутатом от Геокчайского района. Накануне первого заседания Гейдар Алиев пригласил меня к себе:

– Мы хотим, чтобы ты открыл и вел первое заседание Меджлиса.

– Большое спасибо, – сказал я, – для меня это большая честь, но не знаю, справлюсь ли.

Гейдар Алиев спросил:

– Сколько членов насчитывает Союз писателей?

– Свыше семисот, – назвал я приблизительную цифру.

– А сколько членов Милли Меджлиса?

– Сто двадцать пять.

– Если ты справляешься с семьями, то и со ста двадцатью пятью справишься.

Мы рассмеялись, и вопрос был исчерпан.

...Действительно, открытие первого Парламента независимого Азербайджана было актом историческим. Я выступил, поставил на голосование ряд вопросов. Во время перерыва Гейдар Алиев сказал мне:

– Вот видишь, справился.

Это было для меня высокой оценкой.

* * *

И в бытность первым секретарем ЦК в советское время, и как Президент в период Независимости, Гейдар Алиев непосредственно участвовал на всех юбилеях выдающихся деятелей литературы и искусства, классиков и современников – в Баку, в Москве, и во многих случаях выступал с обширной речью. Он приходил на юбилеи Бахтияра Вагабзаде, Габилы, Мамеда Араза, Фикрета Годжи, Сабира Рустамханлы.

Помнится, в канун юбилея Фикрета Годжи по просьбе самого поэта-юбиляра мы не написали представления на награду, но я пригласил Президента на торжество, проводившееся в Филармонии. В тот же день он подписал указ о награждении Фикрета орденом Славы и вечером пришел в Филармонию, где провел с нами очень теплую беседу.

В ходе беседы я рассказал Президенту забавный казус, связанный с Юсифом Самедоглу, когда непосвященный любитель литературы, желая сказать ему приятность, похвалил его дочь: «Юсифмуаллим, ваша дочь прекрасно читает стихи». Оказалось, что он принял известную актрису Амину Юсиф гызы за дочь Юсифа.

Президент насмеялся всласть.

И на юбилее Габилы, после официальной части, юбиляр с присущей ему простецкой откровенностью пригласил Гейдара Алиева на банкет:

– Может, пропустите грамм пятьдесят за мое здоровье.

– Это дело поручаю Анару, – отозвался Гейдар Алиев. – Пусть вместо меня хлопнет сто грамм в твою честь.

Хорошо помню яркие выступления его на юбилейных торжествах в Баку, Москве, Анкаре, Алма-Ате, Бишкеке, посвященных «Деде-Горгуду», Низами, «Манасу», Насими, Физули, Абаю, Джалилу Мамедкулизаде, Гусейну Джавиду, Узеиру Гаджибейли, Самеду Вургуну, Сулейману Рустаму, Расулу Рзе, Рашиду Бейбутову, Тофику Кулиеву... 26 марта 1994 года, выступая на юбилее 90-летия Сулеймана Рустама в тогдашнем Дворце Республики, Гейдар Алиев акцентировал очень важный момент:

«Мы уже десятилетиями с большой душевной болью говорим о Гусейне Джавиде, Микаиле Мушфиге и других наших выдающихся личностях, ставших жертвами репрессий... Теперь кто-то считает, что в те времена должны были бы арестовать и Самеда Вургуну, убить и Расула Рзу, Сулеймана Рустама, тогда бы говорили, что и они были героями, и мы бы стали оплакивать их десятки лет... Мы должны благодарить Аллаха, что такие люди в те тяжелые времена смогли избежать тех бед. Не будь в 30-е годы, при тогдашних утратах, Самеда Вургуну, Расула Рзы, Сулеймана Рустама и других выдающихся поэтов того поколения, то в чем бы сейчас заключалась литература, духовность нашей истории того периода? Я не могу представить литературу без Самеда Вургуну, без Расула Рзы, без Сулеймана Рустама...»

Двумя годами позже, 7 марта 1996 года во Дворце, ныне носящем имя Гейдара Алиева, широко отмечался и юбилей 90-летия Самеда Вургуну, и Президент произнес глубоко содержательную речь на этом торжестве.

На юбилей прибыли Расул Гамзатов, Михаил Алексеев, Мухтар Шаханов, Гурам Гварцителли, из Турции – носящий имя великого поэта Назым Хикмет, Полад. Заседание вел Эльчин, выступил я, затем гости, в заключение слово взял Гейдар Алиев.

После мероприятия Гейдар Алиев пригласил нас в Дом гостей, ныне именуемый Дворцом «Улдуз». В числе приглашенных были гости, несколько официальных лиц страны, семья Самеда Вургуну и я. Банкет, начавшийся в 11 часов вечера, продолжался до половины третьего ночи. После банкета, в ту же ночь, я записал свои впечатления, сейчас воспроизвожу их, исходя из тех записей.

У Гейдара Алиева было приподнятое настроение. Он много шутил, пил вино помалу, даже вдова Самеда Вургуну Хавер-ханум участливо предостерегла его: «Не пейте слишком». Он говорил много лестных слов о Юсифе, Вагифе, Эльчине, Поладе, обо мне. Вновь вспомнил журнал «Гобустан», сказал, что читал этот журнал от начала до конца, не только потому, что о нем ему давали отрицательную информацию, но и потому, что для него самого издание было интересным, и он многие вещи узнавал из журнала.

Затем обратился к гостям:

– Мы в те времена не позволили, чтоб из этих молодых людей сделали диссидентов. Мы искали не диссидентов, а таланты, но если бы мы подошли с идеологическими критериями той поры, то вот и Анар был настоящим диссидентом, и мне нравилось, что он диссидент, потому что я сам был самым большим диссидентом.

Господи, думаю, будь машина времени и верни нас в четвертьвековую давность, – кому бы в голову пришло, что когда-то Гейдар Алиев произнесет такие слова!

А главное заключалось в том, что дело обстояло действительно так. Я еще в те времена, в советский период, интуитивно чувствовал, что, хотя Гейдар Алиев высказывается с соблюдением ортодоксальных партийных постулатов, в глубине души он отдает предпочтение национальным ценностям и больше всех нас питает неприятие к имперской сути режима, ибо знает ее изнутри, по самым темным тайникам

КГБ.

Говоря о Расуле Гамзатове, он вспомнил о встрече с поэтом во время своего больничного одиночества в Барвихе. Гамзатов, встретившийся с ним там, сказал, мол, когда Кунаева отстраняли от должности, в Казахстане на заседании кто-то заступился за опального руководителя, и зал долго аплодировал ему. «Найдется ли в Азербайджане такой мужчина, который бы защитил вас?»

Гейдар Алиев перед банкетом попросил меня переводить нашему турецкому гостю выступления и разговоры на русском языке. И вот поинтересовался:

– Ну, как, переводишь?

– Перевожу, Гейдар-муаллим. Но я перевел так, что в Азербайджане, кроме писателей, не нашлось мужчины, который бы защитил вас...

Он захохотал, согласился с «вольным» переводом.

Вспомнил, как мы его пригласили на писательский съезд.

– Я сперва было подумал, что это искусственный жест.

– Гейдар Алиевич, почему вы так плохо о нас думаете?

– Нет, просто счел, что это не официальное приглашение. Но, придя на съезд, убедился, что приглашение исходит лично от тебя. Предложили мне подняться в президиум, а я сказал, что долгое время я смотрел на вас сверху вниз, а теперь хочу поглядеть снизу вверх...

– Тем самым вы избавили меня от щекотливого положения. Мы ведь решили, чтобы в президиуме сидели только секретари СП, не пустили туда секретаря ЦК, советника президента и моего друга – министра культуры Полада.

Мухтар Шаханов вспомнил слова, сказанные ему Д.А.Кунаевым о том, что когда последнего снимали с поста, в Политбюро против этого решения проголосовал один только Гейдар Алиев.

– Запомните, – сказал Диниш Ахмедович, – за это казахский народ должен всегда быть признательным Гейдару Алиеву.

– Да, – отозвался Гейдар Алиев. – Это стало одной из причин наших разногласий с Горбачевым.

Когда в разговор вступал турецкий гость, я переводил и его слова на русский язык. Произнесенное им слово «törən» я воспринял как «törə» и перевел как «закон».

Гейдар Алиев поправил меня:

– Нет, «törən» – означает «торжественное мероприятие». Вот видишь, я турецкий язык знаю лучше тебя...

Узнав, что Мухтар Шаханов – посол Казахстана в Кыргызстане, он сказал, мол, может и нам отправить Эльчина послом в Казахстан. Я подал реплику: «Если Эльчин не захочет, пошлите меня». Показалось, что он не расслышал, между нами сидел Расул Гамзатов с супругой; но через несколько минут он вернулся к этой теме: «Вот видите, уже два претендента на пост посла в Казахстане. Как же теперь быть?». «Кто быстрее выучит казахский язык, того и пошлите», – предложил я.

Все это, конечно, было перешучиванием, и Гейдар Алиев охотно поддерживал эту шутовскую игру.

Он в ходе разговора вспомнил покойную Гюлару Алиеву¹. Я сказал, что ее сольная игра на фортепиано мне нравилась больше, чем исполнение «Дан улдузу»².

– Мне тоже, – сказал он.

Вспомнил, как к нему в Нахичевань прилетала навестить Айбениз³.

– В ту пору я даже не имел возможности пригласить ее в дом. Посидели во дворе, почаявничали.

Айбениз вставила:

– С розовым вареньем.

– Главное, что никакого дела, связанного со мной, у нее не было. Прилетела просто, чтобы засвидетельствовать свое уважение ко мне. Я этого никогда не забываю.

Он провозглашал здравицы в честь каждого из нас, в честь гостей. Почему-то к Михаилу Николаевичу Алексею он обращался как к Николаю Алексеевичу; я шепнул ему на ухо об этом. Он, ничуть не смутившись, во всеуслышание сказал:

– По-моему, Михаил Николаевич не должен обижаться, что я его называл именем отца...

– Что вы, Гейдар Алиевич, – поспешил отозваться московский гость, – это доставляет мне удовольствие.

Мухтар Шаханов подарил ему книгу, написанную в соавторстве с Чингизом Айтматовым. В ней были отражены беседы обоих писателей с президентами стран Средней Азии.

Мухтар сообщил:

– Чингиз хотел, чтобы мы написали о вас, но я не согласился, так как знал вас недостаточно. О Туркменбаши я написал отрицательно. Что это такое, повсеместно повешал свои портреты! Аникушин (известный московский скульптор – А.) рад, получил несметные заказы, вся Туркмения уставлена его памятниками. Я очень рад, что нигде не увидел ваших портретов или памятников.

– Да, – согласился Гейдар Алиев, – вывесили пару моих портретов, я дал указание убрать. Один хороший человек на свои средства даже смастерил мой бюст. Я ему сказал, никому не показывай, спрячь, после моего ухода установишь, если сможешь. Верно, в официальных кабинетах мой портрет вывешен, это естественно, во всех странах Президент – один из символов и атрибутов государства, но в

иных местах выставлять мой портрет я запретил. Помнится, еще в советское время, до меня дошла весть, что покойный министр Зулейха Гусейнова повесила в своем кабинете мой портрет, я позвонил ей и сказал, убери портрет оттуда, хочешь, повесь у себя в квартире, повесь в спальне, мне будет приятно, что мой портрет находится в комнате красивой женщины...

Гости восхищались, что Гейдар Алиев столь прост, общителен, расположен к шутке.

Он говорил:

– Сегодня с вами я провел один из очень приятных вечеров. В вашем обществе я чувствовал себя тепло и хорошо. Жаль, что дочери моей здесь нет, да и сын чуть приболел, очень хотел бы, чтобы и они были здесь.

* * *

С 5 по 8 мая 1997 года я участвовал в официальном визите Гейдара Алиева в Турцию; 25-28 сентября в составе возглавляемой им делегации побывал в Италии, – в Риме, Неаполе, видел развалины Помпеи, посетил остров Капри. Делегация была довольно обширная; но на встречи на высоком уровне Гейдар Алиев брал с собой несколько человек, в том числе и меня. Таким образом, мы были на аудиенции у папы римского Иоанна Павла II. Папа вручил каждому посетителю медаль с отчеканенным на ней своим изображением.

Мне довелось присутствовать и на встрече Гейдара Алиева с Президентом Италии Оскаром Луиджи Скальфаро. Когда он представил меня как писателя, Скальфаро одобрительно заметил: «Очень хорошо, что вы включили в официальную делегацию и людей литературы и искусства».

Хочу рассказать о памятном эпизоде этой встречи. Известно, что и при фашистской диктатуре, при фактической единоличной власти Муссолини в Италии сохранялся монархический строй, и король оставался при всех регалиях. После того, как дуче повесили, состоялся референдум: какой быть Италии – республикой или монархией. Подавляющее большинство народа проголосовало за республику; но, очевидно, в революционной эйфории был принят еще один вердикт о выдворении королевской фамилии из страны без права посещения ее даже для потомков августейшего рода. Информированный об этом обстоятельстве Гейдар Алиев посетовал итальянскому коллеге:

– Какая же это демократия? В чем провинились члены королевской семьи, в том числе и родившиеся много позднее, что по закону вы их не впускаете в Италию?

Скальфаро не смог вразумительно ответить на этот резонный вопрос.

После напряженных встреч, переговоров вечером мы вышли прогуляться по Риму. Гейдар Алиев вместе

с другими членами обходил улицы Вечного города. На площади Навона оказалось множество туристов из России, они узнали Гейдара Алиева, обступили, пожелали сфотографироваться, взять автограф. Гейдар Алиевич был рад, что его помнят с такими добрыми чувствами.

На острове Капри мы застали свадебную церемонию. Узнав, что среди гостей президент Азербайджана, возликовали. Конечно, вполне вероятно, что об Азербайджане и слыхом не слыхивали, не знали и Гейдара Алиева, но то, что глава иностранного государства благословляет новобрачных, было для них событием весьма приятным.

Вечер на Капри вспоминается мне как многоцветный карнавал, в ресторане под открытым небом звучали итальянские канцоны, пели голосистые певцы, исполнялись темпераментные танцы... Гейдар Алиев чувствовал себя великолепно, наслаждаясь идиллией.

Вспомнился в связи с Капри еще один забавный эпизод.

До этого я побывал на Капри в составе делегации Баку, побратавшегося с Неаполем. Были в составе делегации также Муслим Магомаев и Тамара Синявская.

Известно, что на Капри жил Горький и бывал Ленин; на одном из уголков острова, вероятно, стараниями итальянских коммунистов, установлен бюст Ленина. Когда мы подходили к памятнику вождю мирового пролетариата, Муслим рассказал, что несколько лет тому назад он здесь побывал с группой советских музыкантов, и один из них спросил у гида-итальянца: «А что, Ленин похоронен здесь?». Изумленный гид ответил: «Да нет, в Москве, в мавзолее». «Ах, да, а мне и в голову не пришло», – как бы смутился артист, задавший несуразный вопрос.

Возвращаемся из Италии, самолет набрал высоту, и тут меня пригласили в салон Гейдара Алиева. Три с половиной часа, пока длился полет от Рима до Баку, мы переговорили о самых разных материях. Он вспомнил годы детства, трудное житье-бытье. «Но все держались гордо, с достоинством, так нас воспитывали; мать моя, – рассказывал Президент, – так пеклась об опрятности нашей бедняцкой одежды, чтобы никто не догадывался о наших реальных тяготах».

В ходе разговора всплывали разные темы. Ведя речь об итальянских официальных встречах, он сказал, что еще в советские времена неоднократно был свидетелем отношения Центра к мусульманским нациям, о двойных стандартах; а теперь в западных странах, включая Италию, сильно сказывается необъективный подход к армяно-азербайджанской проблеме.

– А чего нам ждать от России и западных стран, – сказал я, – если и мусульманские страны в этом вопросе «бьют то по подкове, то по гвоздю»! .

– Я говорил Вилайти (тогдашний министр иностранных дел Ирана. – А.), какое же вы исламское государство, если помогаете армянам, оккупировавшим азербайджанские земли? И что он ответил? У нас, говорит, с армянами связи, имеющие двухтысячелетнюю историю...

– Да и тюркские республики на этой же позиции. В Москве, в Верховном Совете, ни один депутат из

Средней Азии, кроме Олжаса Сулейменова, не поддерживал нас.

– Да, знаю.

Разговор зашел о главах среднеазиатских государств.

– Когда я работал первым замом председателя Совмина, у всех оказывалось дело ко мне, и всем я помогал в меру возможности. Они не забыли этого, с уважением относятся ко мне. Но вот каждый в своей стране – падишах... У всех – виллы в Анталии... Туркменбаши о себе заказывает песни, даже, говорят, оперу сочинили. Кое-кто и мне советует действовать таким образом.

– Почему же вы должны следовать путем Туркменбаши, пусть бы он брал с вас пример.

Хотя речь об этом не заходила, но в эти минуты я думал о другом обстоятельстве; о том, что когда Гейдар Алиев работал первым секретарем в Азербайджане, ныне руководящие Арменией лица являлись комсомольскими функционерами или парторгами на каком-нибудь комбинате в НКАО. Когда Гейдар Алиев навещался туда, они почитали себе за честь нести его чемодан... А теперь какие же чувства испытывает Гейдар Алиев, ведя с ними переговоры как с равными по статусу главами государств, хотя внешне ничего не выказывает?

– Гейдар Алиевич, – спросил я, – а мы готовим армянские кадры для Карабаха?

Он удивился.

– Мы говорим: Карабах – наша земля и останется нашей землей. Известно и то, что там живут и будут жить армяне. Мы предлагаем Нагорному Карабаху статус высокой автономии. Значит, там должны быть и армянские кадры, лояльно относящиеся к Азербайджанскому государству и уважающие нашу Конституцию.

На миг задумавшись, он продолжил:

– Время этого вопроса еще не наступило.

Разговор заходит о предстоящем нашем съезде. Я говорю, что хочу уйти с председательства.

– Почему?

– Проработал одиннадцать лет, пусть теперь поработают другие.

– Кого ты имеешь в виду?

Я называю три имени. Он отмечает, что к каждому из них питает уважение, но никого из них не представляет на этой должности.

– Пока я не вижу человека на замену тебе.

– Людей незаменимых нет, – прибегаю я к шаблонной отговорке.

– Да, так говорится. Но когда я ушел с работы, увидел, что произошло...

– Где вы, где я! Вы руководитель страны...

– А ты руководитель одной из важных организаций этой страны. Прошу, пока не думай об уходе.

Что я мог сказать после этих слов.

– Может, у тебя слово какое, просьба ко мне?

– В декабре Акраму Айлисли исполняется 60 лет. Прошу вас отметить его наградой.

– Но ведь когда я отсутствовал в Баку, он много молол обо мне за глаза.

– И обо мне говорил, и теперь говорит, но он выдающийся писатель, если его заслуги к 60-летию не будут отмечены, это правильно не поймут.

– Ладно, напиши представление, рассмотрим.

(Сразу по приезде в Баку я написал представление, и Акрам Айлисли был награжден орденом «Слава»)

Объявили, что самолет идет на посадку в бакинском аэропорту. Я поднялся, но хотелось при случае спросить еще об одном обстоятельстве далеких лет. Достоверно знать это мог только Гейдар Алиев.

– Теймур Алиев как-то рассказал об утверждении Бориса Геворкова, что тот якобы воочию видел секретное постановление Политбюро времен войны о депортации азербайджанцев. Было ли такое решение?

– У меня нет никакой информации об этом, – ответил он.

При выходе из салона наш уважаемый шейх Аллахшукюр Пашазаде посетовал:

– У нас была масса проблем, должны были переговорить с президентом, но всю дорогу он беседовал с вами...

* * *

В октябре 1997 года, в канун съезда СП Гейдар Алиев сперва встретился с писателями старшего поколения, на другой день – с молодыми. О съезде, о выступлении Гейдара Алиева на нем я подробно писал на предыдущих страницах. Здесь же хочу остановиться на одном вопросе. При встрече с пожилыми писателями Гейдар Алиев сказал, в частности, о предоставлении новых квартир Б.Вагабзаде и Мамеду Аразу.

Перед встречей с молодыми литераторами я пришел к нему на прием, выразил благодарность за вчерашнее решение о предоставлении квартир поэтам-аксакалам и попросил на сегодняшней встрече с

молодыми решить этот вопрос в отношении талантливого поэта Рамиза Ровшана, так как у него жилищные условия невыносимые. Зная, что поэт близок к оппозиции и об этом непременно донесут главе государства, я счел нужным откровенно сказать:

– ...Хотя Рамиз не состоит ни в одной партии, но он в определенной степени тяготеет к оппозиции...

– Какое это имеет отношение? Он поэт талантливый?

– Очень...

Признаться, я не надеялся на столь скорое и легкое решение вопроса. Спустя пятнадцать минут после начала встречи Гейдар Алиев сообщил о предоставлении квартиры Рамизу Ровшану.

– Говорят, такой-то поэт, такой-то певец в оппозиции. Причем тут это? Если это талантливый поэт, талантливый певец, он должен получить оценку по заслугам.

Я возликовал. Во-первых, решилась квартирная морока Рамиза, а, главное, Президент продемонстрировал свое великодушие и толерантность.

* * *

Читатель, очевидно, заметил, что я в этих заметках не соблюдаю хронологическую последовательность. Иные эпизоды восстанавливаю по записям, сделанным по горячим следам, другие воскрешаю по памяти, третьи – по хранящимся у меня старым газетам.

Передо мной октябрьский номер газеты за 1994 год.

Сообщения о церемонии похорон предательски убитых видных государственных деятелей Афиятдина Джалилова и Шамси Рагимова; заявление Союза писателей в связи с этим преступлением; в номере газеты «Азербайджан» за 4 октября – большая речь Гейдара Алиева по возвращении из США, прозвучавшая по радио и телевидению накануне. Помимо сообщения об американских встречах, Гейдар Алиев серьезно предостерегал об опасности, нависшей над страной, – угрозе государственного переворота. Вечером того же дня он вновь выступил по телевидению. Как сейчас помню общий дух, содержание этого тревожного выступления, но для полной точности некоторые выдержки привожу по газетным публикациям, появившимся наутро. Обращаясь к «уважаемым соотечественникам, дорогим братьям и сестрам, гражданам Азербайджана, жителям Баку», словом, ко всем слоям населения – аксакалам, молодежи, интеллигенции, Гейдар Алиев говорил:

«Сигналы, ныне поступающие к нам, показывают, что в городе Баку азербайджанская государственность находится под угрозой. Отдельные враждебные силы, вооруженные отряды предприняли попытку государственного переворота. Поэтому, как это ни трудно, я призываю вас встать на ноги. Дорогие бакинцы, дорогие жители Баку! Призываю всех вас включиться в это наше необходимое дело! Прошу вас... собраться перед президентским аппаратом. Тех, кто сегодня хочет

защитить независимость, государственность Азербайджана, я приглашаю к Президентскому аппарату Азербайджанской Республики!»

Слова, далее сказанные Гейдаром Алиевым, были мужественным примером, свидетельствующим, что истинный глава государства будет достойно исполнять свою миссию до конца – не только во дни торжеств и радости, но и в тяжкие часы испытаний.

«Дорогие соотечественники, граждане Азербайджана! В эти тяжелые минуты я вновь обращаюсь к вам. Заверяю вас, что до последнего своего вздоха, до последней капли крови я буду на своем посту во имя защиты Азербайджанской государственности. Я вместе с народом. Я не хочу, чтобы пролилась кровь. Поэтому призываю вас с волей к миру выйти на улицы, собраться вокруг меня».

Можно ли было оставаться дома после такого призыва?!

Мы созвонились с Юсифом Самедоглу. Он, я и спутница жизни Юсифа Намида-ханум пришли на ночную площадь перед президентским аппаратом. Площадь уже заперудил народ. Ходили слухи, что путчисты намерены подвергнуть президентский Дворец артобстрелу. Но десятки тысяч людей, по призыву Президента толпами хлынувшие сюда в полночь, были живым щитом вокруг Президента.

И Гейдар Алиев, вышедший на площадь, был с ними.

Попытка путча провалилась. На проведенном наутро митинге на площади Азадлыг выступил и я.

* * *

Вновь, перескакивая через хронологию, вспоминаю год 1999-й.

Тогда в ход пустили слух – преднамеренно или стихийно – мол, в новых предложениях Минской группы ОБСЕ не учитывается территориальная целостность Азербайджана. Эта весть породила большую тревогу в обществе.

Собравшись в СП, мы решили обратиться к Президенту с письмом, чтобы внести ясность в вопрос. Я подготовил текст. Подписали Бахтияр Вагабзаде, Гусейн Аббасзаде, Габиль, Фикрет Годжа, я, отправили Президенту, разослали в органы СМИ. К сожалению, письмо опубликовали лишь несколько газет оппозиционного толка, и через несколько дней в связи с нашей встречей с Президентом, в печати потянулся шлейф комментариев, кривотолков, даже измышлений.

Об этом чуть позже. Пока привожу текст обращения.

«Уважаемый Президент!

Вот уже сколько времени, как азербайджанский народ переживает очень напряженные дни. Терпеливо

переносит экономические трудности, тяготы переходного периода в стране. С Вашим возвращением в Азербайджан и избранием Президента у нас возникла вера в будущее и большая надежда на справедливое решение карабахского конфликта.

Вы во всех своих выступлениях заявляли, что если освобождение наших земель путем переговоров окажется невозможным, азербайджанский народ окажется перед необходимостью прибегнуть к военному пути. В последнее время вы заявляете о необходимости компромисса для решения вопроса мирным путем. Но азербайджанская общественность пребывает в неведении, в чем заключается этот компромисс.

Из некоторых источников вне Азербайджана исходит такая информация, что в новых предложениях Минской группы не поставлен принцип территориальной целостности как первое условие Азербайджана. Несомненно, мы не верим в то, что вы можете поставить подпись под бесславным для Азербайджана договором. Однако, для того, чтобы положить конец имеющим хождение по стране рассказам, мы просим Вас дать возможно обстоятельное разъяснение об урегулировании Карабахского конфликта и положить конец беспокойству и тревоге народа.

Анар, Бахтияр Вагабзаде, Гусейн Аббасзаде, Габиль, Фикрет Годжа

5 ноября 1999 г.»

10 ноября в президентском Дворце Гейдар Алиев принял нас, подписантов обращения.

– Давненько не виделись, – сказал он. – Вы проявили инициативу, и я принял эту инициативу. Не видимся не потому, что не хотим. Нет, попросту у вас дел много, а у меня еще больше...

Я поблагодарил Президента, что выкроил время и встретился с нами. В ходе встречи мы услышали такой упрек: мол, каждый из вас имеет возможность в любое время по меньшей мере связаться со мной по телефону. Какая была необходимость публиковать обращение ко мне в оппозиционных газетах?

Я сказал, что обращение было направлено и Президенту, и в информационные агентства для уведомления общественности. Что ж поделать, обращение, распространенное информагентствами, опубликовали не официальные органы, а оппозиционная пресса.

– Это не суть важно, – сказал Гейдар Алиев. – Это я сказал к слову. Знаете, я люблю высказывать все открыто. А теперь, пожалуйста, я вас слушаю.

Я вновь сообщил президенту о нашем беспокойстве, изложенном в обращении:

– Хочу объяснить причину написания обращения. Мы понимаем, что переговоры ведутся конфиденциально, многие вопросы оглашать не время. Вместе с тем, естественна и обеспокоенность народа. О каком компромиссе идет речь? Просим, в меру возможности, разъяснить этот вопрос. Вторая

цель нашего письма – в том, чтобы Вы довели до сведения переговорщиков также позицию интеллигенции, широкой общественности. То есть, это не только позиция руководства страны, но и всего народа... любой договор может быть заключен только с условием территориальной целостности Азербайджана...

Бахтияр Вагабзаде, выразив полное согласие со сказанным мною, отметил, что, встречаясь время от времени с Президентом, передает ему некоторые письма от сограждан; если прежде большинство этих писем сообщали о бытовых заботах, содержали жалобы на несправедливость в отношении их авторов, то теперь девяносто процентов этих писем связаны с карабахским вопросом, с тревогами, переживаемыми народом. «Люди думают, что мы ежедневно видимся с Вами, потому и ждут от нас ответа...»

Фикрет Годжа отметил, что если ведутся переговоры, то должны быть и компромиссы, но не касается ли этот компромисс ключевого вопроса о территориальной целостности? Люди хотят это знать. Мы-то это знаем, но среди части населения в результате неинформированности начинают муссироваться слухи; ведь наших недоброжелателей внутри больше, чем вовне. «Это ты очень верно сказал», – заметил Президент.

Выслушав затем Гусейна Аббасзаде и Габиля, Гейдар Алиев сказал:

– ...Я очень удовлетворен встречей с вами, вы же знаете, что питаю особое уважение к людям литературы, искусства...

Затем в течение почти двух часов он обстоятельно рассказал обо всех вопросах, о процессе переговоров, внес ясность во многие проблемы, в первую очередь, в вопрос о территориальной целостности как основном условии.

Встреча была передана по телевидению, широко освещена в газетах, и я не хочу здесь повторять информацию. Правда, в официальной информации были опущены некоторые моменты, но сейчас не время озвучивать их.

В конце встречи Фикрет Годжа обратился к Президенту с просьбой об обеспечении жильем жителей Агдашского района, в результате недавнего землетрясения лишившихся крова, Габиль попросил о назначении Президентской пенсии поэту Фикрету Садыху, а я – о выделении стипендии молодым писателям.

Президент положительно отнесся ко всем просьбам.

Встреча вызвала большой резонанс в медиа; с одной стороны помогла рассеять страхи в общественном мнении, появились объективные публикации, освещающие значение встречи и ее роль в контексте переговорного процесса; с другой стороны, не обошлось без традиционного брюзжания и шаблонных колкостей маловеров и газетных болтунов: «Наконец-то и писатели подали голос» и т.п.

За последние десять-пятнадцать лет не было ни одного значимого общественно-политического события

в жизни нашей страны (а уж тем более с начала Карабахской беды), которые бы не вызвали самой активной писательской реакции, мы никогда не отмалчивались. И каждый раз слышали зубовный скрежет: «Наконец-то...»

Ну, сколько можно брюзжать и источать желчь? После каждого нашего выступления, заявления только и слышались повторяемые изо дня в день с монотонностью робота одни и те же слова, будто наши антагонисты с луны свалились и впервые видели газеты или смотрели экран.

Не понимают, не хотят понять, что если ты будешь без умолку витийствовать, ежедневно, ежечасно разглагольствовать по поводу и без, драть горло, «выражая отношение», то цена твоему слову может запросто дойти до медного гроша... Не зря в народе говорят: «Ağır otur, batman gəl»¹.

Писатель – не теледиктор, не шоумен, чтобы ежедневно мелькать на экране.

Предвижу, уцепятся и за эти слова: «А что же ты часто мелькаешь на ТВ?» Но, видит Бог, я никогда не рвался на телеэкран, и скажу, положив руку на сердце, что от девяти из десяти предложений выступить на ТВ по тому или иному поводу отказываюсь. Но могу ли я отказываться сказать слово о людях, которых уважаю, что, а порой близко с ними дружу, или о достойных личностях, покинувших мир?

Короче, вернусь к печатному резонансу от той памятной встречи.

Наша пресс-служба опубликовала в «Адабият газети» (3 декабря 1999 г.) заявление под названием «Резонанс одной встречи»; так как многие затронутые вопросы и вышеупомянутые претензии к нам продолжают звучать и поныне и связаны они «со злобой дня», привожу некоторые выдержки:

Лидеры ряда оппозиционных партий – Иса Гамбар, Али Керимов, Ильяс Исмаилов, Сабир Рустамханлы положительно оценили обращение. Конечно, в иных печатных органах нашлись и те, кто с порога отнеслись к обращению отрицательно, в очередной раз стали виноватить интеллигенцию, уязвлять ядовитыми колкостями. В одной из газет авторов письма оскорбили выражением «фальшивое обращение слепых интеллигентов». Другая газета написала: «Шумиха о потере Карабаха на Стамбульском саммите, поднятая прессой, напоследок заставила заговорить и писателей».

Отметим, что слово «шумиха» найдено очень точно. Мы не хотим никого оскорблять, но возвращаем употребившим эти слова той же монетой, – они не только слепы, но и неблагодарны.

В первую очередь писатели были защитниками интересов национального самосознания, самочувствия народа, его языка, не только в последние шесть лет или в последние двенадцать лет (берем отсчет с даты начала карабахского конфликта), но и до того, и чтобы не видеть, не слышать этого, действительно надо быть слепым и глухим.

Обращение писателей к Президенту как раз и было связано с «шумихой», поднятой в печати, писатели были уверены, что Гейдар Алиев в Стамбуле или где бы то ни было не подпишет документа капитулянтского характера.

«Сегодня, когда «четвертая власть», то есть, пресса, можно сказать, всецело подпала в сферу влияния

оппозиции, поддержка Президента и проводимой им политики требует еще большей смелости и самоотверженности.

Писатели любят свою родину не меньше, чем те, которые цепляются за каждое их слово, и оказали этой родине не меньше услуг, чем те, кто только вчера взял в руку перо. Но почему-то у иных тружеников пера вошло в привычку истолковывать каждый их шаг превратно, намекать на якобы скрытую подноготную вопросов, изложенных ясно и открыто. Отношение к письму писателей у некоторых лиц определялось именно таким углом зрения. «Они писали не сами, а по указке сверху» и т.п. Как жаль, что и талантливый наш писатель отзывается на написанное с душевной болью обращение своих коллег, хотя бы старше его по возрасту, так: «Вздор... он сказал, а эти накатали». «Он» – то есть, кто? Назвать духу не хватает».

Здесь прерву цитату и скажу от своего имени, что вышеприведенные претензии перечеркивали и мое авторское право. Ведь, как я отмечал, текст обращения был составлен мною, и рукопись сохранилась. Но, может, наши обвинители сами привыкли писать и говорить под чью-то диктовку, потому и валят с больной головы на здоровую?

Еще одна цитата:

«Одна из газет писала: «Один человек, не пожелавший быть названным (!), сказал, что из-за этого письма писателей очень шпыняют. Говорят (!), что Алиев не намерен прощать это «самоуправство», «беспредел» представителям сословия, всегда слушавшихся его, во всех моментах (!) поддерживавшим его. Опять же, по непроверенной (!) информации, он вынес им и предупреждение».

Обратите внимание на эту тираду. Журналистка считает нужным довести до общественности мнение лица, пожелавшего остаться неизвестным, ссылается, Аллах знает, на чьи-то «говорения», принимает на веру «непроверенные» сведения, словом, верит всем и всяким домыслам, слухам, сплетням, не верит только писателям и их искренности.

Выяснилось, что писателям никто ничего не заказывал, и никто не песочил их за это обращение. Когда и этот козырь был выбит из рук, они запели на новый лад:

«Гейдар Алиев не придает значения обращению писателей, пусть они не ждут никакого ответа, он и принимать их не будет».

Другая газета вторит:

«Странное в том, что Г.Алиев, при возникновении угрозы для власти призывавший на помощь народ и интеллигенцию страны, не испытывает необходимости даже ответить известным писателям, обратившимся к нему из-за тревожных переживаний за судьбу Родины».

Напомню, что обращение мы написали 5 ноября, 6 числа оно было опубликовано, а всего через четыре дня, 10 ноября Гейдар Алиев принял нас.

Вот вам гадания некоторых газет, «успешно» продолжающиеся и по сей день.

* * *

Как резонанс переговоров в Ки-Уэст, через полтора года, в мае 2000, на страницах печати вновь пошли гулять всевозможные домыслы: дескать, достигнуто соглашение об отделении Нагорного Карабаха от Азербайджана. Поэтому мы сочли необходимым выразить свое отношение. На сей раз не в виде обращения к Президенту, а в форме заявления, опубликованного только в газете «Азербайджан» (31 мая 2001 г.). Текст, составленный мною, подписали 12 писателей: Бахтияр Вагабзаде, Балаш Азероглу, Наби Хазри, Габиль, Гусейн Аббасзаде, Бекир Набиев, Мамед Араз, Фикрет Годжа, Вагиф Самедоглу, Зелимхан Ягуб, Низами Джафаров и я.

В заявлении говорилось:

«Мы поддерживаем принципиальную позицию Президента Азербайджана господина Гейдара Алиева о том, что он, как и заявлял, не подпишет никакого документа в ущерб Азербайджану. Мы желаем, чтобы и все оппозиционные партии в этом вопросе выступали с идентичной позиции, и хотим, чтобы никто ради прихода к власти не использовал «карабахскую карту» в своих политических интересах.

В то же время мы хотим, чтобы международная общественность еще раз ясно убедилась в том, что эта позиция – позиция всего Азербайджана и его интеллигенции. То есть, наряду с требованием немедленного освобождения оккупированных земель, мы никогда не сможем примириться с отделением Нагорного Карабаха от Азербайджана под каким бы ни было видом.

...Если речь идет о взаимных компромиссах, то азербайджанский народ в минувшем XX веке уже в достаточной мере шел на компромиссы.

...И армянскому, и азербайджанскому населению Нагорного Карабаха может быть предоставлено широкое право самоуправления в составе Азербайджанской республики. Но с условием сохранения унитарного характера Азербайджанского государства, точного указания вопросов, относящихся к компетенции Азербайджанского правительства и соблюдения территориальной целостности Азербайджана, признанной ООН и другими международными организациями.

...То, что из года в год растет число людей и стран, осознающих нашу правоту в этом конфликте, тяжелое экономическое положение Армении дают основание считать, что справедливое решение конфликта будет и на пользу Армении. Время работает на нас, рано или поздно это поймут здравомыслящие люди Армении.

Мы сторонники мира, мы против развязывания войны и кровопролития. Но важнее мира возвращение исконных земель нашей родины и, если понадобится, на этом пути, в соответствии с уставом ООН, не исключается и применение силы против агрессора».

Прошедшие после заявления семь лет подтвердили, насколько верны наши суждения. Действительно,

ухудшающееся из года в год экономическое положение Армении, тамошние внутренние передраги, кровавые расправы над противниками режима и осуждение их со стороны всех международных организаций показывают, что единственный выход из этой критической ситуации для Армении – принятие справедливой позиции Азербайджана. То есть признание его территориальной целостности, освобождение оккупированных земель, возвращение беженцев в их исконные области и подключение Армении к региональным проектам с обеспечением безопасности населения Нагорного Карабаха (и армян, и азербайджанцев). Как и прежде, и на сей раз в некоторых газетах зазвучали старые песни с рефреном «Наконец-то...». Иные журналисты, никак не могущие усвоить самостоятельное мышление, опять же стали повторять набившие оскомину байки: «Интеллигенты не могут пикнуть без разрешения», «И это заявление – месаж, исходящий сверху», «Интеллигенция выполняет указание».

Между тем, Гейдар Алиев и сам несколько иронически отнесся к нашему заявлению. В ответ на вопрос об этом документе он сказал: «Я вчера прочел его и порадовался, что и наши интеллигенты «проснулись». Другого ничего не могу сказать».

Тотчас одна настырная журналистка пожелала узнать мое мнение о реакции Президента.

«Что ж такого, сказал – и ладно, дай ему Бог здоровья», – ответил я. (Газета «Мухалифат», 2 июня 2001г.).

Другая газетная барышня приперла меня к стенке: мол, чего ради мы выступили с таким заявлением. Мой ответ был опубликован в газете «Мусават» (1 июня 2001 г.) «Как сказано и в тексте заявления, писатели всегда выражали свое отношение к карабахскому вопросу. Сейчас – важный этап переговоров. Потому мы хотели еще раз разъяснить мнение писателей, большей части интеллигенции. Сказанное нами известно в Азербайджане. Мы стремились к тому, чтобы оно донеслось и до всего мира».

На вопрос о причинах нашего беспокойства я ответил так: «Самозванный президент» непризнанной «Нагорно-Карабахской республики» говорит: «Мы согласны подписать договор в двух случаях: «Карабах должен быть либо независимым, либо в составе Армении». Оба случая – против нас. Если Карабах вне состава Азербайджана, то какая разница, пристегнут ли его после к Армении, или к Белоруссии, или к Гватемале?.. Потому мы не согласны ни с одним из этих двух условий, высказанных армянами. В свою очередь, мы заявляем, что принятие нами этих условий невозможно. Переговоры идут постоянно. Напряжение постоянно. Если армяне делают одно заявление за другим, выражают свои позиции, то и мы вновь заявляем свою позицию, вот и все».

Не только в азербайджанских газетах, но и в издающейся на русском языке прессе в нас пускают стрелы в связи с этим заявлением.

Газета, именующая себя бульварной и оправдывающая это определение, высмеивала писателей, опошляя наши намерения в самых мерзопакостных выражениях. Я обратил внимание, что иные газеты, выходящие на азербайджанском и на русском языках, объединяет ненависть к писателям. Это патологическая (или зоологическая) фобия присуща чаще всего борзописцам, некогда неудачно пытавшимся подвизаться на ниве литературы.

Я очень чту профессиональных честных журналистов. И сам в известном смысле причастен к их цеху, многие годы трудился на радио. Девятнадцать лет «пахал» в «Гобустане» в качестве главного редактора, то есть занимался журналистикой. Еще до членства в Союзах писателей, кинематографистов, театральных деятелей я был принят в Союз журналистов и горжусь этим. Питаю большое уважение, как я сказал, к честным труженикам пера, выбравшим эту профессию по велению сердца, наделенных чисто журналистским даром.

Но если кто-то из них когда-то задался целью стать поэтом или прозаиком (неважно, в азербайджанской или русской словесности) и не преуспел в этом, то зачем же вымещать свою злость на азербайджанской литературе?

Говорят, не обращайтесь внимания. Мол, это вроде жужжания мухи или укуса комара. Но как ни привыкай, а ядовитое жало не может не оказать воздействия. Даже такой человек, как покойный Гейдар Алиев, умевший стоять выше подобной мышиной возни, сетовал: «Когда жалят вас – обижаются. А вот возьмите те газеты, посмотрите. Если сгрести их в кучу, то на дно строчат обо мне до сотни околесиц, клеветы, измышлений, небылиц. Но я же живой человек. Как же терплю и почему терплю?..»

Действительно, в какой еще стране мира исходит столько злобы и фобии к более или менее видным согражданам, как это делается со стороны борзописцев иных наших газет?

* * *

Хочу перейти от этих малоприятных разговоров к более светлым воспоминаниям. Год 1998 остался в моей памяти многими отрадными событиями и в моей жизни, и в жизни нашей страны.

14 марта мне исполнилось шестьдесят лет. Гейдар Алиев наградил меня тогда высшим орденом страны – «Истиглал». Я стал восьмым и самым (если можно так сказать о шестидесятилетнем) «молодым» кавалером этого ордена в стране. (До меня посмертно этой награды был удостоен Халил Рза Улутюрк, этот же орден получили Бахтияр Вагабзаде, Мамед Араз, Мирварид Дилбази, Тофик Кулиев, Микаил Абдуллаев, Омар Эльдаров).

Но для меня не менее дорого было поздравительное письмо Гейдара Алиева. Рискуя показаться нескромным, хочу все же привести здесь это письмо:

«Уважаемый Анар!

От души поздравляю Вас – известного писателя, драматурга и общественного деятеля нашего народа в связи с юбилеем 60-летия.

Вы один из выдающихся представителей писательского поколения, привнесшего в 60-е годы в нашу литературу новую атмосферу. Ваши произведения, на высокохудожественном уровне отражающие богатый духовный мир, заботы и проблемы наших современников, постоянно были в центре внимания любителей литературы. Ваше многогранное творчество, органично соединившее в себе общечеловеческое и национальное, служило привитию национального сознания в нашем обществе и

признанию нашего народа во многих странах.

Ваши пьесы, утверждавшие идеи нравственной чистоты, в особенности, «Лето в городе», наряду с художественным достоинством, привлекли внимание нашего общества ко многим нравственным проблемам.

Именно Ваше творчество сделало для наших современников еще ближе, еще роднее героев великого эпоса «Деде-Горгуд» – символа гордости, чести и достоинства. Особо следует отметить и Ваши усилия в том, что этот эпос занял исключительное место в воспитании юной смены.

Достойна внимания и Ваша деятельность, давшая новую жизнь на нашей сцене и в журналистике традициям «Моллы Насреддина», национальным урокам мудрого Мирзы Джалила. Темы Узеир-бека, находя успешное отображение в Вашем творчестве, еще раз подчеркнули необходимость нового осмысления нашего исторического прошлого.

Созданный по Вашей инициативе альманах «Гобустан», ставший глашатаем идей азербайджанства, сыграл большую роль в формировании национальных, морально-духовных убеждений и чувствований целого поколения.

Перемены, происходившие в стране и обществе, снискали писателю Анару славу публициста и исследователя.

Ваша общественная деятельность – наглядный пример практического осуществления мыслей и идей, содержащихся в Ваших художественных произведениях.

В Ваши юбилейные дни с чувством глубокой признательности вспоминаю наших любимых поэтов Нигяр Рафибейли и Расула Рзы, занявших выдающееся место и имеющих большие заслуги в истории азербайджанской литературы, и чувствую удовлетворение тем, что Вы – достойный сын этой семьи.

Уверен, что Вы и впредь будете отдавать весь свой богатый опыт и умение на путях независимого развития Азербайджанской Республики.

Желаю Вам долгих лет, здоровья и новых творческих успехов.

Гейдар Алиев

Президент Азербайджанской Республики

Город Баку, 13 марта 1998г.»

(Газета «Азербайджан» 14 марта 1998г.)

В мае того же года мы пережили очень радостные дни – и для нашей страны, и для меня, и для моего

поколения.

26 марта, на торжественном заседании Милли Меджлиса, посвященном 80-й юбилейной годовщине Азербайджанской Республики, Гейдар Алиев выступил с большой речью.

«С чувством большой гордости мы празднуем юбилей 80-й годовщины Азербайджанской Демократической Республики. АДР прожила недолгий срок. Но она была историческим этапом в жизни азербайджанского народа в XX веке и заложила фундамент будущего, независимости, свободы, суверенитета нашего народа. Именно поэтому мы, все граждане Азербайджана, ...с чувством великой признательности вспоминаем создание Азербайджанской Демократической республики, ее деятельность и ее создателей, людей, в тот период явивших образцы героизма.

В то же время мы высоко оцениваем и последовавший за ней период...»

(Газета «Азербайджан», 27 мая 1998г.)

В тот же день, в резиденции Президента Гейдар Алиев вручил орден «Истиглал» всем награжденным, в том числе и мне.

Как и другие награжденные, я произнес благодарственное слово:

«Уважаемый Президент! Вы вручаете нам орден «Независимости» в канун праздника Независимости Азербайджана. Только что, выступая в Милли Меджлисе, Вы сказали об этом. В 1918-1920 годах Азербайджан два года был независимым. Два года спустя это государство было разгромлено, его деятели, в том числе и мой дед по матери – первый министр здравоохранения Азербайджана, позднее ставший губернатором Гянджи Худадатбек Рафибейли, были расстреляны.

В 1991 году Азербайджан вновь обрел независимость. История сложилась так, что спустя два года Азербайджан вновь мог потерять свою независимость, ибо в 1991 году Азербайджан оказался перед угрозой расчленения и гражданской войны. В те дни иностранные силы, воспользовавшись этим, могли вторгнуться в республику, создать марионеточное, кукольное правительство и вновь подвести Азербайджан под ярмо. На сей раз спасителем Азербайджана явились Вы. Потому, если бы я был президентом Азербайджана, то первый орден «Истиглал» вручил бы Вам, ибо Вы заслуживаете этот орден больше всех и в первую очередь».

27 марта, выступая с речью на торжественном собрании, посвященном юбилею первой Азербайджанской республики, Гейдар Алиев особо подчеркнул:

«Мамед-Эмин Расулзаде, Фаталихан Хойский, Алимарданбек Топчибашев, Насиббек Усуббеков, Гасанбек Агаев, все члены первого национального совета Демократической республики, члены правительства... проявили большие заслуги перед азербайджанским народом. Наш народ сегодня с

чувством благодарности вспоминает их заслуги».

На торжество были приглашены и потомки первостроителей республики. В перерыве Гейдар Алиев подходил к этим людям, привечал, заводил разговор. Я с моими сестрами Фидан и Тараной стояли, обступив своих родственников – Рафибейли. Дело в том, что мы сами не носили этой фамилии, в отличие от всех других родственников – сплошь Рафибейли. Сын моего дяди по матери Рашида – Ислам Рафибейли. Другой мой дядя Кямилбек в 1929 году эмигрировал в Турцию, там принял фамилию «Арран» и его сын, родившийся в Турции – Айдын Арран, впервые – в эти дни – приехал в Баку... И еще все другие, выжившие из многострадального рода Рафибейли...

Когда Президент подошел к нам, я представил ему моих родственников со словами: «Рафибейли и примкнувший к ним Анар». Он рассмеялся.

Расхожая фраза из советских времен: «антипартийная группа – Молотов, Каганович, Маленков и примкнувший к ним Шепилов» стала притчей во языцех...

Гейдар Алиев сразу узнал аксакала рода Рафибейли, тогда работавшего в должности заместителя министра, генерала юстиции Акифа Рафиева, с феноменальной памятью напомнил различные периоды его трудной деятельности. «Помнишь, когда ты работал прокурором в Мингечауре, я не дал исключить тебя из партии? – сказал он». «Конечно, господин Президент, – ответил Акиф. – Вы защитили меня. Так как я был бекским сыном». Гейдар Алиев засмеялся в присущей только ему манере.

Потом я стал расспрашивать Акифа об этой истории. «В Мингечауре со мной чуть было не посчитались. Я привлек директора одного завода к ответственности за непотребные действия, а он и его люди выставили это так, будто я хочу отомстить коммунисту за своих предков-беков... Когда 20 апреля 1976 года этот вопрос обсуждался на Бюро ЦК, нашлись и те, кто выступил с этой позиции. Гейдар Алиев спросил у меня: «В каком году ты родился?» – «В 1936 году».– «Какое отношение имеет Рафиев к событиям, происходившим в 20-м году?» Тем самым не позволил исключить меня из партии».

4 мая, в канун юбилея 75-летия Президента мы провели совместное заседание Секретариата и Совета аксакалов СП. Открывая заседание, я сказал:

– Всем нам хорошо известна постоянная забота Гейдара Алиева о писателях. Наряду с тем, он участвовал на наших съездах, различных международных литературных мероприятиях, выступал на юбилеях наших классиков и современных писателей, и если все это собрать воедино, издать в виде книги, получится солидный литературоведческий труд. Причем труд, озвученный и написанный с высоким профессионализмом. Поэтому уважаемый Гейдар Алиев давно заслужил право стать почетным членом нашего Союза писателей.

Выступившие Мирварид Дильбази, Гусейн Аббасзаде, Мамед Араз, Балаш Азероглу, Габиль, Фикрет

Годжа, Аяз Вафалы, Аббас Абдулла, Фикрет Садых поддержали это предложение.

12 мая Президент принял меня, Фикрета Годжу, Чингиза Абдуллаева, Арифа Амрахоглу; мы поздравили его с днем рождения и вручили ему билет Почетного члена СП.

– У вас даже и книжка есть? – удивился он и выразил благодарность. Было ясно видно, что наш Президент, удостоенный многих высоких званий в бывшем Советском Союзе, позднее – в Турции, в ряде других стран мира, рад этому скромному дару Союза писателей. Когда вслед за нами наша Академия Наук приняла решение об избрании его почетным членом, он отказался и упразднил решение.

* * *

В 1998 году произошло еще одно отрадное событие. В канун выборов президента в Гяндже состоялось открытие памятника Нигяр Рафибейли, созданного скульптором Минаввер Рзаевой. Памятник был возведен в знаменитом гянджинском «Хан-багы» («Ханский сад»); этот зеленый уголок называли тогда «Сардар-багы» («сардар» – «наместник»). Памятник открыл 7 октября сам Президент. В тот же день, на площади перед зданием Исполнительной власти, выступая на многолюдном митинге перед избирателями, Гейдар Алиев говорил:

«В репрессиях двадцатых-тридцатых годов были уничтожены очень достойные гянджинские интеллигенты. Один из них Худадатбек Рафибейли. Отец Нигяр-ханум – человек, занимавший пост министра в первом независимом правительстве Азербайджана... впоследствии стал жертвой репрессии. Но история ставит все на свои места. Дочь репрессированного Худадатбека Рафибейли – Нигяр-ханум Рафибейли прошла большой путь, трудилась во имя развития азербайджанской культуры. Вместе со своим спутником жизни – великим поэтом Азербайджана Расулом Рзой она сыграла особую роль в возвышении азербайджанской литературы, и я рад, что их сын, большой писатель Азербайджана Анар продолжает дело своих предков, своей матери, своего отца и вносит свою лепту в развитие азербайджанской литературы и культуры. Видите, какие большие личности возвращает Гянджа. В одной семье два Народных поэта и один Народный писатель – Расул Рза, Нигяр Рафибейли, Анар».

На митинге выступил и я, поблагодарил Гейдара Алиева за открытие монумента, за добрые слова о моей матери и о нашей семье, и поздравил его с тем, что он обязательно будет избран президентом.

На следующий день в одной газете вышла статья под заголовком «Анар заранее поздравил Гейдара Алиева с победой 11 октября».

Может быть, заголовок был написан с иронией, но оказалось, что я не ошибся, – Гейдар Алиев вновь был избран Президентом Азербайджана.

* * *

Вновь, не соблюдая хронологию и забегаая вперед, хочу отметить еще одну заслугу Гейдара Алиева в важном вопросе.

За одиннадцать лет моего председательства в постоянной комиссии парламента по вопросам культуры, наша комиссия подготовила 13 важных законопроектов, и все они были приняты Милли Меджлисом. Самым «труднопроходимым» оказался закон о языке. Были оппоненты, предъявлявшие много претензий к проекту закона. Мы разъясняли, что закон не ущемляет прав никаких национальных меньшинств, в том числе и русскоязычных граждан, речь идет о престиже государственного языка, занимаемом им месте, связанных с этим мерах и, наконец, о сбережении чистоты языка, предотвращении агрессии чужеродной лексики. В проект мы включили и статью о принадлежности азербайджанского языка к системе тюркских языков, и это вызвало наибольшие протесты некоторых депутатов.

В период подготовки, разработки и прохождения через трудные «шлюзы» этого проекта, вышел указ Президента «Об усовершенствовании работы по применению государственного языка». Я не знаю, был ли Гейдар Алиев информирован о препятствиях на пути принятия законопроекта о возражениях против «тюркской» классификации языка. Думаю, что, наверное, да. В указе, подписанном им 18 июня 2001 года, по меньшей мере, в десяти случаях констатируются тюркские корни нашего языка, упоминалось о вхождении его в огузскую группу семьи тюркских языков, употреблялись понятия «тюркские народы», «тюркские этносы», «тюркский мир».

Примечательно, что возражавшие против лексики «tüğk» в нашем проекте теперь дружно рукоплескали этому указу.

«Люди Куфы» – старозаветная история.

* * *

Когда Гейдар Алиев лечился в анкарской больнице «Гюльхане», несколько каналов ТВ хотели взять у него интервью. Он сказал, что первое интервью даст только АзТВ. Так как в то время корреспондент АзТВ отсутствовал в Анкаре, взять интервью поручили моему сыну Туралу, в то время работавшему корреспондентом Азер ТАДЖа в Турции. Работавшая помощницей Гейдара Алиева Диляра-ханум Сеидзаде впоследствии говорила мне: «Турал выручил нас из очень затруднительного положения». Земфира в своей книге вспоминает:

«19 января я позвонила в Анкару Туралу. Севиндж (супруга Турала) сказала, что Турал находится у Гейдара Алиева. Наутро Турал позвонил сам и сказал: «Смотрите телевизор, будет мое интервью с Президентом».

В тот день, как назло, у нас дома несколько раз отключался свет, поэтому интервью я смотрела не с самого начала и с двумя пропусками. Вечером Турал по телефону спросил у меня: «Ну, как получилось?». «Очень хорошо, поздравляю», – ответила я. «Мама, а у меня голос не дрожал?». От этого

вопроса у меня комок подкатил к горлу. Позвонил нам родственник Акиф Рафиев, поздравил, добавив: «Купите газету «Азербайджан», вышел снимок Турала с Президентом, и почти всю газету занял его материал, Турал – сын, которым можно гордиться».

И директор АзерТАДжа Шамиль-муаллим, выразив нам свое удовлетворение, сказал, что Турал «снискал нам очень высокую честь»... Люди не столько гордятся собственными успехами, сколько успехами своего ребенка. Кровинки своей... Когда я, купив газету, увидела фото Турала, сердце зашлось, на глаза слезы навернулись...»

* * *

Снова перелистываю старые газеты. Вот отчет об очередном заседании юбилейной комиссии по подготовке 1300-летия «Книги Праотца Горгуда».

В своем выступлении я информирую об издании книг десяти молодых писателей в связи с юбилеем эпоса.

«Гейдар Алиев обращается ко мне с вопросом:

– Как вы оцениваете книги?

– По-моему, книги и по содержанию очень интересны, и в полиграфическом отношении очень изящны, очень хороши. Во всяком случае, большой подарок и для литературы, и для молодежи, – отвечаю я.

– Говоря о содержании, ты имеешь в виду литературный уровень?

– Да. Причем эти книги различного характера. Есть поэтические сборники, есть исследования, в том числе и посвященные «Деде-Горгуду», есть и произведения в прозе. Сюда же добавлена книжка нашего поэта, павшего шехидом – Низами Айдына. Вообще, вышло из печати десять книг самых талантливых молодых поэтов и прозаиков.

Гейдар Алиев:

– Наша с вами цель в осуществлении этого мероприятия – поощрение молодых писателей, поэтов, оказание им материальной помощи и, в конечном счете, получение от них стоящих литературных произведений. Удалось ли этого добиться?

– Удалось, и эта работа продолжится.

– Я дал слово, жду вашего представления, чтобы вновь назначить стипендии.

– Мы дали представление.

– Хорошо, вновь назначим им стипендии.

– Большое Вам спасибо, благодарю Вас.

(«Халг газети», 9 апреля 1999г.)

* * *

Еще на исходе минувшего века мы создали в Стамбуле организацию под названием «Диалог: евразийская платформа» и решили издавать журнал «ДА. Диалог-Евразия». Я был избран первым председателем этой «Платформы» и после двух периодов председательства (четыре года) сдал свой пост известному турецкому историку Ильберу Ортайлайы; меня же избрали пожизненным Почетным председателем организации. Вагф (Фонд) журналистов и писателей Турции – один из учредителей – решил присудить премию за 2001 год Гейдару Алиеву. Прибывший в Баку руководитель Вагфа Гарун Токак попросил меня передать нашему Президенту журнал «ДА. Диалог-Евразия», сообщить ему решение о присуждении премии и попросить пожаловать во Дворец «Гюлистан» на церемонию презентации. Я позвонил Президенту. Нас соединили, я изложил суть дела. «Хорошо, приду, – сказал он, – а журнал пришли мне».

Журнал был доставлен ему, вечером он прибыл в «Гюлистан». Гарун Токак преподнес нашему Президенту фарфоровую вазу с его портретом. На церемонии выступили я, Бахтияр Вагабзаде, Гарун Токак. В заключение взял слово Гейдар Алиев, и я в очередной раз поразился его интуиции и способности моментально улавливать суть вопроса, – журнал он получил сегодня. За полдня успел вчитаться, схватить такие моменты и высказывал столь точные суждения, что я ахнул...

* * *

Когда мы возвращались самолетом из Рима, в ходе беседы с президентом я предложил ему еще одну идею, сказал, что было бы хорошо создать фонд его имени; понимаю, что при нынешнем экономическом раскладе государству трудно, как в советские времена, раскошелиться на культуру, литературу и искусство, а если будет создан Фонд Гейдара Алиева, уверен, что состоятельные люди смогут переводить сюда необходимые средства, и эта структура может играть значимую роль, например, в решении литературных забот, издании книг, проведении различных мероприятий, да и решении бытовых проблем писателей.

Гейдар Алиев:

– Я думаю об этом. В различных странах существуют такие фонды политических деятелей, глав государств. Но, знаешь, я не уделяю столь уж особого внимания вещам, связанным со мной...

– Это нужно не вам, а нам.

Несколько лет спустя на одной из встреч он вспомнил об этом разговоре: «Анар тоже предлагал мне создать такой фонд». (Это было напечатано и в прессе).

Фонд был создан после кончины Гейдара Алиева. Возглавляемый Мехрибан-ханум Алиевой Фонд Гейдара Алиева осуществляет очень большие дела в гуманитарной и благотворительной сфере, в области развития нашей культуры, литературы, искусства, в широком ознакомлении мировой общественности с нашими духовными достижениями, с магическим миром мугама, волшебными шедеврами ковра...

* * *

Хорошо осознавая то, что Гейдар Алиев является личностью исторической, я давно задумал собрать воедино свои воспоминания, размышления о нем и написать книгу. Поэтому, наряду с заметками по горячим следам наших встреч, бесед, общения, я собирал в специальную папку и газеты, где были отражены наши контакты на различных мероприятиях, его выступления о писателях, участие на наших съездах.

Теперь, листая эти старые газеты, еще один позабытый диалог привлек мое внимание. В газетах был опубликован подробный отчет о встрече Гейдара Алиева с молодыми литераторами в канун X писательского съезда. Позднее все материалы съезда с приложением этого отчета с предисловием уважаемого Рамиза Мехтиева были изданы отдельной книгой.

На той встрече с молодыми писателями критик Вагиф Юсифли говорил, обозревая ретроспективно 20-30-е годы:

«...В эти годы пришло новое поколение – молодая смена, которая будет считаться творцами азербайджанской советской литературы: поэты Самед Вургун, Сулейман Рустам, Микаил Мушфиг, Мамед Рагим, Осман Сарывелли, Мирварид Дильбази, Нигяр Рафибейли, прозаики Мирза Ибрагимов, Мехти Гусейн, Ильяс Эфендиев, Абульгасан, Энвер Мамедханлы и другие...

Гейдар Алиев:

– Ты забыл Расула Рзу.

Вагиф Юсифли:

– Прошу прощения, Расул Рза.

Анар:

– Это я поручил не называть.

Гейдар Алиев:

– Почему? У тебя нет права так говорить».

По правде говоря, я не припомню, что давал Вагифу Юсифли такие указания. Вероятно, что я подал реплику, чтобы вырвать его из неловкого положения.

Но верно и то, что в годы руководства Союзом писателей я поставил ограничения литературным органам в отношении материалов о Расуле Рзе и Нигяр Рафибейли, попросив ограничиваться лишь информацией в их юбилейные даты или же при издании их книг за рубежом. Ведь один из писателей, выражая, видимо, самые трепетные движения души, предрекал, что после ухода Анара с руководства СП в «Адабият газети» больше даже имя Расула Рзы не будет упоминаться. Действительно, как говорится, мечтать не вредно...

В Баку и других городах воздвигнуты внушительные памятники многим классикам и современным творцам нашей литературы, открыты музеи, есть театры их имени, проводятся их юбилеи с выходом на московскую трибуну. В Баку именем Расула Рзы названа одна из улиц. Хотя министерство Культуры и туризма и перевело необходимые средства, в Геокчае памятливые земляки никак не могут завершить ремонт небольшого дома-музея Расула Рзы из трех комнат, затянувшийся на долгие годы.

И стоит привести какое-то скромное мероприятие, связанное с Расулом Рзой, – как околосредствительные «кумушки» тут же попрекают именно меня, «забывая» о большом, мужественном творческом и гражданском пути автора поэмы «Кабы роза не цвела...»¹, цикла «Краски», стихов, проникнутых духом протеста против тоталитарной машины... Отмечают все полифоническое творчество Расула Рзы, его деятельность как творца и подвижника первой нашей энциклопедии, сбрасывают со счетов былые обвинения в «национализме», в идеологически «вредных» произведениях; новоявленные зоилы, уцепившись за поэму «Ленин», пытаются выставить его чуть ли не апологетом казарменного социализма...

Те же язвительные стрелы летят и в наследие незабвенного Самеда Вургуну – автора патриотической пьесы «Вагиф», десятков классических стихотворений, поэм, в Сулеймана Рустама, автора пронзительного цикла стихов «Два берега» о разобщенном народе, прекрасных газелей, – за то, что они посвящали произведения партии, Ленину, Сталину...

Гейдар Алиев, выражая свое отношение к этой непростой проблеме с присущей ему разборчивой чуткостью, на юбилее 90-летия Сулеймана Рустама говорил:

«Здесь прозвучало, и я это знаю, – что если кто-то в конце 80-х годов – начале 90-х годов хотел вырвать и отбросить большую часть нашей истории, и порой это им удавалось, что если люди, не имевшие никаких заслуг перед народом, пытались убрать с арены людей, верой и правдой служивших народу, то это преходящие вещи. Вы видели: они пришли-ушли. Сегодня я могу сказать, что предъявлять претензии к таким большим поэтам, как Сулейман Рустам, Самед Вургун, Расул Рза, выискивая в их творчестве какие-то не соответствующие сегодняшнему дню нюансы, я полагаю, непорядочно. Эти люди сами ничего не сделали для народа, нации, страны. Говоря нашим простонародным языком, они

не стоят и мизинца ни Самеда Вургуна, ни Расула Рзы, ни Сулеймана Рустама...»

К сожалению, и после такой весомой и резкой отповеди кампания по дискредитации наших ушедших из жизни классиков в определенных газетах не прекращалась. Люди, позволявшие себе употреблять неприличные, непристойные выражения о Джалиле Мамедкулизаде, о Самеде Вургуне и публиковавшие подобные непотребства, были выдворены из нашего Союза.

Я не проявлял никакой инициативы к проведению юбилея 90-летия Расула Рзы, не хотел давать повода для словоблудия краснобаев, чтобы они склоняли имя моего отца. А люди, чтившие память Расула Рзы, даже упрекали меня за эту щепетильность.

На одном из мероприятий во Дворце Республики во время перерыва Фикрет Годжа, не спросив заранее у меня, сказал подошедшему к нам Гейдару Алиеву о предстоящей дате – юбилея 90-летия Расула Рзы; при этом добавил, мол, Анар противится проведению торжеств. Впервые и единственный раз в моей жизни Гейдар Алиев упрекнул меня:

– Очень напрасно так поступаешь, Расул Рза не только твой отец, но и большая личность нашей литературы.

25 декабря 2001 года во Дворце Республики с участием Президента состоялось юбилейное торжество в связи 90-летием со дня рождения Расула Рзы. Вечер открыл Эльчин, выступили Гюльрух Алибейли, Фикрет Годжа, Вагиф Самедоглу, Рафаэль Гусейнов, в заключение взял слово я:

«– Несколько лет тому назад в этом великолепном Дворце мы провели юбилей 90-летия наших великих поэтов Самеда Вургуна и Сулеймана Рустама. Сегодня мы собрались по случаю 90-летия Расула Рзы. Хочу выразить свою благодарность воздающему достойную оценку этим выдающимся личностям, всегда дорожающему их памятью... большому другу нашей литературы... нашему уважаемому Президенту Гейдару Алиеву.

...В одном из стихотворений Расул Рза заклеил заклятого врага азербайджанского народа Андроника, заклеил Сахла Сумбата, предавшего Бабека. Поэтому армянские писатели строчили в Москву доносы на Расула Рзу, пытались представить его националистом, пантюркистом, поэтом-антисоветчиком. К великому сожалению, есть и среди нас те, кто подпевает им, пособничает им. При таких обстоятельствах уважаемый Гейдар Алиев добился звания Героя Социалистического Труда Расулу Рзе. Если Расул Рза заслужил это звание своей творческой смелостью, то Гейдар Алиев добился этого своей политической смелостью. Это было большим патриотическим триумфом их обоих. Поэтому, уважаемый Президент, сегодня я, как сын Расула Рзы, как гражданин Азербайджана, как интеллигент Азербайджана выражаю Вам самую искреннюю благодарность.

У Расула Рзы было при жизни много мечтаний. Хочу сказать о двух. Первая, великая мечта – увидеть Азербайджан независимым. Вторая была личной мечтой – дожить до 2001 года, хотя бы один день прожить в XXI веке, а уж потом покинуть мир.

Сегодня обе мечты поэта сбылись. Азербайджан независим, а Расул Рза сегодня здесь, с нами, в первом

году XXI столетия. Своим голосом, своим искусством, духом своим, почтением и любовью, которую питают к нему все собравшиеся здесь».

Гейдар Алиев повидался с членами семьи Расула Рзы – с моими сестрами Фидан и Тараной, с моей супругой Земфирой, со спутником жизни Фидан Рауфом Везириевым.

Он с большим интересом смотрел театрализованное представление, внимательно слушал звучащие со сцены стихи, песни на слова моего отца и моей матери. Особенно отмечал исполнение молодых певцов.

– Какой же у нас талантливый народ, – говорил он мне, сидевшему рядом, – как новые родники, закипающие из-под земли в каждую эпоху, на арену выходят все новые и новые таланты...

После представления он поднялся на сцену, тепло поговорил с исполнителями:

– Вы показали прекрасное, необыкновенное представление. В то же время смогли раскрыть творчество Расула Рзы. Это дело нелегкое. Ибо творчество Расула Рзы прекрасно, высокого уровня, но, в то же время, сложно, очень неподатливо. Вы смогли это раскрыть. – Обращаясь к режиссеру представления Аскеру Аскерову, сказал: – Ты создал великолепную композицию. Сегодняшнее действие отличается от других своей неординарностью. Отличается именно тем, что демонстрирует творчество Расула Рзы. Вы прочитали стихи в прекрасном актерском исполнении, прекрасными голосами, меня восхитила и музыка, и композиция. Я действительно испытал большое волнение. Это очень впечатляет человека. Это, с одной стороны, показывает, сколь большим, сколь глубоким поэтом, сколь значимым для азербайджанского народа был Расул Рза, а с другой стороны, – то, с каким мастерством, умением вы раскрываете его творчество. Я здесь с вами провел, как говорится, очень хороший вечер.

Сегодня вы продемонстрировали высокий уровень вашего творчества. Не только тем, кто в зале, – телевидение передало это и в прямой трансляции, – вы сделали прекрасный подарок всем зрителям Азербайджана. Большое вам спасибо. Мы все здесь сегодня должны вновь вспомнить нашего большого поэта Расула Рзу, Нигяр Рафибейли, – здесь прозвучали песни, музыка, написанная на стихи Нигярханум, – еще раз должны отметить их большие заслуги перед азербайджанским народом и еще раз возвестить, как дорога для нас память о них. Лично я так считаю и с такими чувствами покидаю этот вечер.

Затем Президент обратился к Айгюн Гумбатовой (ныне Айгюн Бейляр):

– Ты очень хорошо пела. Анар сидел рядом, когда ты пела, я спросил, кто это? Очень хорошо поешь... И песня, то есть мелодия, очень впечатляет... Сколько тебе лет?

– Господин Президент, и сказать стесняюсь, двадцать шесть.

– А чего тебе стесняться, двадцать шесть – хороший возраст. Сегодня я видел очень красивых молодых девушек.

Потом Президент повернулся к Хадидже Аббасовой:

– Анар мне сказал, что вы – супруга Эмина Сабитоглу.

Хадиджа-ханум:

– Да, господин Президент. Вы о песне сказали, что прекрасная песня. Это песня Эмина Сабитоглу.

Гейдар Алиев:

– Да, его музыка. А слова Нигяр Рафибейли. И вы очень хорошо спели. Я говорил Анару, – очень необычное исполнение. Спросил у Анара – где же она пропадала?

Анар:

– Я сказал, что она в Азербайджане. Теперь она не должна разоблачать мою ложь.

Хадиджа:

– Я с Эмином была в Турции. Даю слово, что вернусь в Азербайджан.

Гейдар Алиев:

– Мне помнится, Хадиджа-ханум была в театре Рашида Бейбутова. С тех пор помню ее.

Анар:

– И Мелек-ханум хорошо спела ту песню. Вы видели, как прекрасно исполнила.

Гейдар Алиев:

– Прекрасно пела. И песня очень хорошая, и Мелек-ханум превосходно спела.

Анар:

– Господин Президент, представлять сестер Фидан и Хураман Касимовых тоже нет необходимости.

Гейдар Алиев:

– Нет. Они вот уже двадцать пять лет на сцене, перед моими глазами. Я их знаю с детства... И Фидан, и Хураман проведут юбилеи, отметят 25-летие пребывания на сцене... Рауф Адыгезалов – сын Зульфи Адыгезалова, брат Васифа Адыгезалова . Алиаббас Кадыров, Фуад Поладов – очень крупные наши классики.

Все они выросли у меня на глазах. Я очень люблю театр. Всех вас поздравляю. Спасибо. Благодарю.

Я столь подробно останавливаюсь на этой незабываемой встрече, полагаясь на свои непосредственные впечатления и газетный отчет для того, чтобы наглядно проиллюстрировать то теплое, бережное и заботливое внимание, которое проявлял Гейдар Алиев к исполнителям, к людям искусства. Причем он хорошо знал каждого, его творческую биографию, вехи судьбы и пути в искусстве; уверен, что и

впервые увиденные, услышанные исполнители запечатлелись в его феноменальной памяти. Другая причина столь подробной ретроспекции: ностальгическое желание заново оживить, воссоздать хотя бы на бумаге и заново пережить неповторимые мгновения того вечера, вновь услышать голос, слова, ощутить теплую ауру общения с этой незабвенной личностью...

Как жаль, что это была наша последняя встреча с великим лидером нации. Впоследствии не судьба была свидеться ни на одном мероприятии, собрании, торжестве...

Когда он выступал во Дворце с речью, оказавшейся последней, меня не было в Баку.

Впоследствии мне подробно поведали об этом последнем драматичном и высоком аккорде его многотрудной жизни.

Человек, переживший обширный инфаркт, подошедший к порогу восьмидесятилетия, тем не менее, не щадя себя, трудившийся денно и ночно, забыв об отдыхе и покое, во время выступления был сокрушен сердечным приступом, упал, не ведая о семи переломанных ребрах, и преодолевая нестерпимую боль, вновь вернулся на сцену и продолжил прерванную речь... И снова падение... и снова преодолевая боль, он невероятным усилием воли возвращается на сцену, чтобы проститься с родным народом... Навсегда...

Когда он был во главе власти, было немало попыток «свалить» его. Это пытались сделать и армянские националисты, и Горбачев с присными, и доморощенные оборотни, предавшие его. И политические противники, и путчисты, заговорщики, и газетные борзописцы...

В начале 90-х годов им уже мерещилось, что они добились цели, смогли «свалить» Гейдара Алиева. Но, в конце концов, «валившие» его «свалились» с треском сами. А он, казалось бы, «поверженный», вновь встал, поднялся во весь рост. Я был прав, назвав слово о нем, – «Пришел и ушел победителем».

* * *

Тревожные дни начались в жизни нашей страны. Гейдар Алиев проходил лечение сперва в Турции, затем в Кливленде – в США. В августе из кливлендского далека он обратился к народу, – о том, что в связи с нездоровьем не сможет участвовать в выборах Президента и рекомендует на этот пост Ильхама Алиева, которому верит, как самому себе...

На последнем этапе избирательной кампании, 12 октября 2001 года в театре Музкомедии состоялась последняя предвыборная встреча Ильхама Алиева с избирателями – представителями интеллигенции.

На этой встрече, в числе других, выступил и я.

Позволю себе привести здесь свои слова, которые характеризуют атмосферу той поры и наш настрой.

«Угрозы, с которыми мы можем столкнуться, тревогу от опасности расчленения (страны) я стремился выразить в написанном в августе-сентябре произведении «Белый овен, черный овен». На днях некоторые интеллигенты из лагеря оппозиции обратились ко мне и сказали: мол, изъясните свою позицию. Были среди них люди, чьи научные труды, творчество я уважаю и ценю. Потому счел нужным ответить и написал, что моя позиция давно известна, и я не меняю ее через каждые три года, пять лет. Хотя и выборы проводятся тайным голосованием, я заранее заявляю, что буду голосовать за Гейдара Алиева. Но если господин Гейдар Алиев снимает свою кандидатуру по состоянию здоровья и поддерживает Ильхама Алиева, мы должны с уважением отнестись к мнению опытного государственного деятеля. Действительно, в последние годы мы узнали Ильхама Алиева как грамотного, высокоинтеллектуального, отличающегося своей энергичностью молодого политика, обладающего способностью немедленно, вовремя, логично и весомо давать ответ на наши противникам.

Мне кажется, он оправдывает доверие своего отца, своих избирателей, всех нас.

Я желаю, чтобы после избрания президентом, имея более широкие возможности, он продолжил полезные дела, выполненные им в качестве председателя олимпийского комитета, а так же в сфере культуры, оказывал постоянную заботу о нашей литературе, науке, искусстве. Ни для кого не секрет, что наряду с важной работой, проделанной в области культуры, существует и много проблем.

Неудовлетворителен жизненный уровень педагогов, врачей, играющих чрезвычайно важную роль в жизни общества. Даже наши авторитетные писатели испытывают серьезные трудности в вопросе издания своих книг. В то же время выходят в свет бесполезные книги состоятельных людей. Здесь вспоминаются строки нашего великого поэта Моллы Панаха Вагифа:

Нет милосердия у владельца злата,

И злата нет у милосердных душ...

В особенности, бытовые проблемы молодых писателей, в первую очередь, жилищные проблемы, создают препятствия в отношении их творческого развития. Было бы хорошо восстановить стипендии, в прежние годы выделявшиеся молодым. В связи с этим мы представили в аппарат Президента список молодых писателей, намеченных на получение стипендий.

Один из важнейших вопросов – вопрос издания художественной литературы на латинизированной графике, есть учебники, изданные на этой графике, но кроме учебников, книг почти что нет. Учащиеся, получающие сведения в школе о Мирзе Фатали, Сабире, Мирзе Джалиле, лишены возможности читать творения этих писателей, напечатанные латиницей, ибо их нет. Мы выращиваем поколение без литературы. Того, кто в детские годы не читал сказки о Мелик-Мамеде, «Робинзона Крузо», дастан «Кероглу», Шекспира, Пушкина, нельзя считать культурным человеком. Полагаю, Ильхам Алиев после

избрания Президентом окажет содействие разработке проекта об издании азербайджанской и мировой литературы на латинской графике. Я желаю Ильхаму Алиеву успехов на президентских выборах».

На встрече, открытой и проведенной академиком Акифом Ализаде, выступили президент НАН Махмуд Керимов, композиторы Васиф Адыгезалов и Азер Рзаев, писатель Максуд Ибрагимбеков, художник Фархад Халилов, режиссеры Азерпаша Нематов и Александр Шаровский, актриса Басти Джафарова.

Затем с речью выступил Ильхам Алиев, тогда занимавший пост премьер-министра.

– В первую очередь я хочу приветствовать всех и выразить всем вам признательность за то, что пришли на эту встречу. Сегодня в мой адрес было сказано много добрых и хороших слов. Это для меня очень приятно, ваша оценка мне очень дорога. В своей будущей деятельности я постараюсь, чтобы вы не испытали разочарования за эту оценку, за надежды, которые питаете.

В своей обстоятельной и многоохватной речи Ильхам Алиев в частности отметил:

– Здесь прозвучали очень ценные предложения об издании книг в связи с латинской графикой. Я думаю, если будет представлен пакет предложений на этот счет, то все эти вопросы могут вскоре найти свое решение. Вообще, я думаю, что нам должны направляться предложения со стороны всех творческих организаций. Где какие проблемы имеются, они будут оперативно рассмотрены.

Сразу после выборов и инаугурации я направил Президенту предложения о книгах, которые предполагалось издать латинской графикой. Действительно, по прошествии короткого срока 12 января 2004 года президент Ильхам Алиев подписал очень важный указ об этом. Позвонил мне по телефону.

– Составьте список книг и пришлите нам.

Давно занимаясь этим вопросом, я за два дня составил обширный список произведений современных азербайджанских, иностранных писателей, а также детской литературы, и отправил в Президентский аппарат.

Книги, изданные в первую очередь, были отобраны, преимущественно, на основе составленного мною перечня.

Есть такое изречение: инициатива наказуема. Я схлопотал много головной боли из-за книгоиздания на латинице. Естественно, невозможно было включить всех претендующих современных писателей в первый список, потому некоторые, не попавшие в него, заявили протесты, мало того, кое-какие труженики пера, привыкшие цепляться за каждый мой шаг, стали шуметь: «Почему такой-то классик попал в список, а такой-то нет, почему из мировой литературы отобрано такое-то произведение, а такое-то нет?». Но если бы мы следовали их предпочтениям, вычеркнув из списка других, последовали бы претензии с точностью до наоборот.

Это еще полбеда. Прибегали и к самым грязным способам. Один писал, что я якобы затеял это дело ради того, чтобы издать книги моих родителей... То, что среди сотен авторов оказались и книги Расула Рзы и Нигяр Рафибейли, вызвало невероятное раздражение этого человека. В первый список я не

включал своего имени, его вписали в Президентском аппарате, за что им спасибо.

Еще одно мерзкое обвинение, предъявленное мне в печати: то, что в этом вопросе я преследовал материальные интересы. Какие интересы, какая выгода у меня могла быть, разве у меня собственное издательство, типография? Я ведь по сей день и гонорар за свою книгу не получил.

Короче, уж не знаю, из-за этих ли разговоров, или по другой причине, но Союз писателей отстранили от этого начинания. На первой церемонии презентации мы, как бедные родственники, остались стоять в стороне, ни один экземпляр из изданных книг, распределенных повсеместно, вплоть до техникумовских библиотек, не был предоставлен в библиотеку Союза писателей.

Это я говорю к слову. Главное не в этом. Главное в том, что наконец-то самые ценные произведения азербайджанской и мировой литературы были изданы большими тиражами и розданы по всей стране школам, библиотекам.

Когда я вижу эти книги, скажем, в самой отдаленной сельской школе, я радуюсь и горжусь, что есть в этом деле и моя маломальская заслуга.

* * *

12 декабря 2003 года, поздним вечером мне позвонил Чингиз Абдуллаев:

– Анар-муаллим! Есть плохая весть. Гейдар Алиев скончался.

В последнее время ходило много слухов подобного рода, и мне не хотелось поверить.

– Наверное, очередная «утка».

Чингиз:

– Нет, нет. По телевидению сообщили.

Как на грех, в тот вечер я рано выключил телевизор: работал

– Какое телевидение?

– АНС включите.

Включил. И словно что-то во мне оборвалось. Рухнуло.

Горькая весть оказалась правдой.

Быстро одевшись, поехал на студию АНС.

По дороге мне взбрела в голову, может быть, мистическая мысль: Гейдар Алиев во второй раз «вызывает меня» в полночь: первый раз – при жизни, 4 октября девяносто четвертого года, к площади

перед Президентским дворцом... И теперь, после смерти...

Руководители АНС при моем появлении расчувствовались. Кажется, горе сблизило нас. Как сблизило, породнило миллионы людей...

Прошел в студию.

Сказал:

– Азербайджанский народ потерял великого сына, Севиль-ханум и Ильхам Алиев – своего отца, а я очень близкого, очень дорогого мне человека.

Эти слова были не фразой, произносимой под воздействием тяжелой утраты.

Это было самым простым и глубоким, самым искренним выражением чувств, испытываемых мною всегда.

По разнице в возрасте, по общественно-политическому положению, рангу, я не мог быть ему другом, мы не были и родственниками, но я действительно любил его как родного человека. У нас в языке есть хорошее, высокое слово, не знаю, есть ли оно в других языках: НӘУАН...

Он был радетелем моим.

После того, как я потерял отца и мать, я это чувствовал острее.

Всегда мог рассчитывать на него.

* * *

В 1992 и 1994 годах в Анкаре проводились первый и второй съезды писателей тюркского мира. Я участвовал на обоих съездах. На съезде в 1994 году прозвучала такая идея, что по алфавитному порядку очередной съезд приходится на Азербайджан, но положение у республики таково, что проведение такого мероприятия будет ей трудно в экономическом отношении. Поэтому предлагалось, чтобы съезд провели в Азербайджане с финансовой помощью всех тюркских республик (прежде всего, конечно, подразумевалась Турция).

Эти слова задели меня за живое. Выступил и сказал, мол, Третий съезд непременно мы проведем в Азербайджане, и у нас нет нужды в какой-либо помощи, сами управимся.

Заявляя это, я не мог рассчитывать на наш Союз писателей: ибо таких средств у нас не было.

И Гейдару Алиеву я не говорил загодя, что выдвину такое предложение. Но я был уверен в нашем Президенте и знал, что он поддержит эту мысль, и я решился смело ее высказать.

И действительно, когда я информировал Гейдара Алиева об этом, он создал все условия, оказал помощь,

и Третий съезд писателей тюркского мира прошел в Азербайджане. На высоком уровне. После нас был черед Казахстана, но ни они, ни остальные тюркские республики не смогли провести такого форума.

Еще в советское время СП СССР включил меня в состав делегации, отправлявшейся в Турцию. Увы, КГБ Азербайджана не дало согласия на это.

Союз писателей СССР во второй раз включил меня в состав делегации, отправлявшейся опять же в Турцию, во главе с Константином Симоновым. Я смог довести вопрос до Гейдара Алиева. Он немедленно дал указание, и я впервые совершил десятидневную поездку в Турцию.

И в период независимости любое предложение, любая проблема Союза писателей встречались Гейдаром Алиевым с пониманием, он помогал, решал все вопросы.

Справедливости ради должен сказать, что и продолжающий его курс Президент Ильхам Алиев чутко относится ко всем нашим предложениям и пожеланиям. Отозвавшись на нашу просьбу о взятии на бюджетное обеспечение Центра по переводу, он помог решению этого вопроса. Я обращался с письмами о Доме творчества писателей, о ремонте здания СП, о назначении пенсий пожилым и стипендий молодым писателям, и Президент уважил эти просьбы и подписал соответствующие распоряжения. Дал указания о строительстве Дома творчества в Дивичи, 50 писателям назначил президентские пенсии, 20 молодым литераторам – стипендии; здание СП было прекрасно отремонтировано, и после окончания ремонта Президент лично посетил Союз писателей.

В канун XI съезда господин Ильхам Алиев принял руководство СП и высоко оценил нашу деятельность. За все это мы выразили ему благодарность.

Я выразил признательность Президенту Ильхаму Алиеву и первой леди Мехрибан Алиевой за теплые поздравления в связи с моим семидесятилетием.

Это заботливое отношение к руководству Союза писателей как со стороны великого нашего лидера Гейдара Алиева, так и со стороны Президента Ильхама Алиева кого-то лишает покоя и раздражает некоторых, в том числе кое-кого из пишущей братии.

Еще в советское время Гейдар Алиев напоминал – и на нашем съезде, и на других форумах – о негативной информации обо мне, передававшейся ему.

Хотя в период Независимости он не упоминал о подобных «инициативах», полагаю, что опять же не обходилось без них. Но он не придавал им значения. Ибо, как я опирался на него, так и он верил мне, хорошо знал, что я никогда, ни при каких обстоятельствах не подведу его, не предам. Потому не обращал внимания на всяких «шептунов».

Мне кажется, кто-то горит желанием отомстить мне за это. Может быть, только кажется...

Но есть та истина, что людям, которые сегодня впадают в кураж, прошлое и будущее – не по зубам.

Прошлого не изменить.

До Будущего не дотянуться.

Мои встречи, мое общение с Гейдаром Алиевым – заветные страницы. Сокровенная память жизни моей. И этой памяти никому у меня не отнять.

* * *

В моем архиве есть фотография Гейдара Алиева, еще нигде не опубликованная, – снимок сделан на юбилее 90-летия Расула Рзы.

Смотрю на это фото, и мне чудится, что Гейдар Алиев прощается со всеми нами.

И со мной.

Я уже хотел поставить последнюю точку в своих заметках, когда по неизъяснимому наитию с острия пера потекли на страницу строки нашего стародавнего баяты:

Здесь промчался верховой,

Горяча коня на бой,

Грянул солнцем лучезарным,

Канул ясною луной.

Последняя строка никак не соотносится с образом Гейдара Алиева.

Нет, не «канул он луной», и его лучи, его свет всегда будут озарять наш Азербайджан.

P.S. Этот текст, плод моих заметок, наблюдений, воспоминаний и раздумий с 70-х годов, я запечатлел пером в декабрьские дни 2008 года.

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ЧИНГИЗ ГУСЕЙНОВ

ВИТАЮЩИЙ ДУХ

(Из мемуарного повествования)

Мелик-Мамед – имя богатыря из сказки

Мелик-Мамед – имя богатыря из сказки: так звали моего деда по материнской линии. Смотрит горделиво с портрета, точно видит насквозь, оттого неуютно. Густые чёрные брови, такие были у мамы, дочери его, чёрные усы что надо. Родичи были, говорили в семье, корабелями, потом узнал, что шили паруса. И любопытное совпадение: предки Елены, оказывается, плели рыбацкие сети, даже фабрику в Москве имели – не это ли научило нас с нею понимать друг друга с полуслова?

Жили Рахмановы в старой части Баку, на Персидской; широкий двор, глухой стеной отгороженный от остального мира, точно крепость, прилепились друг к другу два домика, а крыши, покрытые киром, – плоские и просторные; в летние ночи хорошо там спится, крупные яркие звёзды совсем близко висят над тобой.

Служил Мелик-Мамед в пароходстве «Меркурий», был капитаном торгового судна «Наследник» (в советские годы «Цюрупа», в честь революционера и совнаркомовского деятеля), плавал по Куре и Каспию; указом «Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича, Самодержца Всероссийского, и прочая и прочая и прочая», диплом от 18 марта 1905 года, удостоен «по выдержании испытания в науках» звания капитана первого разряда, а впоследствии – «капитанъ дальняго плаванья», запечатлела старая визитка, увидел лишь в начале нового века. Ещё запись: смерть застала деда, сказано в официальной бумаге, «на пристани, тотчас после швартовки судна».

Думая увлечь Дину, тогда несмышлёную, рассказом о деде её деда, обыграл а ля революционное его прошлое, придумав заодно бурные пиратские его приключения о том, как он умыкнул дочь турецкого султана, неведомо как из моря Каспийского попав в море Чёрное... – ты с захватывющим интересом слушала мой рассказ, требуя продолжения, а потом по истечении многих лет я долго не мог убедить тебя в том, что всё это сочинил. А ведь дед вправду дважды выполнял, дабы не сочли трусом, авантюрные поручения Наримана Нариманова, первого большевика Азербайджана (тогда часто писали Азербейджан), взять на борт его книжку «С каким лозунгом мы идем на Кавказ?», отпечатана в советской Астрахани, полна романтической выпренности: На высоких вершинах Кавказских гор водружено будет Красное знамя. Мелик-Мамед тайно переправил в буржуазный Баку и гневную отповедь Наримана бывшему другу Усуббекову, премьеру независимой от большевиков Азербайджанской демреспублики, в Одессе с ним учились, в Новороссийском университете, оба – утописты, но Нариман успеет разочароваться в большевизме за месяц до загадочной смерти в Москве в 1925-м, о чём – в покаянном письме-завещании малолетнему сыну Наджафу, а Насиббека, убегающего от красных войск, захвативших Баку 28 апреля 1920 года, убьёт в Тифлисе пуля армянского террориста, и на долгие десятилетия конец демократическим иллюзиям. Дела и помыслы бывших друзей пахли кровью. Близок грозный час, – страдал Нариман, – когда предстанете перед судом рабочих и крестьян!

Письмо в почту вложил юный племянник Мелик-Мамеда Гусейн, курьер в мининделе Демреспублики, по советской историографии – мусаватистской власти помещиков и беков, проживёт без месяца два года до той поры... – 11 Красная армия вторгнется в Баку, дабы народ восставший не обидеть, и установит

тут ту самую власть рабочих и крестьян, а Гусейн станет, такие были задумки у фортуны, одним из вождей советского Азербайджана. Тем временем красные войска двинулись в Армению, оттуда – в Грузию, навстречу пожеланиям восставших трудящихся, неся на штыках счастье Кавказу.

Рахмановых было три брата и две сестры, жили одной большой семьёй в отцовском доме, узнал лишь недавно точный адрес: Персидская улица 44; дом постоянно достраивался по мере роста семьи, существует поныне (не понимаю, как я мог не пойти глянуть на него хотя бы извне?). У старшего брата Али-Паши (паша по-турецки с ударением на последнем слоге – высший воинский чин) рождались только мальчики, плеяда больших советских чинов, у среднего Мелик-Мамеда – девочки, и так появилась на свет моя мать Махфират. Далее по годам шли сестры: бездетная Хадиджа, названная в честь первой жены пророка Мухаммеда, и Сакина, у которой было три сына и две дочери, а у них, в свою очередь, дюжина детей и внуков. Дочь принадлежит чужому дому, так принято у нас считать, ибо, выйдя замуж, покидает отцовский дом, прилепляется к мужу. Младшему брату Али-Ага до женитьбы было далеко: разница между старшим и младшим – более двадцати лет.

У меня – копия брачного свидетельства-кябина деда и бабушки Наргиз, означает нарцисс: арабская вязь, сбоку перевод на русский, фиолетовые чернила поблекли, исполнен нотариусом, красным подчёркнуты имена жениха и невесты:

Жених бакинец Мелик Мамед Гаджи Гаджибаба оглы, 35 лет. Поверенный его – отец названного. Невеста бакинская жительница Наргиз Ханума Мешади Али-Акпер кызы, поверенный её бакинец Гаджи Агабаба Зейнал оглы. Кябинная сумма сто восемьдесят пять червонцев, долг жениха. Кябин вечный. 18 Зигиджа 1319 – 27 Ноября 1911 года отец жениха названный Гаджи Гаджибаба (в семье прадеда моего Гаджи Гаджибаба звали Аджеджбаба) пожизненно ручается, а после смерти отвечает жених. Так как названный Гаджи Гаджибаба неграмотный, по его просьбе расписался Кербелай Мустафа Гаджи Мирага Мамед Касим оглы. Кябин совершил молла мечети «Джами» Ахунд Мамед Ахундзаде.

Указано: Перевел Ибрагим Джеваншир, Бакинский Народный нотариус Николаевского района (смесь нового народный и старого: район сохраняет обозначение в честь императора) удостоверяет соответствие вышеизложенного оригиналу. Доход в казну и гербовый взыскан 1921 года Декабря 28 дня по реестру № 7618.

В кябинном, брачном свидетельстве обилие сложных имён, от пояснений тут не уклониться.

В имени жениха, деда моего Мелик Мамед Гаджи Гаджибаба оглы, первые два имени могут писаться слитно или через дефис как части одного имени; первое Гаджи в имени прадеда – почётный титул, обрётённый по совершении паломничества-хаджа в священные Мекку, где родился Мухаммед, и Медину, где похоронен; второе Гаджи входит в состав имени Гаджибаба.

В имени невесты, моей бабушки Наргиз Ханума Мешади Али-Акпер кызы, ханума – на манер грузин и армян, у нас ханым; Мешади – титул прадеда, обрёл после посещения города Мешхед в Иране, где похоронен шиитский имам Риза; в имени Али-Акпер первая часть Али имя вождя мусульман-шиитов, а

Акпер – Великий.

За прадеда расписался Кербелай Мустафа Гаджи Мирага Мамед Касим оглы: Кербелай – титул, обретаемый при паломничестве в город Кербела в Ираке, где похоронен убиенный внук Мухаммеда Гусейн; Мустафа – имя собственное, Мамедкасим – имя отца, который после хаджа стал Гаджи, Мир – приставка, показывающая родство с Мухаммедом, Ага – господин, знак уважения.

И я тоже могу к своему имени приписать титулы Кербелай, ибо посетил Кербелу, город в Ираке, где высится размером с Собор Василия Блаженного мавзолей внука Мухаммеда Гусейна: массивные ворота из золота, и нескончаем уже сколько веков поток паломников; посетил также Иерусалим, он же – Эль-Кудс, могу носить титул Кудси.

Узнать подробности жизни предков не у кого: когда жили очевидцы – не было интереса, да и кто рассказал что-либо юнцу? И что бы я понял? А когда интерес возник, никого в живых.

Многоимённость доходила до анекдотичности: в Баку приехал всероссийский староста Калинин вручать ордена, на собрании Председатель ЦИК Азербайджана Агамалиоглу произнёс, приветствуя гостя, крылатую фразу: Вы нам из Урсиега (России) револусия качай-качай, а мы вам нефть качай-качай! (бурные аплодисменты), такой вот взаимообмен: Россия снабжает нас революцией, а мы Россию – нефтью; и, начав вызывать на сцену награждённых, Агамалиоглу произнёс: Али Гусейн Гаджи Мирсалим оглы... – Калинин его перебил: Самедага, не всех сразу, по одному вызывай! Тот ответил: А я одного и вызываю!

Ширингыз – «сладкая девочка»

Дед мой, как все мужчины, мечтал о сыне, и потому с согласия, говорят, первой жены, моей бабушки, родившей ему двух дочерей, привёл в дом вторую жену, Мейранса её имя, и та родила ему сына Рахмана, так что мечта осуществилась, а следом дочь Лейлу. Но вскоре появилась третья жена: дед якобы согласился принять в дар от своего боцмана его сестру: будто бы шли с ним в речном городке Сальяне по улице, и он услышал любимую свою песню: Кучелере су сепмишем, Улицу водой окропила, Йар геленде тоз олмасын, Чтобы не запылилась, когда любимый ко мне пойдёт, заслушался, очарованный нежным девичьим голосом, спросил, кто это так замечательно поёт? Боцман ответил: Сестра моя, если нравится – дарю тебе! – таков был знак особой преданности боцмана своему капитану; звали её Ширингыз, «сладкая девочка».

Первую жену, мою бабушку, дед как будто любил, о чём можно судить – не раз слышал в детстве, – что часто ей пел, когда была единственной его женой (присочинила?), народную песню, популярную поныне: Ты – моя красавица, Свет моих очей. Даже в раю не сыщешь, Такой, как ты, гурии. Когда слышу песню (рай в безбожные советские годы был заменён на мир, а гурия осталась как метафора красоты), тотчас представляю картину, она кажется смешной, но видение приятное: дед песней

объясняется в любви бабушке!..

Хорошо помню жён деда, не понаслышке знаю подобный быт, а потому недоумеваю, как порой прямолинейно трактуется немусульманами, зачастую и приверженцами ислама, многожёнство: де, принижение женщины, удовлетворение неумной мужской похоти, хотя разве в сексуальности дело?

И сразу возникает не в пользу, если далеко не ходить, России сравнение: во-первых, в краях мусульманских нет ни детских приютов, ни домов для престарелых – родственники не сдадут; далее, через многожёнство складывалась экономико-социальная структура, связанная в широком плане с наследством, укреплением уз семьи, клана, расширением финансовой основы семьи. А если кябинная – законная жена не может родить сына и вообще рожать, проблема решается просто: жена приводит к мужу вторую жену; такое я наблюдал в нашем кругу, тянется со времён библейских: Авраам, Сарра, Агарь (у мусульман Хаджар – не рабыня-наложница, а подаренная Аврааму-Ибрагиму фараонова дочь).

При перевесе женского населения (убыль мужчин в результате частых войн) многожёнство давало возможность женщине обрести семью, дом, состояться, оно к тому же не навязывается в Коране, как закон, внедрено впоследствии в ислам и обставлено рядом неперемных обязательств: мужчине предписывается обеспечить всем жёнам равные права, каждой – отдельное жилище-дом, содержать их... всё это известно, но! тут наиглавнейшее условие на уровне, правда, словесном, и практика с ним не всегда согласуется: мужчина может привести в дом вторую, третью и четвёртую жену, если в состоянии и сможет поровну разделить чувства между жёнами, иначе новые женитьбы запрещены. И ещё: дети жён считаются родными братьями и сёстрами, так было в нашей семье, и большим грехом при многожёнстве являются склоки и раздоры, вызванные ревностью жён друг к другу... – декларировать, конечно же, легче. Часто вспоминаю, как московский сосед мой по Красноармейской улице Евгений Иванович Осетров, важный чин в Клубе книголюбов (ныне носит его имя), ревностно следовавший православным обрядам в годы развитого социализма, чтил лозунг Пролетарии всех стран, соединяйтесь! при условии замены пролетария на православного, однажды спросил у меня: Как же ваш народ допустил отмену многожёнства? Я решил, что он шутит, столь же шутливо ответил, что еле одну жену содержишь, а тут... Нет, я всерьёз, – перебил меня. – Недомыслие и кощунство отменять многовековые традиции!

Наргиз, будучи в идеальных отношениях со второй женой мужа Мейрансой, чьих детей, сына Рахмана и дочь Лейлу, приняла как своих, не примирилась решительно с третьей, Ширингыз, к тому же оказавшейся бездетной, которая, кстати, внесла, помню из услышанного, трения в семью: «Ну да, ведь сальянка, – с раздражением говорила бакинская родня бабушки, – они ух какие интриганы!» Я помню её, сладкую девочку, худую и высокую в представлении подростка: от хны оранжевые волосы, быстрая и подвижная, с пронзительным голосом.

Боже, какой разгорелся спор вокруг Ширингыз, когда в апреле 2006 года мы с Еленой поехали, она впервые, в Баку отметить 80-летие моего брата Аликрама, знаменитого тариста и музыканта-исполнителя, увы, почти ослеп, но, слава Богу, крепок (не ведал, что через три месяца полечу на его похороны); оставшемся в одиночестве после смерти жены Сурии, а недавно – дочери, названной в честь нашей матери Махфират, в одночасье умершей от тромба, закрывшего сердечный клапан (а сын

Яшар, так сложилось, живёт в Польше), прислуживала Судаба, женщина весёлая, музыкальная, иногда для себя устраивают домашние концерты, он играет на таре, она поёт; мне кажется, знаю все народные песни, но каждый раз открываю новые, простенькая мелодия, полная игривости: Вот яблоко, вот айва, а вот – гранат. Яблоко – тебе, айва – тебе, а гранат – мне...

К нашему приезду собралась многочисленная родня, в том числе, мои троюродные сёстры по единому нашему деду, но разным его жёнам: я – от первой, Афаг и Лейла – от второй, они дружно утверждали, что третья жена Ширингыз – никакая не сестра боцмана, а младшая сестра их бабушки.

Я доказывал, что помню с детства, а главное – не принято, чтобы женились на живых сёстрах, даже в сказке, где герой носит имя деда, женитьба на сёстрах, вызволенных им из драконьего плена, исключалась, потому младшая сестра – метафора, так обращались друг к другу жёны. Имя Ширингыз витало над нами, смысл был известен Елене, знала эту историю, и когда произнесла имя вслух, прозвучало с русским акцентом, сладкозвучной чёткостью, и Судаба, ни слова не знающая по-русски, вдруг сказала, обращаясь к Елене: Ти есть хароши ширингыз! – все расхохотались, спор прервался. Трудно было представить, что вот так все мы вместе, столько тепла и уюта исходило от таких разных, но родственно связанных, а самое удивительное, что впервые вижу девочек... какое уж там: каждой вокруг пятидесяти, много слышал о дочерях Лейлы, единокровной сестры моей мамы, а в суете текущих дней не довелось увидеться.

Несказанная моя радость, что ночевал в комнате, где появился на свет (мама, говорили, родила меня легко); в последний раз я, кажется, ночевал здесь... полвека назад. Ложась, глядел на пятиметровой высоты потолок, вспоминая, как мама велела мне, подростку, вымыть потолок, и я – стол на стол, да ещё табуретка, и только тогда дотянулся до потолка, мыл его, струйки воды ручьём лились по рукам за спину, на грудь... – тогдашний дискомфорт преобразился сегодня в светлые воспоминания.

Третью женитьбу мужа бабушка рассматривала как блажь, для выражения протеста нужен был повод, он вскоре нашёлся: скандал с умыкнутой дочерью: так и представляю, как юная Махфират, ей и шестнадцати нет, в шёлковом платке, пугливо озираясь, садится в фаэтон, за нею – смелый Гасан, тёзка твоего отца, Дина, а в ушах звучит популярная в те годы песенка фаэтонщика:

Я фаэтонщик, горе мыкаю, Конь мой быстр, и сам я молод, Ввязался в игру, азарт погубил – Проиграл все свои деньги, нищий теперь!

... И тут внук Аликрама Хаял с женой Джамилёй торжественно вносят лочь – правнучку брата, она только что родилась, мы с братом просили назвать её Махфират, в честь недавно умершей матери Хаяла (и дочери Аликрама), а также нашей с братом матери, чтобы редкое имя не исчезло. Меня вдруг осеняет, о чём поведал Дине: лично я видел аж семь поколений своей родни: прабабушка Бибиханым, бабушка Наргиз, мать, мы с братом, его дочь, внук Хаял и седьмая – правнучка брата, и трижды в этой цепочке повторяется имя Махфират; от прабабушки до правнучки, хотя не моей: тут решающее слово за Диной.

Наргиз из Крепости: «Свет моих очей»

Часто слышишь, банально: Велика роль бабушки в моей судьбе, но для меня – истинная правда: привязанностью к азербайджанскому языку и мусульманской культуре, повседневной, органичной, я обязан бабушке. Перед сном мы с братом внимали в детстве её сказкам про Плешивого, который возмечтал на шахской дочери жениться, и добивается своего всякого рода хитростями; про мальчика-коротыша Джыртана, которому удаётся обмануть лютого великана-людоеда!.. – эту её сказку я ни в какой книжке не читал. Но чаще – сказки про подвиги Мелик-Мамеда, и я никак не связывал сказочного героя с дедом, который носил это имя... – он с нами не жил, умер в мой год рождения, узнал имя позже, заглянув в какой-то мамин документ, и там в отчестве указано: Мелик-Мамед-кызы, или, на русский манер, Меликмамедовна, но никто её так не звал, ибо не успела дожить до возраста, когда обращаются по отчеству.

Кто знает, какие чувства владели бабушкой, когда в сказках возникало имя мужа: спасая из драконовой темницы красавиц – одну, вторую, третью, герой довольствовался лишь одной, кого и взял в жёны, не зарился, в отличие от реального её мужа, ни на вторую, ни на третью... Лишь впоследствии открыл для себя всеобщность сказочных сюжетов, они-то бродячие, вот и разберись в потоках – от кого первого пошло: юнанцев-греков, римлян, бизансов-византийцев, турок-османцев? В бабушкиных сказках был и циклоп, одноглазый великан Тепегёз – глаз на макушке, летящий конь, Жар-птица, или Зумруд гушу, переносица Мелик-Мамеда из царства тьмы, куда его завёл Чёрный баран, в царство света. И про то, как братья, завидуя ему, бросили его умирать в колодезь. Придумывала чудища-страшилищ, соединяя обыденные слова, но мы воспринимали их как живые существа: дамдабаджа – печь на крыше, а паласгулаг – уши, или бахрома, паласа.

Всю жизнь преследуем услышанными от бабушки звучными стихами, а тайну игры в них слов, кажущихся бессмыслицей, до конца не постичь: Экил-Бекил гуш иди, – Экил-Бекил птица есть, что за птица? нет такой птицы! название – Беги-Убегай, вроде Тяни-Толкая. Она на стену взобралась, села, именно на стену, а не забор – дивара гонмуш иди. Келдим ону тутмага – подкрался к ней, чтобы поймать, а она сама меня поймала: о мени тутмуш иди. Этим стихам пытался научить сына, потом внуку, но... – не хватило усидчивости, настойчивости. Много раз брался за перевод – не удавалось. И никогда не удастся: лишь приближение к смыслу; из последнего опыта: жду электричку на станции Мичуринец, она к нам ближе, чем Переделкино, как всегда, запаздывает, сочинил: Экил-Бекил птицу звать, Пела, зазывала. Я подполз её поймать, Хвать – меня поймала! Смысл передан, но исчезло сладкозвучие, испарилась аура.

Матери не до нас, но с нею связано потрясение от театра: повела нас на Гёй гуш – Синюю птицу, думал, это о нас: Вот тебе хлеб, вот тебе сахар...; мама акушерит в больнице, а бабушка... – кто слушается бабушку? но ведь именно она, мудрая, как-то сказала, имея в виду больших людей, репрессированных наших родственников, использовав птичью метафору, – де, птицы узнаются, или различаются и по полёту, и по клюву: есть птицы, которые едят, а есть – которых едят. И, помолчав, будто сказанное вовсе не о птицах, добавила: «Жалко их, но что поделаешь: затеяли борьбу за власть, стул даvasы, кто

кого съест!» По бабушке выходило, что вполне могло статься, что не эти – тех, а те – этих.

Самое любимое для нас с братом – влезть к бабушке в тёплую постель, что нам отец строго запрещал; она спала на полу, толстый матрац, шерстяное стеганое одеяло, мы ждём, когда отец уснёт и – юрк к ней. Она не знает, что такое наказывать внуков, и когда мешаем совершить намаз: только согнётся в коленках, припечатается лбом к молитвенному коврику, как вскакиваем ей на спину, хватаем за голову, тянем за жиденькую косу, валимся и перекатываемся в разные стороны, и она, бедняжка, лишь защищается, ни упрёка, ни ругани. А ругаться умела, самая страшная – Итин гарнындан чыхан, или собачье отродье, колоритно звучит по-азербайджански: вышедший из чрева собаки. И я ей отвечаю: Не меня ругаешь, а свою дочь!

Пережила бабушка своего мужа на тридцать лет, а дочь, мою мать, – на десять, умерла в мои двадцать семь, а ей было девяносто пять по паспорту, а на самом деле – семьдесят пять, о чём ещё будет. Растила дочерей, старшую Махбубу выдали за набожного Али-Мамеда, образован, зовём меж собой Бирдже-даи – единственный дядя, родом из тихого пригорода Баку Пиршаги – зелёного, песчаного, некогда наши поэты облюбовали его, пока их в 1937-м не разметало: здесь создал Мюшфик лирическую поэму «О, если бы вернулись те дачные дни...», её светлое содержание в свете последующей его трагедии звучит с ностальгической болью, да простится мне сентиментальность.

Угрозило Али-Мамеда придти в Крепость (не тогда ли узрел невесту?), а когда уходил, так совпало, началась мартовская война 1918 года, март давасы, как говорила бабушка; много дней длилась массовая бойня азербайджанцев и к власти пришла Бакинская коммуна; большевики оправдывались: мол, война началась как классовая и переросла в национальную, – высокий Али-Мамед оказался лёгкой мишенью, чудом остался жив; видел я сквозь сетку-майку след от пули на его спине: шишка с кулак.

Со старшей дочерью вышло честь-честью: сваты, кябин, свадьба, а за младшей, моей мамой, Наргиз-ханым не уследила: сбежала из дому с проходимцем, как сказал о моём отце его будущий тесть, то бишь мой дед. Что ж, полюбили друг друга... Побег этот вызвал переполох в семье, тем более что случилось в девичьем доме бабушки, Крепости: хватились – нет Махфират! Соседи видели, как в шелковом платке, без принуждения, сама села с красавцем-парнем в фазтон и умчалась в неизвестном направлении.

Мелик-Мамед был взбешен: как могло случиться – дочь умыкнули! На весь род позор!.. Недавняя советизация (в слове оттенок насилия, так на самом деле было, заменили вскоре на установление Советской власти) выдвинула лозунг: Революция в быту! Революция в сознании! К тому же мой отец именно тогда служил в рядах рабоче-крестьянской милиции... – по доброй воле случилось, обоюдная, т.с., любовь... – неистребимое убеждение сыновей.

Побег матери меня всегда волновал и восхищал: свобода личности!.. Но родня не любила вспоминать об этом, и Аликрам, брат мой старший, ревностно чтивший обычаи, в отличие от меня, заражённого чужеродным интернациональным духом, обходил эту тему, будто ощущая неловкость от приключившегося, а то и возражал, мол, выдумки недругов; но одно дело конкретные обстоятельства реального мира, осуждающего вызов традициям, а другое – интрига художественная: тюрчанка против патриархальной косности! Замысел мой так и не реализовался, а если что и написал об этом – назывное,

декларативное; вот если б соединились революционность с мистикой духа, на крыльях любви витающего. О женском раскрепощении много героико-манифестального сочинено – сдавать в макулатуру совестно, выбрасывать жалко, хранить нелепо, разве что как собрание языкового опыта, разумеется, пропустив через идеологическое сито. Но ведь и раньше умыкали невест, и не только в Азербайджане. Так что объяснение не в социальной раскрепощённости, а в натуре матери – сильной, независимой, будто изначально знала, что не будет ей отпущено время на ожидание и выбор.

Дерзкий шаг дочери якобы послужил причиной раскола в семье; дед, рассказывают, жестоко избил бабушку, прогнав из дому: не удержала дочь – сама отправляйся за нею! Разгневанный выходкой сына, прадед мой Аджеджбаба, любивший невестку, как и моя прабабка Мешади Бейим-ханым, или Беюк-Меме («Большая мама»), прогнал его из дому: иди, мол, к двум другим своим жёнам, и назвал при этом лишь одну – Ширингыз; жёны жили неподалёку, дед купил для них домик, где поныне живут Афаг и Лейла, внуки деда от второй жены, подарившие мне ту самую визитку.

Поступок дочери, моей мамы, вдохновил бабушку на бунт – в ней копилось давно, собиралась уйти от мужа после третьей его женитьбы, да некуда было, возвращаться в родительский дом – позор, а тут можно уйти к дочери. Но перед тем помогли составить копию брачного договора-кябина, очевидно, нужного для советского подтверждения брака, заключенного за двадцать лет до того, и бабушка ушла в семью дочери, которая вскоре родила внука-первенца, и уходу бабушки придали для внешнего сплетнелюбивога мира вполне житейский резон: некому, де, присмотреть за ребёнком, надо помочь дочери, трудно ей сочетать работу с учёбой... Ах, она ещё учится! – судачили, не принято, чтобы замужняя училась!.. Родня вскоре примирилась с молодой семьёй.

В Крепости, в маленьком дворике, где родилась бабушка, жили три её брата и две сестры со своими семьями, их мама – Бибиханым, помню прабабку, прадед умер задолго до моего рождения... Впоследствии именем своей матери бабушка назовёт внуку от первой дочери Махбубы, и Бибиханым с более цепкой, чем моя, памятью, восстановит незадолго до своей смерти имена сестёр бабушки, Мешадибейим и Хаджар. Промышляли братья – Каблеи (а его жена – Шарабаны), Абдулбаги и Дашды (сокращённое от имени Дашдемир, «Камень-Железо»), торговлей, в их дворе, кроме того, размещалась в пору бабушкиного девичества и пекарня, запах свежего хлеба не выветрился, я всегда его ощущал, вступая во двор. Тесто месили, пекли чуреки, лаваш, готовили сладости к весеннему празднику Новруз-байрам: пахлава, шекербура, сюд чорейи – молочный хлеб, шор-гогал – лепёшка солоноватая; в домах её, дабы не нарушать сладостности праздника, не пекли – округа приходила покупать у них; кипели страсти, случались наследственные разборки тоже; у старшего брата бабушки не было детей, а у Дашды жена часто рожала, и они трижды дарили бездетному родичу ребёнка; двое не дожили до года, третий жив, ровесник мой Мусейиб, сын двух отцов и двух матерей, ему почти восемьдесят, дети, внуки, строит-расширяется в Крепости, доме предков; о них расскажу в другой раз (но будет ли другой раз?).

Махфират – слово из Корана, ставшее именем

Сказано: Молитесь Богу, дабы добиться у Него благосклонности, махфират, и Он простит вам ваши грехи! Вообще-то, многие имена у мусульман коранического происхождения... Если со дня моего рождения 20 апреля 1929 года... – о, как я переживал, когда, перелистывая в юности энциклопедию или примечания к историческим сочинениям (любимое занятие), узнал, что это – день рождения... Гитлера; но возликовал, открыв ближе к нынешним годам, что мой день и месяц рождения, если перевести лунный календарь на юлианский, – те же, что у пророка Мухаммеда (прости, Боже, что назвал Твоего посланника рядом со злодеем из злодеев – Гитлером). Так вот, если вычесть положенные месяцы со дня моего рождения, то будет июль года предыдущего, пик жары, когда на даче в Мардакянах под Баку (до моря идти долго, надо выйти рано, когда лучи солнца не обжигают) отдыхали отец и мать в свежесыромяченном известью домике с единственным окошком на стене, зияющим чёрной дырой. Мать с отцом смотрели на окно, и мать, прижав меня к себе, сказала: Запомни, мы здесь жили, когда тебя не было на свете, но ты должен был появиться, – и переглянулись, отец в майке-сетке, во взглядах была странная, загадочная теплота.

Огромный участок, обилие виноградников стелется по мягкому, чистому песку, приземистые деревца инжира (позже узнаю: инжир – смоква библейская), высокие тутовые деревья с крупными и сладкими ягодами, белым, чёрным и розовым тутом – шелковица; о ягодах, сколь целебны, а более о листьях почтительно говорит бабушка, чтобы внуки знали: поедая листья, червь шелковичный замуровывает себя в кокон, вот как, досочиню, действительно проявляется натура червя – одаривать шелковыми нитями человека... на нас с братом жёлтые шёлковые рубашки, праздничный наряд к какому-то событию.

Испокон веку дачное пространство принадлежало родителям бабушки; в советские годы экспроприировали, громоздко-грозное слово, услышал много позже, когда учил азы марксизма-ленинизма, нравилось, что пишу правильно, как и без запинки произношу похожее, точно близнецы, эксплуатация, не через у, а о, как Ленин. Семье оставили малую часть земли у дороги с единственным чёрнотутовым деревом, взобравшись на которое, верхняя ветка выдерживает вес, можно увидеть море. И перевезли сюда прах деда бабушки из старинного кладбища мусульман в Чемберекенте, потревожив дух: намечается прокладка дороги, стройка многоэтажных домов, здания ЦК Компартии, добавить букву в скобках б, большевиков, чтоб не путали с меньшевиками. Маяковский удостоверяет: Чемберекент. На пригорке сад. Лестница белого камня. Было кладбище. Велели родственников перенести. Теперь разрастается парк и сад, а лестница из невзятых памятников. Прах пращура похоронили в дальнем углу дачи – у каменного забора, засыпанного песком, было боязно туда ходить.

Рос я в утробе, проходя миллиарднолетний, по Дарвину, биологический путь от одноклеточных до человека.

Между тем жизнь в молодой семье текла своим чередом, домысливаю на основе виденного и слышанного, – с бытовыми радостями, что, слава Богу, живы-здоровы, неурядицами и ссорами, как без них в патриархальном мире с земляческими пристрастиями: отец – шемахинец, в детстве

переселившийся сюда с братьями, мать – коренная бакинка. Была она при собственном рождении, как рассказывали, полна сил, пышила здоровьем, о чём свидетельствовали её алые пухлые щёки, и это отчего-то встревожило мою суеверную прабабку. Смутно её помню: маленькую, сторбленную в комочек старушку, удивился, когда увидел в глазах бабушки, которая помогала ей двигаться, детское, послушное, говорит мне: Она моя мама, старая, больная, не надо ей мешать, и та, как тень, исчезала в крохотной своей комнатёнке – все комнаты тут, после наших просторных и высоких, кажутся маленькими. Прабабка, боясь сглаза, велела, чтобы ребёнку – моей маме – кровь пустили: слегка надрезали спинку у лопаточки, оказалось, неудачно, оттуда брызнула кровь, так хлестала, что еле остановили, с тех пор и росла хилой, болезненной.

Знахарское лечение погубило и самую прабабушку: захворала, слегла, попросила, чтоб пылающим факелом вытеснили воздух из глиняной пиалы и приложили к её смазанной жиром груди, дабы втянула дурную чёрную кровь, от которой якобы хворь, так издавна изгоняли простуду. Уснула, а утром застали мёртвую, запомнил тёмное вздутие на её груди; увы, и бабушка моя умрёт от того же, но вместо глиняной пиалы была стеклянная банка.

Мать в её четырнадцать лет случайно увидел мой будущий отец Гасан, старше матери, если судить по его году рождения, на семь лет. Но как и где он мог её увидеть? То ли так было на самом деле, то ли присочинил на основе услышанного, но версия такая: на набережной Баку – парад войск, все устремились туда, и та, что станет моей мамой, захотела постоять у Девичьей башни, поглазеть на аскеров национальной армии. Среди них – новобранец, заметил ту, что выглянула на миг из-за башни, тоненькая, ликующий взгляд, восторженное лицо, густые в разлёт брови, отряд давно ушел, а он застыл на месте, ликованье сменилось тревогой: исчезла! Разыщет? Ну, а дальше? Куда приведёт, будучи без кола, без двора? В дом, где старший брат Ага-Али занимает с семьей две комнаты с кухней в уплотнённом доме миллионера Ашурбекова?

Зловещие аббревиатуры

С чувством гордости в автобиографиях дооттепельной поры (немало их пришлось писать: в школе, при поступлении в комсомол, вузе, аспирантуре, при приёмах на работы...) отмечал, что отец (в скобках 1901, год рождения, как запечатлено на могильной плите, на самом деле 1897, и 1939, год смерти) служил в Управлении рабоче-крестьянской милиции, аббревиатура УРКМ, и добавлял в конце: при НКВД Азербайджанской ССР.

Это щит – прикрыться от напастей, сам испытал впоследствии гипнотическое при, когда пригласили в Академию общественных наук при ЦК КПСС на кафедру теории литературы и искусства; времена нынче изменились, кое-кто из АОНовцев старается не вспоминать эту страницу в послужном списке (так, во всяком случае, было до недавнего времени), обойти (как выкинешь слово из песни?) приставку, хотя кто помнит партшколу, к тому же переименована в РАГС, Российскую академию госслужбы, и

вместо старой при ЦК КПСС новая: при президенте РФ.

Выручало в общении со служивым идеологическим людом, не из них ли ты сам? удовлетворяя при этом и собственное тщеславие, когда пальцем в книжечке с гипнотическим АОН при ЦК КПСС, прикрывал непонятное АОН. Шутил в пору распада страны: в те годы впечатляло, если прикрыть пальцем АОН, а в постсоветские – при ЦК КПСС. Из всемогущей этой кузницы кадров вышла почти вся уходящая элита, властная и оппозиционная, не только России, но и других стран СНГ, и длинный список этот могли бы возглавить из живых – Геннадий Зюганов и Нурсултан Назарбаев, а из покойных – Александр Яковлев... Прочёл как-то его книгу воспоминаний «Сумерки» (соседи по даче Каверины дали) и с первых строк, каюсь, у меня возникли сомнения в искренности идеолога перестройки: это рассказ о зверствах социалистической системы и – без покаяния, хотя советские жесткости – продолжение многовековой нашенской ментальности; к тому же в книге отсутствует взгляд с позиций инонационала – без революции продолжилась бы молка-перемолка этносов, хотя и ничего плохого в ассимиляции с точки зрения мировой истории я не вижу (для иностранцев все мы – русские, обитаемое нами пространство – земля русских), но всё же птичку жалко.

«Палаческая власть Ульянова (Ленина) и Джугашвили (Сталина)», – пишет Александр Яковлев: стилистика тут заданная, а скобки фальшивы (де, грузин?); разве не в многовековых традициях почти немецкой династии Романовых большевики, в том числе грузин Сталин, крепили с той или иной долей субъективной жестокости русское государство? Конечно, не забудем, что Александр Яковлев проделал колоссальную работу по изданию закрытых партийных материалов, как в поговорке у нас говорится: «Ачды сандыгы – токду памбыгы», или «Откинул крышку сундука – разворошил содержимое»: с 1997 года в учреждённой им серии «Россия. XX век» вышло немало под его редакцией книг, из которых узнал много поучительного, в том числе, и о моём соседе В.А. Каверине, кому крепко досталось в те годы за гнусные произведения, чуждые идейной направленности советской литературы; припомнили Каверину из повести «Художник неизвестен», клеветнической, заумной, охаивающей советских людей, слова персонажа, точно принадлежат писателю (живучий «метод» анализа художественного текста): Запад для нас – это ящик с инструментами, без которых нельзя построить даже дощатый сарай, не только социализм.

Не хочу оспорить прозвучавшее в день похорон Яковлева желание встроить его в ряд дорогих русской культуре фигур – Андрей Сахаров, Дмитрий Лихачёв, Александр Солженицын, Борис Пастернак. А недавно попалась мне блистательная записка Яковлева Горбачёву (личное, январь 1988): Есть математические задачи, которые не имеют решения, – они неразрешимы. Существуют и математические методы, которые доказывают неразрешимость таких задач. Подобно им, карабахская проблема сегодня неразрешима.

Помню, встретились с Яковлевым на какой-то презентации, дружески поздоровался со мной как со старым знакомым, а я ему, что часто вспоминаем его с бывшим завкафедрой АОН Новиковым: «Как? ВасВас жив (так звали Василия Васильевича)? Ему ведь...» «Да, почти девяносто». «Он был непредсказуем, слыл ортодоксом, но неожиданно мог оказаться вольнодумцем, частенько спорил с Черноуцаном, это мой старинный друг». Разные люди работали в ЦК, даже относительно смелые, вроде

Черноуцана, хотя костяк составляли карьеристы, был, к примеру, партдеятель-«философ» К.Д., клеймил «советологов-кремлелогов», разлагающееся буржуазное искусство, мечтая быть приближенным к первым лицам, дабы влить в их одряхлевшие головы свежие идеи в духе Макиавелли, как научно править обществом, а нынче доказывает объективность и правдивость тех, с кем он, наивный, тогда боролся.

Понравился Яковлеву мой сон, который рассказал ему: «Захожу в нашу с Вами бывшую Академию, и у нашей кафедры один из сотрудников с укором мне: У вас большие задолженности по членским взносам, а я ему: Какие взносы? Партии нет! А он: Для вас нет, а для нас есть! Платите, а то исключим! – Исключайте! Но как же так: не быть в партии и тут работать? Иду к лифту, а мне: Лифт только для членов партии! Думаю: я же на третьем этаже, зачем мне лифт?»

Да, – говорит мне Яковлев с тоской в голосе, – будет наша бывшая Академия, ныне – Академия госслужбы – готовить кадры для единственной партии. А ведь прав: все иные партии отомрут, дескать, вносят раскол в общество, а обвинения похлеще (не только в России), что поощряют заговоры и разрушают единство России, и да здравствует однопартийность!

Слушая его, я думал, что и он, очевидно, как я, долгие годы даже после XX съезда верил в идеальный социализм, что хорошие идеи исказились, кардинальные перемены неизбежны, и потому, мне думалось, надо изыскивать легальные формы протеста против реальной системы, наивно полагая, что, говоря через историю о современности, выражу наболевшее: описывал средневековые деяния кровавого Шах-Аббаса, церемониалы тогдашних сборов, встреч, имея в виду ситуации политбюрейные – очень уж были они, как представлялось по рассказам сведущих, схожи.

Но каждый раз – полная безысходность, что никаких изменений к лучшему не будет. А после перестройки за ширмой демократии состязались загребущие собственники: кто кого перемиллиардит.

Взгляд российского инонационала

Думаю, когда-нибудь все согласится с моим тезисом: Каждый помнит, как резали их, но никто не хочет признать, как резали они сами, и учредится Всемирный день покаяния, и тогда россияне, к каковому отношению и себя, честно признаются, что основным, всепоглощающим делом, смыслом и занятием титульного народа в течение веков было до самого недавнего времени то, что нынче именуется ёмкой формулой военно-промышленный комплекс: уметь воевать, защищаясь, нападать и шириться, обрастая новыми территориями, ну и, разумеется, иметь собственного производства совершенное современное оружие; и важнейшим стратегическим обретением, своего рода залогом непобедимости стало огромное непроглатываемое пространство с вечной мерзлотой и сибирскими далями, для удержания которого опять-таки необходимы были сильное воинство и мощная карательная система. Эти внешняя и

внутренняя цели доминировали всегда и во всём, и, если хоть на какое-то время, всегда очень короткое, они утрачивали актуальность, стране грозил распад, чему мы и стали свидетелями.

Наличие военного-идеологического стержня привело к тому, что за многие века не выработался здесь достойный уважающей себя страны мирно-созидательный комплекс. Но как национал-россиянин замечу справедливости ради, что социалистическая революция, как и развал страны, больше всего ударили по титульному этносу, многие другие народы так или иначе оказались в выигрыше: после революции – формирование и развитие национальной культуры, после развала – обретение государственности.

Другая сторона медали – равнодушие до наплевиства властных структур к жизни как собственного народа, так и инонационалов, коих, за исключением титульного, называли, что показательно, инородцами, точно пришлые, не коренные, – традиция, идущая от имперской России. Хочется особо подчеркнуть некий что ли парадокс: даже для свободолюбивых деятелей, начиная с декабристов, характерно было видеть Россию только как государство русских, инонационал при разговоре о её будущем просто не всплывал, игнорировался, да его и не спрашивали об этом. И эта традиция, с тех времён идущая, определяет мирозерцание даже таких деятелей, как... – с кого начать? Александра Яковлева? О нём уже было. Александра Солженицына? О нём ещё будет. Но, как это всегда бывает, и на сей раз существуют исключения: есть... Пушкин, который при всей своей политической преданности России (хотя бы отношение к Польше и её восстанию), видел Россию многоплеменной: в коротком «Памятнике» он, вот уж, помимо дальновидения, редкое даже теперь и недостающее многим современным политикам этномышление, вспоминает «внука славян», мало кому известных «тунгусов»-эвенков и почти целая строка – о «калмыках». А какую самокритичность он проявляет в «Путешествии в Арзрум»: Лёгкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения.. Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. А вот о поэте Фазил-хане (Шейда): с помощью переводчика начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека! Со стыдом принуждён я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Впредь не стану судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям.

Сродни Пушкину (всего лишь двое?) Лев Толстой: не случайно – как какое этно-национальное неблагополучие в России, а оно слишком часто, властным чинам робко советуют непременно прочитать (боюсь, мало кто из них читал) «Хаджи-Мурат». Так что великими русскими завещаны традиции по крайней мере сочувствия и отзывчивости, а то и явного-скрытого чувства вины.

P.S. Так долго Пушкин занимает моё сознание, что однажды приснился: комната в общежитии, едим-пьем, является один к застолью, говорит, с Пушкиным был. «Как с Пушкиным?!» – спрашиваю. А он мне, что должен в 3 часа вернуться напарника сменить, «можешь пойти вместо меня». Жду-не дождусь, а потом иду по коридору, стучусь в дверь, вхожу и... Пушкин! Захлёбываясь от восторга, что-то путанно говорю, не находя нужных слов, чтобы выразить чувства, а он: «Не надо, оставьте, успокойтесь!» «Вы, великий, такого второго...» Перебивает меня: «Да что Вы в самом деле заладили?» А я: «Знаете ли, из какого я времени?» И тут Пушкин вдруг вспыхнул и зло: «Да умолкните, наконец!

Какие глупости!» Напарник знаки мне делает, мол, оставьте его, шепчет у двери: «Как можно говорить ему такое, он ведь в своём времени!»

А я подумал: не слишком ли тяжкое бремя в назидание другим я взваливаю на плечи бедного Пушкина?

Протокол допроса

В 30-е годы отец работал в 3-м о/м, сохранился в памяти эпизод, некогда запечатлел ностальгическое состояние: крутится чёрный диск, мне кажется, что музыканты внутри ящика, из которого вылетают звуки. Сажу на табуретке, ноги чуть касаются перекладки между двух ножек. Я в комнате третьего отделения рабоче-крестьянской милиции, что в одноэтажном глинобитном доме с зарешёченными окнами. Здесь одни мужчины. Патефон крутит пластинку – лезгинка! А мужчины, рослые, большие, на пяточке против стола танцуют. Хрустят коричневые упругие портупей, оттопырены галифе, блестят начищенные сапоги. Отец любит танцевать, и другие милиционеры не отстают от него, встают на носки, как настоящие танцоры... Много лет прошло с тех пор, даже не верится, что было: милиция, лезгинка, танец мужчин. Они почти все, как и мой отец, – из деревни, пришли добровольно в эту самую «рабоче-крестьянскую», верят в то, что делают, и делают то, во что верят. Лица расплылись в улыбках. Я рад, я захвачен танцем больших мужчин.

Говорили в семье: накануне его командировали в горный район на борьбу с «бандитами», не привыкший к конной езде, он сильно натёр пах и – заражение крови; во время операции поняли, что не спасти, зашили рану. Отец видел бабушку, когда в полном сознании увозили на каталке, «бодрым голосом» сказал (сочинила в утешение?): «Прощайте, я ухажу! Береги моих сыновей!»

Странная заключительная фраза отдельной строкой в последней автобиографии загадочна в свете скорой, через месяц с лишним, гибели (недавно исполнилось 70 лет со дня смерти отца 3 марта 1939 года) : В данное время себя чувствую слабым. Но разве такое пишут в официальных бумагах?! Предлог уйти из милиции? Слабым проводить тяжкие операции? выполнять непосильные поручения?

Судьба отца выстраивается из недоговорённостей, случайных фраз, сказанных скороговоркой, словно запутывающих. И возникает отчего-то образ преследуемого лиса, убегающего, заматывая следы, в снежный лес, и меж деревьями мелькания ярко-рыжего. Постоянные метания в поисках работы, чтобы отвечала душевному настрою, и невозможность её найти? Уволили, ушёл, всё временно, нестабильно. Единственный грамотный, что редкость в те времена, среди братьев – мысля в русле его дум – и людей его среды, кустарей и мелких торговцев, и – невозможность удовлетворить тягу к дальнейшей учёбе, жажду учиться, о чём всегда мечтал: Сам не стал врачом – сын (на меня показывает) станет, а этого лоботряса (имеет в виду Аликрама) инженером стать заставлю! Меня охватывал страх: вдруг и меня заставит?

А тут – милиция. Госслужба. Новомодная. Облачён, работая в органах частичкой власти (и тогда, и потом, даже сегодня для многих моих земляков престижно, рвутся сюда), защищён от всяческих житейских невзгод мундиром, который... – однажды в тёплый летний день нищий пробрался в наш дом, сбросил с себя в прихожей лохмотья, облачился в отцовскую форму... – о краже догадались, когда увидели под вешалкой какое-то тряпье, долго не могли понять, что случилось, лишь потом сообразили; казалось – курьёзный случай, но что-то символическое в этом: а ну как отнимут мундир?.. Но милиция не для вольнолюбивых, каким, представляется, был отец: жёсткая дисциплина, кабала обстоятельств, просто так не уйдёшь.

И не идёт из головы: Чувствую себя слабым... – попытка сбросить с себя груз зависимости? Хочу трезво судить об отце, не идеализировать. Не припомню, может, по малолетству, моментов шикования (компьютер подсказывает, что точнее – ликования) в нашей семье при отце, а тем более после него. Жили от сих до сих. Не видел и не слышал, чтобы кто-то что-то принёс домой в виде подарка. Был у нас, правда, семейный врач, седой, в очках, истинно докторская внешность, помню фамилию: Семёнов; я простужался часто, и он, уходя, категорически отказывался от денег: Никогда не возьму, – говорил, – всю жизнь вашему мужу благодарен! Домысливаю, что отец помог ему получить паспорт в пору т.н. паспортизации в начале 30-х, когда действовали ограничения по части социального происхождения. Даже в пору недостижимого взлёта двоюродных братьев матери, особенно, Гусейна Рахманова, в сущности, второго человека в республике, – это никак не отразилось ни на карьере отца, ни в нашем каждодневном быте. Но привилегии были: как-то пошли с матерью в дом на набережной, или, как в Баку, на набережную без дома, в НКВД-КГБ, спустились в склад, нам выдали по талону зеленоватое сукно, из чего сшили мне и брату шинели и тут же – фотографировать; неудобно в шинели, шея чесалась, руки и ноги скованы, весь заключён в панцирь, зато никакие свирепые ветры, часто дующие в Баку, не остудят тело.

И милиция морально, может, и физически измотала, сгубила отца: струсил, когда арестовали родственников жены, солгав, что никаких связей с ними... Сам я, будучи с детства, как теперь понимаю, впечатлительным, непримиримо отношусь ко лжи, не замечая порой собственной. Так что же – всё-таки пытаюсь идеализировать отца, выгораживаю его? Замечал подобное сыновнее отношение (понять, как бы оправдав?) у Юрия Трифонова и Булата Окуджавы: оба, первый – в повести, второй – в романе, писали о родителях, так или иначе обслуживавших участием-неучастием, в прямом и переносном смысле, пусть даже партийно-лозунгово карательную систему и в итоге стали её жертвами. Но... сравнивать рядового сотрудника милиции со статусами... – да разве дело в этом?

Но знаю ли своего отца, который умер в мои десять лет, а как умер – образовалась вокруг пустота, ни одного ни от кого – ни друзей, ни сослуживцев и знакомых, звонка, время не располагало к общению, а потом – война; рассказы же в семье были скупы, так что об отце больше домысливаю, нежели основываюсь на реальных фактах, руководствуясь при этом интуицией, инстинктом и, может быть, выдаю порой желаемое за действительное.

...Прочёл я автобиографии отца разом и вложил меж пустых страниц пожелтевшего, полуистлевшего Протокола допроса, некогда из письменного стола отца выудил, приковывал внимание незаполненными

вопросами:

Социальное происхождение до революции, после революции.

Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др.; когда, каким органом и за что: а) до революции, б) после революции.

Служба в белых и др. к.-р. армиях: когда, в качестве кого.

Пытаюсь понять: почему я это хранил в своих бумагах, таскал с собой при многочисленных переездах из Баку в Москву по общежитиям, съёмным углам и комнатам, в своей квартире одной, другой, на даче? Как память об отце, нечто вещное, что связано с ним? Мальчишеское любопытство проникнуть в загадочный мир отца? Или непохожесть листка ни на что другое печатное, с чем сталкивался? Притягивал в протоколе грозно пугающий гриф-надпись: НКВД Азербайджана, а под ним: Управление Государственной безопасности. Или обладание им было для меня, который представлен с отроческих лет самому себе и ощущает без отца незащищённость, гарантией собственной безопасности? Но разве только подобное я хранил: в старых бумагах – и копия брачного свидетельства моей бабушки, ряд других бумаг, о которых будет сказано. Не утратить ощущение корней? Внутренне неосознанное, но жившее во мне чувство летописца, что кому-то это может пригодиться?

Уже тогда в моей жизни было ощутимо присутствие третьего поколения, а когда ты родилась, Дина, я понял, зачем явился на свет и почему всем этим дорожу. Тут к слову вспомнить древний афоризм: Девлетде – деде, евладда – неве, то есть: В богатстве (мерило) – верблюды, а в детях – внук, можно сказать внука, у нас на азербайджанском нет родов.

Кто мы?

Да будет тебе известно, Дина, – рассказываю внучке: в одной только России более тридцати тюркских народов, их всех называли татарами для удобства ли запоминания? из-за инородческой ли глухоты?, различая лишь по месту обитания: казанские, крымские, тобольские, кавказские, астраханские, закавказские, алтайские... Для грузин мы и поныне татары, для армян – турки, и нет различия, тут влияние исторической судьбы, между турками-османцами и нами.

Официально азербайджанцы – с конца 30-х, а в пору паспортизации нас записывали тюрками, через букву ю, дабы мы отличались от османских турок. Случалось, нас даже называли мусульманами, этническое вытеснено религиозным: многие века мы находились в составе Персидской империи, и она постоянно внедряла в нас мусульманско-шиитское начало, такая политика продолжается и сегодня, и гасила при этом этнос, дабы настроить против извечного соперника-врага – Османской империи, обиталища презренных суннитов. В пору формирования у нас в начале XX века этнического самосознания (у грузин и армян оно с незапамятных времён) вышел фельетон, спрашивают у земляка:

«Какой ты национальности?» «Мусульманин я», – отвечает он. «Я спрашиваю не про веру, а национальность». «Говорю тебе: мусульманин». «Нет, ты не понял, есть христиане-армяне, христиане-грузины, а кто ты?» «Глухой, что ли? Мусульманин я, и не ввергай меня своими вопросами в грех!»

А в новом тысячелетии некий автор едко-хлётко заметил, дабы позлить этно-озабоченных, что мы или туркмены, заблудившиеся в горах Кавказа, или отуреченные арабы, может, обрусевшие албанцы или прикаспийские татары. Разумеется, всё это не означает, как любит делать кое-кто из наших этно-недрузгов, что мы чуть ли не вчера на земле появились... Более того, скажу, что наша трёхимённость даже импонирует мне: можем называться тюрками-турками, наследуя по праву языкового родства всё тюркское в мире; мы – мусульмане, и цивилизация ислама наше культурное достояние; и мы по названию занимаемого пространства, что переводится как Край огня, – азербайджанцы, и предки наши были огнепоклонниками.

Феномен Этаги

С бабушкой шли мы, маленькие, мимо дома Этаги, Человека(господина)-мясо, он почитался святым, был как бы без костей, одни хрящи, весь день сидел, полуразвалился, в кресле у крыльца, голова еле держалась на плечах, постоянно валилась на бок, взгляд рассеянно-блуждающий, руки трясутся, – к нему тянулись люди, веря в чудодейственную его силу, совершали паломничество к «святому» – с дарами, деньгами, поток к нему, причём, людей разных национальностей и вер, был нескончаем, особенно в годы войны, чтоб спас, сохранил, защитил, избавил от горестей и болезней. В канун развала страны вышел листок на азербайджанском Феномен Этаги с его портретом, а под ним – полное имя: Ага Сейидали Мир Абуталыб оглы Мир Мохсунзаде, с рассказами о нём видных деятелей Азербайджана, назову некоторых: учёные Зия Бунятов, Азад Мирзаджанзаде (часто у меня тогда случались головные боли, водили к Этага, и он снимал их, детской своей интуицией я ему верил), Мамедэмин Салаев, муж племянницы Этаги, писатель Иса Гусейнов (Мир-Джафар Багиров, дабы искупить свои грехи за пролитые моря крови, тайно оказывал почести святому); тогдашний кандидат в президенты Абульфаз Эльчибей.

В годы войны под видом близости немцев (был план в случае оставления Баку взорвать нефтепромыслы) решили выслать неблагонадёжных, в том числе Этагу, по ту сторону Каспия, и пароход... не сдвинулся с места: паровые котлы давно не чистились, образовалась накипь; суеверные решили: Кара Аллаха; сняли Этагу с корабля, подчистили трубы и – без Этаги – корабль поплыл... В войну жена одного воина дала обет одарить Этагу, если муж вернётся живой – вернулся, и она, не впуская его в дом, бросила с балкона мешочек с деньгами, чтобы прежде шёл к Этаге; был поздний вечер и, пока он шёл, наступил комендантский час – задержали в комендатуре до утра. А один дал обет:

месяц быть слугой в доме Этаги, выполнять самые грязные работы.

Город, по рассказам родичей, не знал таких грандиозных похорон, как проводы Этаги (умер года через два или три после войны – меня тогда в Баку не было). После его смерти пришли из органов, собрали вещи, погрузили в машину, но... – не сдвинулась с места! Срочно явился рангом повыше, – никак не заводится! Не поедет она! – кто-то из толпы бросил. Глянул на того чин в гневе: сеет недоверие к властям? потакает вредным настроениям? а у самого в душе сомнение: вдруг поистине святой? Не стали упорствовать, выгрузили вещи, и – машина поехала! Поньше его могила в пригороде Баку – святилище, о чём поведала в новом тысячелетии правнучка моей бабушки, дочь Бибиханым Лала, шахматная гроссмейстерша, далёкая, кажется, от суеверий; непременно посещает могилу, когда предстоит что-то важное: даст обет и задуманное, как правило, сбывается.

По сей день услышишь: Клянусь Этага!

В конце дня мешки с красными тридцатками высыпались на стол, шла лихорадочная делёжка между многочисленными родичами Святого, о чём рассказал мне сосед по московскому дому, очевидец происходившего, знаменитый литератор Иосиф Прут, или Оня, как позволял себя называть: в военные годы судьба занесла его в Баку по киноделам, где познакомился и сдружился с сестрой Этаги (как могло произойти – ума не приложу, а расспросы бестактны, неловко приставать, что и как). Запись в дневнике:

25/IX-1996. Перезахоронили в Москве Иосифа Прута, сценариста довоенного фильма "Тринадцать", кто помнит? умер в Бресте в июле на 96 году жизни по пути из Швейцарии, где родился и провел первые 18 лет. Дед предупреждал его в гражданскую войну: пойдешь служить к белым и победят, нам, горским евреям, хана, пойдешь к красным и победят – тоже не дадут торговать, купцам хана. К Будённому явился: – Чего умеешь? – Знаю английский, французский, немецкий. – Это мне не надо, белые говорят по-русски. Решил показать мастерство – оседлать кобылу, учили в Швейцарии. – Теперь скажи, – Будённый пальцем на шашку, – как называется: сабля или шашка? – Шашка, – ответил (она без эфеса). Через много лет встретился с ним, тот признался: «Если б не ответил точно – прогнал». Дважды видел Сталина: «в гостях у Светки и Васьки», на приёме в честь чего-то. Был остёр на язык, вспомнил, как наказали, не отметив его... 50-летие (?!).

На мои несостоявшиеся вопросы Иосифу Пруту про Этагу вычитал ответы в своих записях фиолетовыми чернилами на обратной стороне машинописи, отрывка из какой-то детективной истории про майора Тарланова и сержанта Теймура, тут прочитываются две мои любимые поговорки: Когда козлу надоедает жить, у него чешется затылок, трётся о пастушью дубинку: что ж, пора резать!; вторая: Не вариться в одном котле двум бараньим головам; записи всплыли, как приступил к мемуарам.

Из рассказов Имрана (Касумова), датируются 22.XI.67, часто тогда общались с ним: В 1942 году Оня Прут позвонил мне (тылы у Имрана были крепкие: жена – дочь Предсовнаркома Азербайджана Теймура Кулиева), приглашает к себе в гости, они приехали в Баку снимать какой-то фильм, кажется, "Секретарь райкома", голод, есть нечего, остановился он у Льва Вайсенберга (писатель-бакинец), Расул (Рза) мне: «Ну, чем он может нас угостить? В интуристе бурда, может, к нам позовём?» Рядом жила одна из родственниц Этаги, молода, красива, разведена с мужем, ни одного мужчину не пропустит, и всё – мало;

Оня, оказывается, приглашал к ней. На двух больших подносах две большие индюшки на шомполах, красные, поджаристые, рядом на подносах помельче – жареные цыплята. Вино, водка, закуски, стол ломится, она одна и столько мужчин вокруг, и все именитые. Прут как хозяин, а еду несут и несут, она со смехом кроет его: «Бу джуут копекоглу билмирем менден не истейир?» («Не знаю, что этому сукину сыну от меня надо?»). Я вышел по нужде, возвращаюсь, а на кухне скандал, она ругает какую-то старуху: «Нашла время принести, не видишь, что занята?! Оставь на кухне и уходи!» – захлопнула дверь, вошла в комнату, смотрю – две огромные корзины (даже верблюда Этаге приносили в дар!) битком набиты красненькими тридцатками, это её доля. «Золотые дни были!» – сказал Оня, когда вспоминали с ним то время. Жил и питался у неё два месяца, потом она нашла другого, сказала Оне, что тот ревнует, и расстались. Сейчас при могиле – контора, жертвоприношения продолжаются.

«Смотри, покарает тебя дух Этаги!»

Это не имрановы слова, их адресовал себе я сам; тут же следом за этими словами воспроизвёл рассказ Имрана, жалко не привести: Отец знаменитого Тогрула Нариманбекова был торговым представителем Азербайджанской Демократической республики во Франции, привёз в Баку молодую жену-француженку, она была отменной портнихой, шить у Ирмы считалось высшим шиком (всю их семью в годы войны сослали с шестилетним Тогрулом – на том самом корабле, на котором собирались депортировать и самого Этагу).

P.S. Подготовил отрывок специально для журнала "Литературный Азербайджан", общению моему с которым уже более полувека, сотрудничал с такими великолепными редакторами, как Дмитрий Минкевич, Имран Касумов, Иван Третьяков, Мансур Векилов, а ныне – Солмаз-ханым, дочь незабвенного Мирзы Ибрагимова.

НИДЖАТ МАМЕДОВ

ДНЕВНИК

(Январь 2006 – март 2008)

* * *

Когда-то я написал: «Странствия по пространству необходимы поэту – это его удел, предназначение, ибо главнейшая обязанность поэта – свидетельствовать (şahid və səhid olmaq) о мире».

02.01.06

Новогоднюю ночь я встретил вместе с Эськой у них дома, как и в прошлом году. Первого января вечером я приехал к себе. Ночью у нас состоялся неприятный разговор, в результате которого я решил вновь ехать к ней, но она уже не знала о том. Где-то в три-полчетвертого ночи я подъехал на такси к метро «Азизбеков», пересел на другое и мы поехали на о. Артем. В какой-то момент перед нами оказался чем-то груженный большой грузовик; было довольно морозно и вдруг через лобовое стекло я увидел, как валит хлопьями снег. Удивился. Посмотрел в боковые окна – ничего, густая ночь с мелкими каплями света далеких фонарей, домов, построек. Подумал, наверное, это грузовик полон опилками, слетающими при движении и создающими иллюзию снега. Спросил у водителя.

– Нет, – ответил он. – Это мотыльки.

– Мотыльки?!

– Их тут полно, они повсюду. Так забивают радиатор, что утром приходится вычищать.

Машина остановилась у железной дороги, чтобы пропустить состав. Приглядевшись, я убедился: действительно, мотыльки.

Кружа в воздухе, пронизанном светом включенных фар, они почудились мне хлопьями новогоднего снега.

14.01.06

С Эськой поймали такси возле до м. «Азизбеков». Перед тем как сесть, я пытался договориться о цене, надеялся сбросить на 1500 манат – они отвозят за 1,5 «ширвана», а мелочи у меня было всего 13500. Таксист жестами, которые я расценил как «не проблема, сколько дашь столько дашь, мне всё равно по пути, залезай в салон, а то шумно, не слышу», пригласил нас сесть. Лишь тогда, когда он одной рукой показывая на свое ухо и рот, другой протягивал мне ручку со стопкой квадратных желтых бумажек, я окончательно понял, что он глухонемой. Впервые видел глухонемого водителя. Для меня это было

одновременно приятным и удивительным исключением из числа словоохотливых и надоедливых бакинских таксистов, которые за пару минут способны рассказать-разъяснить всю суть, квинтэссенцию, по их мнению, семидесятилетней человеческой жизни.

Уже тронувшись с места, он указал рукой на радио, мол «включить?». – «Нет, – помотал я головой и поморщился. Он тоже поморщился и одновременно улыбнулся. Почему-то я воспринял это как благодарность за моё понимание его положения: типа, свобода, равенство и братство. Так ли это было на самом деле?

Смена эпох, переход из Советского Союза в эпоху независимости удивительным образом отобразился в бакинских такси. Когда я был мал (мама ловила такси на 1-ой Ленинской, говорила мне сесть впереди и указывать дорогу до ворот xalanənbobadaydaygil в Ахмедлах), в них над приборами висел шайтанчик-попрыгунчик, а теперь одни исламские фенечки. Религия сейчас везде и повсюду, но есть ли вера?! М.б. после выхода «Маленькой Веры» (мама прогнала меня, а сама смотрела вместе с т. Ашраф и ее мужем Юсифом) исчезла и вера?

* * *

(исчезнуть – çəzmək?)

Немота. Немые продавцы сигарет в метро (с одним я даже сдружился, жаль, не спросил имени, сейчас его заменил другой) и немые владельцы весов на бульваре. Интересно, это их корпоративный бизнес? Можно ли навести справки?

Исчезнуть, çəzmək. Чезаре Павезе: «Нагрянет смерть с твоими глазами... твои глаза – как напрасное слово, как возглас без звука, безмолвие... как будто услышал я сжатые плотно уста. Безмолвие. Мы погружаемся немо в пучину».

* * *

– Ты расстроен?

– Нет, скорее раздвоен.

– А выглядишь так, будто четвертован.

– Но не распят же, в конце-то концов...

* * *

Баку – город постмодерновый, коллажный по своей сути, архитектуре и т.д., при покрытии достаточным количеством снега превращается в сюрный: на улицах мало машин и людей, и двигаются они очень медленно, будто во сне; улицы пусты – открывается перспектива, вселяющая тревогу. Подобное наблюдалось при похоронах покойного президента Гейдара Алиева, к тому же ощущение тревоги усиливалось каким-то странным гулом, кажется, паровозного происхождения, стоящим, точнее, нависшим над городом.

...Архитектура заменяет горожанам природу...

* * *

Наши местные поэты любят – какая-то необъяснимая тайна – задавать вопрос: ты так поправился, или лицо так опухло?

Масштаб зависти, отраженной в этом вопросе, огромен: т.е. или у тебя, гниды, появилось бабло и ты по-человечески питаешься как минимум месяц, или же у тебя появилось бабло, но всего лишь на бутылку водяры, выпитой накануне, и ты в еще большей степени являешься гнидой, ибо бухнул в одиночку....

Ниже диалог между Х.Ш. и А.:

А.: Давно не виделись. Ты так поправился, или лицо опухло?

Х.Ш.: Не знаю. Может, из-за шапки-чеченки так выгляжу. Они полнят.

* * *

Многие мои соотечественники, и в особенности пожилые, курят сигареты, вдыхают и выдыхают дым будто кожей лица, всеми его чертами: вдох – лицо съеживается, покрывается морщинами, выдох – распрямляется.

* * *

Смех над смехом другого – это вливание в общую компанию.

Смех над плачем другого – это кощунство, цинизм.

Плач над плачем другого – это сострадание.

Плач над смехом другого – ощущение бренности всего.

* * *

Может быть, одним из страшнейших наказаний в аду будет душевная скука, адская скука, когда МЕСТА СЕБЕ НЕ НАХОДИШЬ.

* * *

Цитирую филологический анекдот диссидентской эпохи в Совке – услышал по телеку:

«У нас есть гласные и согласные. Есть еще несогласные, но негласные».

* * *

Еще один знаменитый (в узких филологических кругах) анекдот про плачущего грека:

«– О чем плачешь?

– Песню пою.

– Про что песня-то?

– Про птичку. Сидела птичка, сидела, потом улетела. По-русски ничего, а по-гречески очень жалобно выходит».

09.05.2006

Видел сон: будто еду на крыше пустого, или полупустого автобуса типа «алабаш», держась за отваливающиеся плитусообразные подпорки. Оказываюсь в какой-то странной местности, отчасти напоминающей скалы, куда мы забредали с Эськой: вижу голую землю с черными мазутными? пятнами... такое ощущение, будто произошла какая-то катастрофа вроде Чернобыльской. Вдруг нахожу себя в заброшенной, темной землянке... рядом материализуются парень и девушка – финалисты «Yeni Ulduz». В землянке ощущение тревоги, доходящей до паники... в дыре, пронизанной холодом, затаилось НЕЧТО, зверь? «Надо выбираться отсюда», – думаем мы. Выбираемся. Вижу тощую-претощую корову с шкурой, на которой неразборчивые письма: ромбы желтоватые, древнемексиканские знаки + арабские буквы. Корова передвигается. Вижу другую с выменем на боку. Доходим до набитого автобуса – жители спасаются бегством – собирающегося отъехать. Я говорю водителю, чтобы он забрал и нас. Он начинает отпираться, говорит что-то по-турецки. Я кричу на него, протягиваю руку, чтобы вцепиться ему в горло, и просыпаюсь...

* * *

Узнал у мамы (она сама недавно узнала), что у нас, азербайджанцев, вроде не принято отмечать сорокалетие из суеверного страха, ассоциирующего этот юбилей с сороковинами по покойнику. Честно говоря, удивился.

Интересно, как обстоит дело у других, например, у русских? Надо бы разузнать.

10.05.2006

Несколько дней стояла сухая, солнечная, теплая погода. А сегодня, в день рождения покойного президента, поднялся ветер, пошел дождь, сверкают молнии, грохочет гром.

Гром – это морг наизнанку.

* * *

Отправил Эське sms'ку следующего содержания: «О вобравшее в себя все эпитеты личное местоимение второго числа в родительном падеже, мркамблую!!!»

Превращаюсь в патентованного литтеррориста.

* * *

Даже самый продвинутый азер всегда лицемер: никогда не признается, что делает куннилингус своей девушке.

* * *

Вот прикольно было в прошлом году перед парламентскими выборами. Народ затаил дыхание: будет революция, или нет? Я предположил, что революция здесь может быть только исламской, но и это нереально даже при самом оптимальном раскладе. Лично меня тянет проголосовать за коммуняк, хотя понимаю, что это ностальгическое. Не знаю, как моему поколению, но в частности мне всё-таки повезло. Совку я обязан гуманистическими порывами в себе, мне было 9, когда его не стало, я был

довольно мал, чтобы понимать его уродства и т.д. Зато детсад, где никогда не отказывали в добавке, если не наелся, и прекрасные, с грустинкой, мультики, где добро всегда побеждает.

* * *

«Кто людям помогает,

тот тратит время зря.

Хорошими делами

прославиться нельзя».

Герострат

“İnsanlara kömək edən

vaxtını boşa sərf edir.

Yaxşı işlərilə

məşurlaşmaq mümkün deyil”.

Getostur

* * *

Неужели ПОБЕДА – единственный способ выхода из игры?

* * *

В антропологическом смысле культура – это изменение естественного, отприродно данного. Следовательно, иудеи и мусульмане культурны, ибо обрезаны, а буддисты и христиане – варвары. Мой друг Федор – крещеный православ – недавно сделал себе обрезание, не меняя однако веры. Объяснив это тем, что приятно быть культурным христианином, да и в плане здоровья [и секса] это незаменимо.

Вот он – херой нашего времени.

* * *

Автобиография – единственный текст, который невозможно окончить.

Эмира.

* * *

Получил деньги за перевод. Возвращаюсь вечером домой. Пошел разменять 50\$ в Exchange. Разменял. Когда я, стоя у кассы, пересчитывал то ли во второй, то ли в третий деньги, подошла пара – мужчина и женщина лет за / под сорок, протянули свои баксы. Работник сказал им: «Это простая бумага». Они отошли. И работник обратился ко мне: «225000». «Ясно», – ответил я (проявляю особую аккуратность при счете нашей новой валюты!)

Неприятный осадок у меня в сердце остался. Судьба, и впрямь, может подсунуть такие гадкие совпадения – и в результате падения... на дно.

Наверное, этот молодой работник подумал, что мы заодно: я отвлекаю, пересчитывая деньги, а они пытаются всучить фальшивую банкноту.

Удивительно то, что ко всему прочему я в этот день купил у букиниста 4-томник Набокова – проработавшего из романа в роман идею о неотвратимости фатума, злого рока, совпадения, случая.

А еще удивительно, что этот 4-томник, как и остальные книги на том лотке – из личной библиотеки поэта Нижада Вердизаде. Об этом я узнал через пару дней, когда покупал в Пассаже, из того же лотка, двухтомник Зошенко. И увидел Нижада, который пару месяцев собирается пробыть в Баку – сейчас он вместе с семьей на ПМЖ то ли в Голландии, то ли в Швеции, – и заодно распродать остатки личной библиотеки, т.к. не в состоянии увезти, ибо, как он мне поведал, «за лишний килограмм берут дополнительные 10 баксов».

* * *

Всё никак не возьму в толк: почему это порноактеры, исполняя свою роль, все время вопят: “Oh God!!! Oh God!!!” Причем тут Он?

Вот где со всей своей правотой годится: «Не поминай имя Господне всуе».

* * *

Имя, данное ребенку матерью, – воля отца, направленная на изменение этого имени, утверждение своего варианта – разрыв между отцом и матерью / сын остается с матерью – подросток сын по собственному желанию общается с отцом, узнаёт его – сын, «узнавший» отца, уходит от него (фактически, от матери тоже), утверждая собственную волю.

<Попытаться найти мифологическую аналогию.>

* * *

Зубы в ужасном состоянии, странные головные боли, ломота в костях, временами жжение в правом легком, скачущее сердцебиение. Но меня никак не тянет к врачу. Не знаю, как у меня там всё обстоит с духовностью, какой бы был показатель, если существовал бы некий измеритель последнего, но это нежелание сходить к врачу – наверное, нежелание стать рабом собственного тела.

* * *

Музыка – апофеоз эстетического прежде всего тем, что дидактика в ней невозможна.

Может быть, музыка – самый безличностный, наименее эгоистичный вид искусства.

* * *

В русском алфавите 33 (!) буквы, все за исключением двух – «ъ» и «ь» – имеют звуковое соответствие. $33 - 2 = 31$. Центром (16 слева и справа) является буква/звук «о» – ноль, пустота и самая частотная в русском языке.

«Круглая и пустая луна,

как буква «о» в слове «ноль».

* * *

Новые мысли возможны. Возможны ли новые эмоции?

* * *

Хоть я волк по крови своей, вечно зайцев в детсаде играл...

* * *

«Стихи на смерть» у Бродского можно условно разделить (учитывая формальные, интонационные особенности) на два ряда:

один восходит к «Стихам памяти А. Белого» Мандельштама;

другой к «Новогоднему» Цветаевой.

* * *

Большинство стихотворений желает быть прочитанным, как минимум, дважды.

* * *

Интересно, почему наши «поэтессы», позиционирующие себя (в стихах, устных высказываниях, интервью) как «феминистки» - Севиндж Перване, Гюнель Мёвлуд, Нармин Кямал, Нурида Атеши и т.д. – не борются против «главного врага» (которого они даже не замечают), против азербайджанского языка, не знающего в личных местоимениях, и вообще, грамматически, дифференциацию по половому признаку?

(Вопрос: как переводят на азербайджанский литературу по психологии, философии и т.д., где одним из основных концептов является «ОНО»? Как избежать путаницы?)

* * *

Написать по-русски роман, притворяющийся переводом с азербайджанского. Это дневники жившего в советском Азербайджане асоветского, параллельного человека. Придется немало порыться в газетах той поры – 60-е, 70-е года. Этот роман мог бы стать своеобразной мезью, компенсацией за отсутствие в азербайджанской литературе XX века, в отличие от литератур других советских стран, асоветской линии.

Морелли – Maralli

* * *

Dodaqdəuməz (букв. «не смыкающиеся губы») – специфическая форма липограмматического стиха, представленная в азербайджанской ашугской поэзии. Формально выражена в отказе от употребления слов, в состав которых входят губные буквы/звуки: б, в, м, п, ф. Чем продиктован этот отказ? Ответ: благозвучностью – не подходит. Не лучше бы было в таком случае отказаться от: ğ, ə, g, ö, ü, c?

Может быть, причина этого отказа заключается в следующем: отказ от губных согласных превращает рот (т.е. речь) в некий «вечный двигатель», не замыкающееся отверстие, генерирующее речь – живое, явленное слово.

Речь – как победа над материей.

Ср. у Мандельштама: «бормочущие губы», «мыслящий бессмертный рот» и т.д.

Можно провести параллели с музыкой:

панграмма – додекафония,

липограмматический стих (dodaqdəuməz) – блюз.

Что еще раз доказывает глубинное родство музыки и поэзии.

Поупражняться в написании dodaqdəuməz на русском языке. «ДЛЯ ЧТЕНИЯ ВСЛУХ».

Если dodaqdəuməz использовался во время deyişmə – соревнования – то он становился еще и психологическим оружием, способом оказания психологического давления на противника.

23.01.07

Увиделись с Саидом. Я шел на встречу, был на подходе, поднимался по эскалатору. В ушах наушники, а в них в этот момент звучала Cemetery Gates – Pantera-овская песня. Я смотрю на параллельный ряд – линию, по которой спускаются вниз, смотрю на мелькающие лица, уходящие куда-то вниз, слушаю «Кладбищенские ворота» и думаю о брэнности рода человеческого.

В этот же вечер нам встретила эстравагантная нищенка, наверное, была безумной: у нее была

уникальная речевка, которую она торопливо бормотала: «Подайте, пожалуйста, подайте, молодые люди, мне зубы лечить надо, у меня зубов нет, подайте, на врача не хватает». Я дал 20 қәр., что делаю в редчайших случаях. Раз на зубы, то можно – ее я понимаю, у самого в скотском состоянии. Однако после того, как мы с Саидом прошлись еще – минут 15-20, опять ее увидели, она снова стала выпрашивать денег, но я ей напомнил. Часто так бывает. Почему они хотя бы на 15 минут не удерживают в памяти тех, кто им помог, чем смог? Может, это и к лучшему...

В тот вечер Саид сказал отличную вещь: «После чтения стихов Пастернака, Есенина в голове остается гул, и кажется, что самому можно сочинять стихи километрами. А в случае с Бродским такого не происходит».

* * *

У Азера Эфендиева (первая встреча с ним произошла 28.02.06) безупречная речь – 1) без ошибок; 2) без упреков в чей-либо адрес. Речь настоящего интеллигента. Ничего подобного – т.е. когда «два в одном» – я еще не слышал.

12.04.07

Уже можно и нужно позволить себе «чтение по диагонали». В особенности, большей части так называемых современных текстов. После того как я ощутил настоящее, сущность (в письме и вообще, в сотворенном), я имею на это полное право. Даже «хорошие» вещи не заслуживают особой, внутренней пристальности внимания, да они и бессильны его удержать или привлечь во второй, третий раз; может быть, именно поэтому они всячески пытаются угнездиться в нашей памяти, заявляя о своей значимости набором очевидных приемов – мнемоническими трюками, сентенциями, эффектностью и т.д.

Но настоящее не претендует на какое-либо место в нашей памяти, оно отпускает, ведь всё равно ты будешь возвращаться к нему снова и снова.

Настоящий текст не желает быть памятником самому себе в отличие от хорошего и даже гениального текста.

Можно установить следующую иерархию:

1. бездарное
2. графоманское
3. ремесленническое

4. талантливое
5. гениальное
6. то, что находится по ту сторону всех критериев и иерархий

В настоящем тексте, в сущем всегда присутствует некий пробел, пустотность, зияние – называть можно как угодно – обеспечивающее внутритекстовое течение; незаполненное пространство, позволяющее перемещаться тому, из чего состоит органика явленного. (По сути, это сродни самой жизни.)

Тематическая, условно говоря, поэзия, проза и т.д. – неверное словосочетание, неверный термин; если, вообще, этим термином стоит пользоваться.

Настоящий текст (т.е. текст 6-ой категории) говорит не о любви, Боге, одиночестве, Родине, жизни/смерти и т.д. – а всегда о сущем, тематичность же имеет, в лучшем случае, третьестепенную функцию.

Важно не «что говорить?» и не «как говорить?», важно «само говорение».

1. подлинное содержит пустотность
2. подлинное не предсказуемо
3. подлинное не анализируемо

* * *

В азербайджанской поэзии так много «страдания», и почти отсутствует «сострадание», caritas, истинная любовь – в древнегреческом смысле. Ср. с русской ситуацией, где любовь – жалость. Но равняется ли сострадание жалости? Интуитивно ощущается, что нет. Выявить дистанцию между состраданием и жалостью!

Скромность, застенчивость часто путают с высокомерностью. В обоих случаях сторонишься других.

20.04.07

Концерт в Филармонии.

1) MƏRASİM Назима Миришли. Были хорошие фрагменты с «шевелиющимся хаосом».

2) Фрагменты (1 и 2 части?) из балета Равеля «Дафнис и Хлоя». Восхитительная, светлая музыка; импрессионистические созвучия, которые повисают в воздухе на считанные секунды, а потом проходят сквозь тебя, будто ты бесплотен; из нескольких нот, минимальных интонаций созданы широкие внутренние пространства. Странно, что даже не вспоминая сюжета «Дафниса и Хлои», перед самым исполнением – во время выхода музыкантов на сцену, я отметил сдержанный эротизм всего происходящего; точнее, этот эротизм был отмечен во время выхода хора: 1. в одежде певцов – побольше черного, поменьше белого и 2. в тот момент, когда певцы занимали свои позиции – мужчины сверху, женщины снизу.

[Эрос и Музыка; как воплощается Эрос в Музыке, конечно, имеется в виду лишь инструментальная? Вообще, возможен ли Эрос в музыке?]

02.05.07

Хороший сегодня был день. Купил у букиниста С. Кржижановского (отличный писатель! многое и многих предвосхитивший, и не только в русской литературе), книга 91 года издания, с предисловием Перельмутера. А вечером, в Интернете, случайно заметил, что три вещи из «Микробпоэзии» опубликованы в «Арионе», хотя Алехин не поставил меня в известность; особой радости от этой публикации не испытываю, ибо знаю, что почти всё, написанное мной до сих пор, в лучшем случае «добротное»; кстати, в этом же номере «Ариона» опубликованы вещи Перельмутера: вот так, в течение 2-3 часов выстроилась некая линия КРЖИЖАНОВСКИЙ – ПЕРЕЛЬМУТЕР – Я.

Но самое главное событие – центральное, произошло между теми двумя. Я случайно встретил Саида и мы (опять же случайно) пошли в консерву, где был Фарадж Караев <из Москвы прибывший> с т.н. «уроком» в маленькой комнатухе. Рассказывал о Владимире Тарнопольском, называл его композитором №1 в России и милейшим человеком. Искренне верю, что это действительно так, ибо «Маятник Фуко» Тарнопольского (по одноименному роману У. Эко), который мы прослушали, не нуждается в комментариях (как сказал Ф.К. Во время слушания мне в голову пришла лишь одна коммент-цитата: «Открылась бездна звезд полна»). <Холодный космос, животворящий хаос, терпкое и

быстрое бытие – звучал аккордеон + полиритмия ≈ мелькнула и исчезла тень Пьяццолы, и вновь распыление органики звуков в НИЧТО, в ПУСТОТУ, где слышно тиканье, которое есть остановки, затухание самого Времени, но вдруг резкая зигзагообразная вспышка – намек на то, что возможен новый цикл становления и распада – и теперь уже конец.> Давно у меня не было такого, точнее, я не был у такого: полное погружение, не оторваться, внимание не отвлекалось.

Исчез страх перед академической, современной академической музыкой, теперь лишь интерес к ней. Благодарен небесам за открытие/нахождение в себе изначально наличествующей интенции («вкуса» – неточное в данном случае слово); от рока – к джазу, фри-джазу – и к современной академической музыке – интенции к большей неизвестности, непредсказуемости.

Ловлю себя на мысли, что интуитивно приведенное несколькими строками выше описание «Маятника Фуко» Гарнопольского, скорее всего, единственно верный способ описания музыки вообще: о музыке невозможно говорить словами, выражающими/передающими какие-то эмоции или мысли, точнее, разговор этот бессмыслен; о музыке можно говорить лишь чистыми понятиями, выраженными в слове, т.е., грубо говоря, в ход идет скорее философская (+ эссеизм), нежели музыковедческая, лексика, стиль, терминология.

Теория литературы насчитывает 20 с лишним сюжетов, Борхес всего 4. Можно пойти дальше и сказать, что есть лишь один сюжет: цикл становления и распада.

Потом беседовали с ребятами-композиторами (Саид, Аяз, Туркер) в чайхане о драматургии и проч. В ходе беседы Аяз сказал, что в Московской консерватории очень много китайцев, причем все учатся на исполнителей, музыкантов, а не на композиторов, и все обладают отменной техникой, скоростью, чистотой артикуляции и т.д.; добавил, что редко из них выходят композиторы, зато исполнители отменные – «правой играют, в левой держат надкушенный гамбургер». На это я ответил, что всё в порядке вещей, ведь это у них в генетической памяти (рук) – восточные единоборства, беспрестанные тренировки и т.д., а в исполнительском искусстве – точь-в-точь как в спорте, успеха добиваешься беспрестанными занятиями начиная с нежного возраста.

Линия, явленная в первом абзаце этого текста, вышла за границы дня. Наутро, т.е. уже 03.05.07, меня разбудила улыбающаяся мама, держащая в руке пакет с двумя, как я увидел при вскрытии, экземплярами «Ариона». Среди трех моих стихотворений, опубликованных там, было и такое:

«Сегодня / плач по умершему соседу / разбудил меня. / Плач по одним мертвецам / поднимает других».

В этот же день хоронили соседа – пьяницу, мужа Мелакет, правда, плача не слышал.

Как-то не хочется называть всё это «цепочкой совпадений». Совпадения есть всегда и у всех, т.е. они постоянны, просто не все обращают на это внимание, ибо живут с расфокусированным взглядом, ведь

так-то легче. Но когда замечаешь подобное, отменяется линейность жизни, она закольцовывается, хватается себя за хвост, но ты вне круга, ты победил. Узреть матрицу – полпобеды. Увидеть ограниченный, пусть и непомерно большой, набор жизнеходов – наполовину победить.

14.05.07

Сабина Шихлинская, томноокая Ешим Агаоглу и я обсуждаем в 9 вечера в ресторане детали билингвального ешимовского сборника. Смешно то, что мы трое – турки, но найти общий, в буквальном смысле, язык для разговора не способны, без перевода не обойтись: Сабина не знает азербайджанского и турецкого, Ешим не знает русского, я не знаю английского; Сабина с Ешим говорят на английском, я с Сабиной на русском, Ешим со мной на турецком. Сообразили на троих... В разгар беседы над моей головой вырисовывается некто, смотрю – Миша (Ермолаев), лезет целоваться. «Я тут главный», – говорит (т.е. главный официант). Первые дежурные фразы, которыми мы обменялись, как мне показалось, были искренними. Но он начал затягивать, видимо, было любопытно: Ниджат с двумя дамами – одна молодая, другая не очень, но всё же... Тут я вежливо намекаю, что у меня деловая встреча и т.д., он полусмущенно улыбается, типа: «Да-да, конечно, понимаю, большим начальником стал, не то что я – официант, хоть и главный».

– Вы уже заказали? – спрашивает он.

– Да, – говорю, – мне кофе.

– Эспрессо? Черный?

– Черный. А скажи, как бы, ты подаешь?

– Нет-нет.

– А, ну и хорошо, пусть лучше кто-нибудь другой принесет. Как мама?

– Спасибо, хорошо.

Он, наконец-то, уходит. Я не хотел, чтоб меня обслуживал он, ведь он мой, как бы, приятель, не раз и не два мы сидели за одним столом. Я не хотел, чтобы он комплексовал из-за этого, постарался передать свое желание интонацией и мимикой, но не знаю, что он подумал: скорей всего, что я не хочу его видеть здесь и сейчас, смущаюсь им в присутствии арт-дам. Семитское чувство вины подбиралось к душе автора этих строк. Но несколько строк назад я спросил у него что-то вроде: «Что нового?», или «Всё нормально?», он ответил: «Да вот, женился. Знаешь?»

– Да, ты же сам говорил.

– А-а, ну точно.

И тут я понял, точнее, вспомнил, что имею больше прав на обиду: ведь за несколько дней до свадьбы Миша позвонил и позвал, но сказал, что еще не улажено с точной датой и местом, так что обязательно позвонит еще и выдаст пригласительный. И не позвонил. Не знаю, почему.

По крайней мере, я на него ни за что не в обиде.

Интересно другое: уже на середине диалога с Мишей я подумал, что всё происходящее в этот вечер – неумение найти общий язык Сабине, Ешим и мне; встреча и обмен репликами с Мишей – сильно напоминает эпизоды из джармушовских «Кофе и сигареты», «Ночь на земле».

19.05.07

Сегодня я впервые выступил в роли преподавателя. Выступил, на свое удивление, прилично, хоть и не ожидал этого по многим причинам, в том числе из-за того, что спал всего 3,5 часа – прочел в один присест сорокинский «День опричника».

Весь сыр-бор проходит в БСУ. 4 девочки, читающие Коэльо и Дэна Брауна, считают, что останутся в вечности своими творениями. Деканат, преподавательский состав подмазывается к ним. Мне показалось, что этот факультет открыли только для того, чтоб выбивать у студентов деньги и/или получить статус первенства в этом деле. Ни преподавательский состав, ни студенты не знают точно, чего хотят.

26.05.07 (02:20)

Тишина. Пятистопным дактилем пролаяла далекая собака. Тишина.

* * *

1. Нужен этический и эстетический подвиг, а не искусство.
2. Обретение языковой частности есть элемент инициации.
3. По-этика
4. Стил (и «точное слово») – минная тропа. Стилисту ошибки непростительны.

5. Видишь беллетристику, стихи не нужные даже самим авторам, ибо писано не из необходимости, а ради признания, денег, имени, желая не отстать от коллег. Но литература должна быть нужной, необходимой хотя бы самому автору.
6. Есть стихи, спасенные лишь отсутствием рифм.
7. Одной инверсией, одним интонированием можно добиться того, на что другие тратят в лучшем случае целый абзац.
8. Литература начинается с сочетания двух слов.
9. [Литература существует] в пробеле между двумя словами.
10. Отфильтрованный (задним числом!) поток сознания, чтобы поток не превращался в потоп.
11. Текст не как конгломерат мыслей, идей и т.д., а как средоточие импульсов в себе самом и направленных вовне; импульсов, побуждающих воспринимающего раскрутить собственную спираль мыслей, идей, чувств. И в этом приближение к музыке – высшему из искусств.
12. Секс и смерть – вход и выход; страх, язык/речь, плоть, реальность, память и время. Эрос, Танатос – альфа и омега.
13. Есть что-то неестественное в придумывании сюжета, героев, навязывании психологии, развитии нарратива. Обращаться или ко всеобщему или к личному мифу.
14. Память: какую-нибудь комнату в дешевом отеле помнишь ближе близкого человека. Это и есть правда жизни.
15. Я пишу еще и потому, что «небытие (знание о смерти и потребность его компенсировать) определяет сознание» (А. Гольдштейн). Писание – одна из лучших форм такой компенсации. Писать – значит плевать в лицо смерти.
16. Бездонное через конкретное.
17. Боль и страх
18. Литература – журналистика/публицистика – социология – психология – философия – информативность – сюжетность (для прозы еще простительно, но не для поэзии) – идеи и идеологии – объяснение =?

* * *

Это может быть гениальным, но не подлинным.

Есть некая Высшая Справедливость, не обделяющая ни одного человека в стремлении в подлинному, просто не все желают услышать этот «универсальный голос», ибо надо приложить «усилие, усилие искреннее».

Поиск подлинности может вестись по-разному: через слово, музыку, краски, молчание.

Есть гениальные авторы – но без «сцепления с сущностью», и это понятно, ведь они занимаются искусством.

Но нужно не искусство, а этический и эстетический подвиг, сводящийся, по сути, к аскетизму. Это очень сложно.

На формальном уровне «стихотворения» вышесказанное должно выражаться в отказе от рифм и метафор, «искусственных» компонентов: «ни одна вещь не может называть другую. Ничто не должно заменять отсутствующее». (Роберто Хуаррос)

Выходит, что такой поиск, поиск подлинности, выраженный с помощью слова – это не литература, не стихи, не проза («между стихами и прозой нет никакой разницы – энергия одна, условно именуемая «поэзией»; разве есть существенная разница между сонатой, симфонией, и в том и в другом «музыка»), а поиск подлинности.

Итак, быть не поэтом, ведь «за поэтами следуют заблудшие. Разве ты не видишь, что они блуждают по всем долинам (слагают стихи на любые темы) и говорят то, чего не делают?» (Коран. Сура «Поэты», аяты 224-226), а ищущим, стремящимся к подлинности..

Осознанию этого помогает местность и климат: юг, лето, являющиеся синонимами честности. Лето (юг) – честное время года, объективное, когда вещи и люди предельно близки к идеальным состояниям, к состояниям, в которых они задуманы. Деревья в листве и приносят плоды – так и задумано Творцом, дерево должно давать тень и насыщать плодами. На людях минимум одежды – они (телесно) предельно близки к райскому состоянию.

Есть авторы, которых я условно хочу отнести к представителям «южной поэзии»: Рицос, Роберто Хуаррос, Р. Крили, Орхан Вели, Шамшад Абдуллаев и т.д. К ним неприменимы такие эпитеты, как «талантливые», «гениальные», «блестящие», «прекрасные», но лишь «правдивые», «точные», «настоящие».

Радикальный вариант: самоубиться и вознести свою жизнь и тексты до подлинности.

* * *

Лучшая литература на русском языке во второй половине XX века создана этнически не русскими: чувашем, евреем, узбеком.

31.07.07

Пришли книги с курьером, на две недели раньше предполагаемого срока; видимо, благодаря энергии, образовавшейся от соседства 4 изданий: «Спокойные поля» Гольдштейна, «Неподвижная поверхность» Ш. Абдуллаева, «Поля-двойники» Г. Айги, «Придорожная собачонка» Чеслава Милоша.

Всех этих авторов (за исключением Милоша) объединяет одно, самое важное в их творчестве: не рассудочное, а чувственное, телесное, духовно-душевное схватывание сути.

* * *

Лучше писать так называемые «элитарные» вещи, не имеющие успеха у элиты (тем более широкой публики), чем заведомо коммерческие без коммерческого успеха.

20.08.07

Купил у букиниста Пруста, «По направлению к Свану». Было бы интересно после завершения приступить к «Другим берегам» Набокова, а затем сравнить эти две книги.

* * *

Ритм – самый, а может быть, единственный сакральный «прием».

<Благородная> медлительность и мгновенность <озарения> – сакральны, но торопливость, быстрота – нет.

«Одержимость знанием об эдемском языке, языке рая, который никогда не будет больше восполнен, – и есть существование поэта».

Аркадий Драгомощенко

Эдемский язык (язык Адама, именующего вещи) – может быть, язык, опережающий реальность.

Возможно, это не рефлексирующий язык, не анализирующий/поясняющий (ведь еще не был скушан плод с древа познания; бытие воспринималось как полнота и в познании не было необходимости), а констатирующий, описывающий, сгущающий существующее в слово, ибо на исчерпывающее объяснение реальности способен только Творец.

Если уж на то пошло, писать не о счастье, горе, любви, страхе – т.е. не «тематическая поэзия» – а писать счастьем, горем, любовью, страхом (как, например, это происходит у Айги).

Ср. мандельштамовское: «Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг».

И в этом приближение к музыке, которая, если и имеет смысл/мысль/выражение, то является не <рассказом> «о», «about», «об этом» [т.е. не рефлексией] а самим «этим», сгущением «этости» в звуке.

Язык, опережающий реальность – может быть, нечто вроде предслышания музыканта-импровизатора – композитора, обеспечивающего неизменную точность, попадание каждый-раз-в-разную-цель.

31.08.07

(Записано после 19:50)

Лежа на диване, слушал Keith Jarrett

(Парижский концерт:

1. October 17, 1988

2. The Wind

3. Blues)

Слушал, глядя на солнечный блик над книжным шкафом, блик, образованный небольшим ветерком и верхушками елей (?) соседских, October 17, 1988.

На 05:55 этой вещи осуществляется переход, возникает остигнутая фигура на басах, и я закрыл глаза. И вспомнил предпоследнюю встречу с Саидом перед его отправкой в армию, когда мы совершили прогулку на катере: при возвращении к берегу он обратил внимание на мельчайшие «ртутные» капельки/шарики пены, скачущие по маслянистой воде, а когда катер уже причаливал, я обратил внимание на блики на обшивке другого катера, причаленного с боку, блики на обшивке, образованные отраженными в колыхающей воде солнечными лучами – целое световое шоу, каскад летучих прозрачных мышей, на которых мы завороченно смотрели («день шариками и мышами осчастливлен» – выулыбнули мы).

После прогулки, во время беседы <о музыке> Саид посоветовал обязательно послушать Парижский концерт Джарретта («баховские дела», сказал он), и я открыл глаза. Прошло не больше минуты, но исчезло над книжным шкафом световое отверстие: это солнце всё больше заходило. На часах 19:50.

Джарреттовская вещь заканчивается (аплодисменты) на 37:37.

Саид отправился после 8 июля.

* * *

Азербайджанец и русский едут в поезде. Русский за кроссвордом, почти разгаданным, пытается отгадать б-буквенного великого азербайджанского поэта. Заглядывающий ему через плечо азербайджанец хочет помочь попутчику:

– Это Низами!

– Как знать, как знать... А может, Насими, или Физули, Видади, или Вургун?

Однажды Шота, Ашот и Атош отправились на базар. По пути им встретилась Тоша.

– Вах! – воскликнул Шота.

– Джан! – воспылал Ашот.

– Эщци... – пробурчал Атош.

07.09.07

Прочел «Другие берега» Набокова. В сравнении с Прустом В.Н. сильно проигрывает. В «Д.б.» сталкиваешься с тем случаем, когда авторский нарциссизм полностью вытесняет текст. Удручает желание схватить эфемерную субстанцию приступом, в лоб, желание выстроить всё по порядку (в т.ч. Хронологическому), отчего эфемерное становится недоступным, неуловимым.

Пруст куда значительней (его опыт учит, кроме всего прочего, не бояться отводить на бумаге больше места тому, что занимает в нас большее место); импонирует его древовидный синтаксис, когда одно предложение выражает одну мысль/образ/картинку со всеми ответвлениями, правда, это порой приводит к монотонности. [Можно было бы выделять некоторые ответвления в отдельные предложения – ритм периода стал бы подвижней].

Прочитав «Другие берега», еще раз убедился, что выдумывание сюжета, пустых героев, которых автор пытается оживить, вкладывая в них собственную биографию, мысли, психологию и т.д. – всё это глупо. Нужно пробиваться к реальной, идеальной реальности, а не замутнять исходную точку выдумками. Если уж на то пошло: миллиарды людей живут, умирают, причем для окружающих, близких и родных, в их памяти умирают раньше, чем физически, а некий автор, в поту за письменным столом, получив грант, президентскую стипендию и мечтая о миллионных тиражах своих книг, напоминающих квартиру в хрущобе на первом этаже, до отказа забитую импортной мебелью и коврами, занимается выдумыванием сюжета, героев, композиции и прочей белиберды.

Но текст должен быть подобен спасительному, спасающему ковчегу Ноя/Одиссея.

В этом и заключается высший ethos. А литература, решающая так называемые этические задачи, например, Толстоевский, излишнее повторение. Убивать или нет старуху-процентщицу, переспать или нет с бесправной служанкой? – посвящать этому метания, истерики, тяжелобородые раздумья, книги глупо, ибо говорит о глухоте автора. Конечно, «нет», ведь во всех Божественных книгах сказано, что нельзя.

* * *

Эрос и Язык. Эрос и Литература. Как писать секс, не впадая в

1. грубость, пошлость, матерщину (например, Лимонов, Буковски, Миллер?)
2. восторженность, экзальтированность, эвфемистичность (например, «Эммануэль»)
3. анатомичность, медицинскую терминологию (пенис, головка, клитор, половые губы)

Решение, найденное Кортасаром в 68 главе «Игры в классики» прекрасно, но прекрасно своей единичностью и неповторимостью; это вообще-то вовсе и не выход.

Так как же быть? Безусловно, необходима точность в именовании деталей процесса и органов, принимающих в нем участие. Ну вот и вынырнула медицинскость в предыдущем предложении: «процесс», «органы»; как будто речь идет об операции, о мясе, а не о сакральной энергии, не о любви.

Необходимо найти речь для этого. И кажется, что в этой речи существительные (отсылающие к органам, выделениям) должны быть сведены к минимуму.

Может быть, эрос, секс – единственная область, где литература, письмо явно проигрывает визуальному.

* * *

Писать не книги, законченные томики, а давать некий срез, фрагмент потока.

Так называемое «поэтическое мышление» не метафорическое, а ассоциативное. Метафора – дитя ассоциации.

Ассоциативное мышление [память! внутреннее, откликающееся на внешнее] – единственный правдивый двигатель так называемого «сюжета», текста вообще.

Ассоциативность (тематическая, атмосферная, фонетическая, не важно какая, точнее, первая попавшаяся) приходит сама, извне, ЭГО в этом участия не принимает, она намекает на то, что хаоса нет, «тайными узами всё связано со всем» (Борхес), то, что человеку мнится хаосом, на самом деле является Божественным Космосом, настолько великим и превышающим человеческое, что человек попросту не способен его воспринять в виде такового (т.е. в виде целостности).

Итак, не механический коллаж, искусственная конструкция, а естественная, свободная, неэгоистичная, выводящая за пределы человеческого, правдивая ассоциативность!

Отказ от отредактированной, цензурированной, купированной, пропущенной сквозь идеологические/«упаковочные»/тематические фильтры реальности! 90% пишущих – писатели-редакторы. Наверно, ассоциативное движение – единственное средство против идеологизированного, ангажированного мышления, реальности и письма/речи.

Автобиографизм, ассоциативность (которая дает полную непредсказуемость), языковая частность, мемуарность, дневниковость, эссеизм, пейзажность (Артем, Ахмедлы, Баилово и его холмистое преддверие), аналитичность (Орхан Вели, Шамшад, Гольдштейн, Рицос, Колтрейн, Кобейн, Айги и т.д.), стиль, медлительность, исповедальность, обращенность к неизвестности, т.е. никакого конструктивизма.

15.09.07

Проснувшись, увидел во дворе, над кустами мяты огромную желтую бабочку с черными крапинками. Днем вышел в город по делам. На пассаже, сканируя книжные лотки, купил два, чудом там оказавшихся издания, которые давно хотел прочесть, но в Интернете они не выложены: свежепереведенная «Безумная любовь» Андре Бретона и «Дневник вора» Жана Жене. На обложке бретоновской книги изображен им же выполненный коллаж «Бабочка». Сначала я купил Бретона, потом немного времени провел в Интернете и с ребятами в чайхане. Затем занял у Расима 2 маната и купил Жана Жене. Расим зашел в магазин посмотреть брюки, а я у входа листал книгу. Глаза выхватили в рядом текущем потоке куда-то спешащего мужчину лет 30-35, одетого в черные джинсы и черную майку с длинными рукавами, которые, казалось, он нарочно закатал, чтобы выставить, если не ошибаюсь, блатняцкие наколки. Придя домой, взялся читать по наитию некогда слегка пролистанный 1-ый том биографии Лоту Бахтияра, хоть и были куплены две новые книги. 16.09.07 ближе к вечеру книга была прочтена и я сразу же включил на мобильном Jazz FM и прочел в сводке новостей, что «на улице 20 января убит криминальный авторитет Ягуб Гасанов».

Позже начал читать «Безумную любовь», где Бретон долго и увлеченно говорит о неслучайности случайного. 15-го, в день покупки книг, возвращались по домам вместе с Расимом в метро. До того, в «Чинаре» он говорил о необходимости установления нового «женского» мировидения. В вагоне я дал ему полистать Жене, а сам листал послесловие переводчицы к книге Бретона и прочел: «Сверхзадача (для многих, наверное, неожиданная), воздвигаемая перед искусством в этой книге, – помочь женщине осознать свое новое место во Вселенной, а мужчину убедить в особой ценности «женского мировидения»...» Показал эти строки Расиму, он улыбнулся улыбкой удивления и закономерности.

* * *

Автобиография, составленная сплошь из чужих цитат. Правдивая цитатная автобиография – наверное, это было бы самым страшным произведением в истории мировой литературы.

Не понимаю людей, общающихся в chat'ax. Не лучше ли делать это в реале, под солнцем и небом, за чашкой чая? А вот ЖЖ (живой журнал, интернет-дневник – Ред.) – неплохая идея. Это как бы некое хранилище прожитых жизней, какое-никакое свидетельство, пересечение жизней и свидетельств, их выстроенность в определенной заданности.

Эмира как-то сказала: «Автобиография – единственный текст, который невозможно завершить». Недавно она сказала, что в ЖЖ есть отдельная страничка с linkами на странички тех пользователей, чья жизнь по тем или иным причинам прервалась и что читая их последние для читателя, но не всегда для писавшего заметки (среди авторов есть и самоубийцы, и безнадежно больные, как например, Илья Кормильцев), понимаешь, насколько внезапно.

27.09.07

Константин Вагинов [Вагенгейм]. «Труды и дни Свистонова» (1929)

Интонация = Зощенко (?) + Библия. При наличии времени и возможностей надо подумать о переводе этой вещи на азербайджанский. Это было бы хорошим уроком сеймурам, алекперам и их грядущим последователям – всем тем, кто заново изобретает колесо. (Вообще, стоит как-нибудь составить список русской литературы XX и XXI вв., которую следует перевести на азербайджанский в первую очередь.) Каким чудом вагиновский томик оказался в подвале?! Как это теперь выяснить?

Вагинов замечательно работает с интонацией авторского и квазиавторского отношения к героям, событиям и т.д.

10.10.07

Если говорить иронично, то А. Драгомощенко только и делает, что знакомит слова, разбавляя фразы «умными» высказываниями своего и чужого производства. У А.Д. все силы, точнее, бессилье, бессилье, являющееся, по сути, отказом от эго, добровольным претворением себя в ноль (что приводит к сквозению через эту вертикальную пустоту надличностного смысла), направлены на «быструю», on retrouve, фильтрацию уже написанного.

«Умные» высказывания своего и чужого производства сводятся, в основном, к рефлексии по поводу уже написанного в частности и речи/голоса/литературы/знака вообще, ибо то, что было натуральным в эпоху невинности, перестало быть таким в эпоху грехопадения.

А.Д. предлагает узор снежинки, тысячекратно увеличенной отсутствием насилия со стороны фиксатора.

«Сюжет» сводится к этому: «Какой предмет окажется необходимым в дальнейшем продвижении предложения?»

Может быть, только в «знакомстве слов» осталась живительная энергия, нечто, не подвергшееся инфляции, даже больше – настоящие открытия, «белые пятна» на карте языка. Видимо, это единственное преодоление «и это уже было сказано» – примитивно понятого постмодерна или

постмодерна вообще.

белые пятна на карте языка.

(В литературе все приблизившиеся к сути делятся на мысленников и фактурщиков и тех, кто соединяет в себе первое со вторым в том или ином объеме. Например, Бродский – чистый мысленник, Айги – чистый фактурщик, Драгомощенко, Гольдштейн, Ш. Абдуллаев – объединяют мысль и фактуру, причем последнее преобладает; то же самое у Бруно Шульца – фактура преобладает и даже истирает мысль. А у Пруста, например, мысль и фактура находятся в равной пропорции и мысль иногда берет верх.

В музыке же (может быть, и в современной живописи) приблизившиеся к сущности – только и только фактурщики. Это «различие» коренится в природе исходных субстанций: звук – физическая данность, величина (громкость, длительность, обертона); а слово – сумма физической данности, величины (звучание, ударение/интонирование и т.д.) и значения/смысла.

Т.е. музыка – «бессмысленна», не обладает значением, ни к чему объективному не отсылает, лишь к субъективным ассоциациям слушателя; но ни одна словесная конструкция, сцепление, текст, даже самый корявый, плохой, не является «бессмысленным», т.е. этого не позволяет сам язык.

Язык не позволяет нам сказать бессмыслицу, нечто, не обладающее значением, не отсылающее к объективному, «понятному» для всех.

Музыка изначально обладает привилегией «бессмысленности» – свободы от тоталитарной объективности, а живопись достигла этого в XX в. (например, Поллок).

Вот иерархия:

1 вера

2 поэзия

3 наука

Следует направить усилия именно на такую поэзию [искусство], поэзию, находящуюся между верой и наукой.

Физика и метафизика текста.

В физике главное – осязаемость текста, его тактильность, телесность, «слова, которые можно потрогать». Такая осязаемость делает невозможное – метафизику – возможным.

12.10.07

В Центре русской культуры Русской общины Азербайджана (пр. Азадлыг, 116) состоялся вечер, посвященный Году русского языка. В рамках программы вечера вручение номинации за лучший перевод с азербайджанского языка на русский лауреатам конкурса в категориях «Мэтр» и «Молодое перо» (соответственно Гасану Гулиеву и мне).

Учредителем номинаций является Фонд первого президента России Б. Ельцина. Награждение проводится при поддержке Росзарубежцентра и Фонда взаимодействия с диаспорами «Ока» (Российская Федерация).

Диплом и денежную премию в размере 12000 рублей (409 AZN) вручил посол России в Азербайджане. Возможно, в категории «Мэтр» денежная награда была больше.

Я произнес следующую краткую речь:

«Очень коротко я хочу сказать о своем понимании переводческого дела и попытаться «перевести» эту речь в иной пласт. Я убежден, что переводчик, желающий быть честным по отношению к тексту, его автору, в конце концов, по отношению к самому себе (и тому незримому Автору, который ниспослал Книги с большой буквы), прежде всего, должен стремиться к смирению, аскетизму. Он должен быть невидимкой. Чем меньше он обнаруживает собственное присутствие в тексте, тем больше, в конечном счете, выигрывает автор и читатель. Проще говоря, никакой отсебятины.

Приступая к работе, я добровольно обращаюсь в ноль, позволяя смыслу струиться сквозь себя. Убежден, что именно подобное смирение позволяет сохранить не букву, а дух написанного.

Я вовсе не идеализирую свою позицию, свою работу, но тем не менее должен сказать, что счастлив от того, что нахожусь, как говорил выдающийся русский переводчик Виктор Гольшев, при хорошем деле. Счастлив от того, что работаю на понимание. Понимание – вот начальная и конечная точка перевода: перед тем, как перевести текст, необходимо его понять, а хорошо переведенный текст хорошего автора, в итоге, тоже работает на понимание – т.е. на сокращение разрыва между различными языками, ментальностями, нациями.

Именно понимание предшествует любви. И мне очень хотелось бы, чтобы эта речь запомнилась, если она вообще заслуживает запоминания, не буквальной своей стороной – не как речь о переводе, его формальных аспектах, или моем частном отношении к этому делу, а метафорической стороной, если угодно, духовной.

Хотелось бы, чтобы эта речь запомнилась как речь о понимании, как, может быть, несколько сумбурная вариация на тему главной заповеди, как немного видоизмененная форма этой заповеди: пойми и «возлюби ближнего своего». Это и есть та универсальная идея, воплощать которую следует, кем бы ты ни был, чем бы ни занимался.

А любовь, в свою очередь, выражается, кроме всего прочего, в виде благодарения, в словах благодарения. Как сказал замечательный русский поэт:

«Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность».

Пожалуй, всё. Мне остается лишь поблагодарить вас за то, что вы сочли мою невидимую, иначе, нулевую работу по передаче смысла в пространстве понимания заслуживающей внимания. Благодарю».

27.10.07

Мне кажется, что я мог бы писать по-азербайджански, делая это не хуже тех, чьи тексты безвозмездно перевожу на русский. Однако «не хуже» никуда не годится, так же как и «лучше», ведь не в соревновании дело, а в том, что в силу скованности, инертности, клишированности, засилия «готовых смыслов» азербайджанский язык в том виде, в котором мы на сей день его имеем (либо наоборот, что сути не меняет), менее всего подходит для моих целей.

Конечно, нет языков плохих и хороших, есть языки разработанные и не очень. Ответственность за нынешнее качество азербайджанского языка целиком лежит на предыдущих поколениях не столько обычных носителей последнего, сколько писателей, коим не хватило простого осознания: главным героем произведения является сам язык, не орнаментальность (этого добра в переизбытке; борьба с орнаментальностью – главная заслуга литературы «новой волны», при всех ее минусах), а осязаемость, телесность речи, конкретность фактуры, а не факта.

Давно уже в нашем языке должна была быть осуществлена работа по его разгерметизации, размагничности, придавшая бы субстанции состояние глины и стрелы.

Азербайджанский язык всё еще ждет своего Джойса, Шульца, Бретона.

Что касается меня, то не уверен, что при нынешних своих возможностях, ограниченных нехваткой времени, могу взяться за такую работу, тем более, когда она должна быть объемной, хотя надо всего лишь сделать первый шаг. Подобную задачу могли бы осуществить те представители «новой волны», которые владеют другими языками (турецкий, русский) и имеют возможность прочесть/освоить на этих языках (в первую очередь на русском, ибо переводы мировой литературы на турецкий, на мой взгляд,

оставляют желать лучшего, и даже если это не так, то, опять же, на мой субъективный взгляд, эти переводы не попадают в соответствующую резонирующую среду, ввиду отсутствия таковой) важнейшие тексты мировой литературы не с тем, чтобы создать местный вариант этих текстов (не говоря уже о переводе этих текстов на азербайджанский, тем более переводе с языка оригинала), а затем, чтобы увидеть/понять – существуют иные горизонты, где таится подлинность во всём многообразии частных проявлений; Одно во многом.

Но нет никакой уверенности, что после знакомства с этими авторами и текстами придет понимание, означающее в нашем случае само решение проблемы – осязаемости, шероховатости речи, материализации духа. Материализованная речь одухотворяет материю.

* * *

Социальная/политическая/идеологическая задача поэзии. Общественная задача подлинной поэзии? Ответ должен быть дан самой сущностью поэзии, «литературы-как-таковой» (очищенной от наносного: публицистики, социологии, психологии, философии и т.д.).

Эта задача заключается в освобождении и впитывании в собственную органику «приватизированных» лексических пластов: термины, жаргон, политическая, экономическая, философская лексика (в особенности, пласты языка, присвоенные различными структурами власти, т.е. «язык (той или иной) власти», через который производится управление) и т.д.

Ибо поэзия, подлинная безличностная поэзия – единственное пространство, где отсутствует идеология, либо она наименее проявлена. Поэзия – территория необязательности.

А точным «антонимом» того, что изложено выше, является отображение, показывание страдания в художественной литературе. Беллетризация страдания/растворение страдания в вымысле/окаймление страдания художественностью – вот чего должен сторониться каждый уважающий себя, ближних, Бога писатель.

Ни одно художественное произведение не сравнится по силе, обнаженности с документом, статистикой, мемуаром, дневником, свидетельским показанием, когда дело касается страдания, не важно, страдания миллионов, либо одного.

Страдание не нуждается в фигурах речи.

Говорю всё это с убежденностью, исходя из своего жизненного, читательского и переводческого опыта: ни одно художественное произведение не сравнится, когда дело доходит до страдания, например, с Книгой Иова, или сбивчивыми, корявыми показаниями/речами выживших свидетелей ходжалинской трагедии, речами, которые мне довелось переводить на русский (см. также заметку от 07.09.07). И следует помнить и воплощать мысль, удачно выраженную Юнгером: «Но и в наши дни чудовищная

сумма страданий обретет смысл только при условии, если мы увидим, что были люди, которые из области чисел перешли в область значения. Только это и может возвыситься над катастрофой и вывести ее за пределы пустого круговращения, из того водоворота, в который втягиваются всё новые толпы мстителей».

* * *

Мне, как человеку читающему и пишущему, достаточно одной осязаемости, шероховатости речи (на уровне физики текста).

31.10.07

Потребность в высказывании будет существовать всегда. Даже если человечество когда-нибудь дорастет до отказа от литературы (fiction), потребность в дневнике, мемуарах, эссе, «вымысле» (терапевтическом и прямом) сохранится.

Вполне возможно, что в ближайшем будущем непосредственно властью будет устанавливаться запрет на создание и распространение литературы. Но там, где есть кнут, есть и пряник: будут поощряться всякие ЖЖ, non-fiction в целом.

Отказ же от высказывания, письма вообще (но не от музыки, живописи и т.д.), вероятно, будет означать одно из двух: 1. тотальная вера, либо созерцание; 2. бесповоротные апокалиптические настроения.

* * *

1. Высказывание, вбирающее в себя рефлексии о себе самом, о своем возникновении;
2. текст, содержащий в себе автокомментарий;
3. «окончательный» беловик с мерцанием черновика, либо с черновиком в качестве приложения;
4. текст, в который «вторгается» жизнь-за-текстом;
5. высказывание, содержащее в себе размышление о высказывании вообще и критику языка в частности.

Нетрадиционное письмо, упраздняющее традиционную критику

+ 3 главных и неизменных принципа:

1. Безличность, отсутствие эго
2. «надо знакомить слова»; языковая частность
3. не объяснять, а дать почувствовать, т.е. не мысль, а состояние

02.11.07

Ищешь себя – обретаешь печаль и разочарование. Ищешь Бога – обретаешь себя. Ничего не ищешь – обретаешь Бога.

Сам человек достаточно поверхностен, исчерпаем, чтобы вложить свой капитал в творчество. Если он при этом еще и искренен, то его творческая деятельность, понятая им как самовыражение, будет завершена, едва начавшись.

Не мысль, которая пребывает в тебе (прибывает в тебя), а состояние. Нас утешают и изменяют не мысли, а состояния.

Занятия музыкой, музыкальный опыт помог мне сберечь уйму времени в понимании этого.

Мысль бесплотна, состояние осязаемо.

В самой природе мысли заложена ее неокончателность: Платон высказывает одно, его исправляет/критикует/комментирует Кант, а его, в свою очередь, Хайдеггер и т.д. и т.п, но в итоге никакого развития, одна дурная бесконечность и то, чем невозможно утешиться, ибо это далеко от райскости. Человеку <было> даровано состояние, а знание, окончательное знание, Логос принадлежит лишь Богу.

Но невозможно проделать операцию исправления, критики/комментирования по отношению к состоянию, например, фуге Баха, картине Поллока, стихам Айги.

Не мысль, не чувство, а состояние.

03.11.07

Сели на поезд в 23:55. Воскресным утром были в Ленкорани. Поезд ехал со скоростью ≈ 30 км/ч. Действительно, есть что-то мистическое, медитативное в поездах (дорога струится сквозь тебя) и это единственный в них плюс. В самой Ленкорани довольно-таки аккуратно, хотя, может быть, окраины в страшном виде. Сразу видно, что земля там плодородная, жирная, вообще красиво: зелень, горы, деревья. У Саида вроде бы всё нормально, жалуется лишь на отсутствие хороших собеседников, на обязательку и пр., но говорит, что неуставных отношений нет (он в погране) после того, как полгода назад один из солдат повесился, оставив предсмертную записку о причинах, побудивших его на этот шаг. Был большой скандал и условия более-менее нормализовались, но не оставь доведенный до самоубийства солдат объяснительную записку, то его, его смерть просто списали бы на, например, тоску по дому, по близким.

Увиделись с Саидом, позавтракали и решили проведать Аяза, чья часть находится \approx в 100 км от части Саида. К Аязу никто из друзей не ездит, как сказал Вазех, объясняя это тем, что чересчур далеко.

Всего 100 км разницы между военными частями одной страны и диаметрально противоположность. Аяз жалуется на ежедневные побои со стороны дедов (по сути, молокососов на несколько лет младше его: каким местом думал тот, кто поднял призывной возраст до 35?!), на идиотизм командира-наркомана и т.д. Меня удивили их руки, опухшие, черные, даже не черные, а цвета грязи, будто под кожей гнилая вода. У Аяза на костяшках правой руки ранка – результат драки, жалуется, что долго не заживает, так как в воде нет йода.

Грустно и жутко было смотреть на то, как и он, и Саид набросились на йогурт, фрукты, печеное. По всей видимости, страдания, лишения, казенные обстоятельства действительно доводят до глухоты, потери чувства сострадания: рассказы Аяза опечалили нас, а Саиду, вроде, всё было нипочем, он увлеченно, энергично сравнивал свое положение с аязовским, улыбаясь время от времени, не выказывая особенной грусти. А может, я чуть преувеличиваю, либо он чисто психологически, автоматически пытался не подпускать всё близко к сердцу.

Раньше я гнал эту мысль от себя, а если соглашался, то лишь до тех пор, пока не пройдет злость, но чем дольше, тем больше утверждаюсь (и уже не сторяча, а на холодную голову) в том, что существует определенная и немалочисленная (!) порода людей, подлежащих физическому уничтожению. Может быть, в будущем нелюдей, гитлеров, маньяков научатся отбраковывать уже на генетическом уровне, в первые месяцы/недели беременности и проч.? А как быть пока? Зачем живут эти люди, не дающие, если уж говорить штампами, жить другим? В чем состоит их жизненная миссия? Быдло с рабской психологией и лицами неандертальцев, получив власть в том или ином виде (например, официальное руководство солдатами, либо дедовщина), самоутверждается за счет беспредела, беспонтовщины, суки мнят себя элитой. (Что касается земных желаний, то мне хотелось бы установления власти истинной

духовной, интеллектуальной аристократии.)

Какими бы недонемцами, недофранцузами ни были турки (что вполне понятно и объяснимо: память, отформатированная современными условиями, память о былом величии Османской империи), их стоит уважать, азербайджанцам тем более, по крайней мере, за футбол и армию. «Bir millət, iki dövlət», две братские, граничащие друг с другом страны – и такая разница.

Как при подобном отношении к защитникам Родины мы сможем вернуть утраченные земли? Подобная разница в отношении к солдатам между Турцией и Азербайджаном в очередной раз заставляет задуматься о том, что азербайджанская нация результат многочисленных не то чтобы смещений (в этом случае мы имели бы нечто совсем иное, вроде русских, американцев, на худой конец аргентинцев), а напластований, «азербайджанская нация» – слегка взболтанная солянка, 3 ингредиента устанавливаются с ходу: тюркская кровь, персидская и арабская. Это на поверхности, а сколько кровей, племен, верований на глубине?! Конечно, у турков в крови примесей гораздо меньше по сравнению с нами, турки – установившаяся нация, конкретный этнос.

По словам Аяза, его командир-наркоман в то же время правоверный мусульманин, совершающий намаз. Необходимо выбрать подходящее время и приступить к внимательному чтению Ветхого, Нового Завета, Корана. Именно в том порядке, в котором были ниспосланы Книги с тем, чтобы увидеть, как, в какую сторону трансформировались первоначальные постулаты и откровения, и, если удастся, почувствовать изменения в политической составляющей этих Книг, ибо наличие человеческого фактора в писаниях, политики несомненно. Интуитивно ощущается неземное происхождение всех трех, но, возможно, политика в них – дело рук человеческих, несанкционированные привнесения, ставящие целью, например, «дарованную Богом» власть над соседями.

Сущность религии – этика деяния, поступка. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что ислам, по сравнению с иудаизмом и христианством, более «политизирован», направлен как на доминирование над соседями, так и на ограничение варварства своих. Видимо, это связано с комплексами, которые испытывали отсталые арабы-кочевники по отношению к кузенам-евреям, основавшим как иудаизм, так и христианство. Ислам утвердился в некоторой степени постмодернистски, цитатно, фрейдистски, вобрав в себя уже существующие наработки (запрет на свинину, обрезание и пр.). В любом случае, вопрос требует глубокого изучения. А пока очевидно, что религия – являющаяся формализованной верой, сопряжена с немалой долей неискренности, особенно в массовых проявлениях. К ней (например, исламу после обретения Азербайджаном независимости и образовавшегося духовного, социального, интеллектуального, но в первую очередь идентификационного вакуума) прибегают лентяи, не желающие проделать собственную духовную работу, принимающие чужие открытия, отшлифованный путь, ведь так легче. Хотя, каждый должен обрести Бога через свой путь (помня о пути других), без посредников. Чистота помыслов, деяний – это память о Высшем и это делает лишним «посредников», приближая нас к Тому, кто нам наиболее близок. Эта максимальная близость выражена в языке: даже сейчас встречаются семьи, где ребенок обращается к родителям на «вы». Но к Нему, мы всегда обращаемся на «Ты».

Вспомнил передачу по ITV, где выступали представители различных конфессий. Разговор шел о www.kitabxana.net – Milli Virtual Kitabxana

толерантности азербайджанцев. Один из зрителей, присутствующих в зале во время съемки, сам того не ведая, выдал замечательную вещь: «Мы настолько терпимы, что здесь [т.е. на территории Азербайджана] побывали все религии: зороастризм, христианство, ислам, который является последней [и для нас главной] религией». О чем это говорит? Либо о бесхребетности проживавшего здесь населения, которое в отличие от грузин и армян не смогло/не захотело сохранить религию предков; либо о том, что писалось выше: отсутствие тогда (и сейчас) единого идентификационного центра; либо о глубоком безразличии, а религиозности, может быть, даже атеистичности, ведь и сейчас Азербайджан среди стран исламского мира, стран с преобладанием исламского населения наименее верующ, религиозен на уровне обрядовости (невооруженным глазом видны сращения ислама с языческими обрядами).

Язык – прекрасный показатель во всем (если умеешь видеть и не попадаться на его ловушки). Азербайджанская армия возродится тогда, когда солдаты и их руководство приучатся говорить *çəkmə* вместо *patinka*, *ıcazə* вместо *palojna* и т.д.

По словам Аяза, среди мучающих его дедов есть маштагинцы. Когда мы уже возвращались в Баку, получилось так, что нашим попутчиком оказался животастый, усатый маштагинец с четками в руках, который после пары дежурных приветственных фраз незамедлительно выпалил: «Сам я из Маштагов». Ложась спать, он снял носки (хотя было довольно холодно), но утром оказалось, что это вовсе не носки, а длинные бежевые женские колготки, разрезанные пополам и эксплуатируемые достопочтенным джигитом в виде гольфов.

В понедельник утром 05.11.07 в 06:15 мы уже были в Баку.

07.11.07

Работать над...

...üzərində işləmək

work at/on...

Сочетание глагола с предлогом говорит нам об идее возвышения, содержащейся в работе. Следовательно, чем выше объект работы, тем больше возвышается рабочий. Высшая ступень: «работа над собой», что подразумевает критическое отношение к себе, самоотстранение, в результате чего сокращается дистанция между личностью и Абсолютом.

dəssal (араб.) – лжепророк, лжемессия

dəsəl – озорник, непоседа и т.д.; ряд слов, обобщающихся под смыслом «суетливый»

Если эти слова действительно однокоренные (наподобие məktəb, məktub, kitab, katib), то можно сделать вывод от противоположного: Бог – абсолютный покой.

«Ни бельмеса не понимает»; бельмес – bilməz

шарлатан – şərlədən, şər atan

Дочитал «Годы оккупации» Юнгера. В записи от 5 января 1948 г. пара фраз о письме от Банин и заботливая сноска переводчицы: «Банин (Umm-el-Banine) (1905 – ?) – писательница и переводчица, эмигрировавшая после революции с семьей из Азербайджана. Банин была поклонницей творчества Юнгера, сама ему написала, после чего они встретились и подружились. Юнгер ее часто посещал в 1942-1944 гг. в Париже. Они сохраняли дружеские отношения всю жизнь. В литературе упоминаются ее мемуары: Banine. Recontres avec Ernst Junger. Paris, 1951».

Вспомнил о статье Гасана Гулиева «Банин: на пересечении литератур» в «Дружбе народов» мартовского выпуска 2006 г., целиком посвященного азербайджанской литературе. Вот выдержка оттуда:

«<Банин с Юнгером> познакомилась, когда тот, офицер германской армии, служил в Париже. <...> он прочитал роман Банин «Нами». Затем началось знакомство, которое продолжалось вплоть до смерти писательницы.

Банин стала посредником Эрнста Юнгера в его литературных делах в Париже, переводила его статьи на французский, посвятила ему три книги – «Встречи с Эрнстом Юнгером» <1951>, «Портрет Эрнста Юнгера» <1971>, «Разноликий Эрнст Юнгер» <1989>.

К сожалению, ни эти три книги Банин, ни произведения самого Эрнста Юнгера «Гелиополис» и «Парижский дневник», в которых есть немало страниц, посвященных Банин, неизвестны нашему читателю и сегодня».

Если перевести 5 этих книг на азербайджанский, то мы в итоге получим не разрозненные тексты, а единый контекст, даже больше – научный аппарат, который и при минимальной с ним работе

автоматически поднимает статус современной азербайджанской филологии, не говоря уже о стимуле для молодых местных писателей. Каких-нибудь 15000\$ хватит и на гонорар переводчикам (можно привлечь турков), и на качественное издание, и на должную раскрутку. Благодаря подобным чудесным сцеплениям, говорящим о том, что хаоса нет, что всё едино, азербайджанская литература, гуманитаристика в целом, сможет в несколько раз сократить разрыв, отделяющий ее от настоящих достижений, более-менее компенсировать потерянное время и сберечь время грядущих поколений.

12.11.07

Увиделись с Гамидом, он передал мне свою новую книжку стихов. Гуляли по Эрменикенду, зашли к Симе-ханум – матери покойного Айдына Эфенди, вспоминали его: не уберегли, кушайте, кушайте, до сих пор помнят и любят, почему так редко, Гамид, внук подрастает, стареем, ешьте, а то остывает, все умрем...

Из ее беседы с Гамидом узнал, что он сидел в изоляторе КГБ. Потом, когда вышли, спросил и он ответил, что да, пару-тройку раз было дело, в начале 90-х.

«Осенний вечер в скромном городке», опаль в лужах, одинокие силуэты, сумерки, прикипшие к стенам, но нет ощущения безысходности, наоборот, в подобные вечера надежда на новую землю и новые лучшие небеса становится осязаемой.

Самым удивительным в этот вечер, в гостях у Симы-ханум, когда после нас пришла сестра Айдына Ирада и мелькала в общей беседе, было то, что в какой-то момент я поймал себя на мысли, что вся эта сцена: эта комната, лица Симы-ханум и Ирады уже снились мне несколько месяцев назад с поразительной отчетливостью, хотя сегодня я впервые их видел.

14.11.07

Туркер, Таир пригласили на концерт в консерватории. Их вещи и запомнились/понравились мне. Всё остальное – насквозь предсказуемая «вода», вскипяченная на ложном драматизме. Воистину, терпеть ложный драматизм в музыке (в качестве слушателя) гораздо мучительней, чем в других видах искусства, ибо природа музыки такова, что она разыгрывается -на-пустом-месте. Таировская вещь понравилась прозрачностью и срывами в экзальтациях, что говорит о вкусе, внутреннем такте композитора. Но больше понравилась виолончельная соната Туркера: в ней слышна была не только борьба с материалом (чего я не услышал в других вещах, прозвучавших в этот вечер, казалось, они порождены одной всеильной властью инерции, обезличившей авторов, не сумевших вывести линейный поток звуков на иной, мета-уровень элементарным «вмысливанием» в уже прозвучавшее, на худой

конец, с помощью иронии, т.е. не принципиально какого отстранения от самого себя, от своего мелкого эго. «Неповторимая, уникальная личность пишущего» первый враг истинного творчества. Инерции, обезличившей авторов, противостоит «отсутствующий автор», например, как это было у Туркера, в сонате которого лично я услышал массу аллюзий, ссылок, вплоть до скерцо си-минор Баха. Т.е. его вещь была некой воронкой, водородом, втянувшим в свою орбиту, желающим втянуть в свою орбиту максимум, в идеале, всю полноту бытия. Правильно: чем меньше виден автор, чем меньше он занимается самовыражением, тем больше слышно музыки.), но и преодоление материала. Понравилось, что «комическое» в начале сонаты не захватило смысл пьесы целиком, не вытеснило суть, а органично растворилось в общей ткани и в последующих кристаллизациях носило эффект разрыва, отстранения: человек говорит и время от времени всматривается/вслушивается/вмысливается в собственную речь, в уже сказанное, задаваясь вопросами вроде: что такое речь? а почему я вообще говорю? почему я говорю так, а не иначе? Это один из способов возвыситься над банальностью – языком, либо 12 нотами, ведь, как ни крути, работаешь с чужим материалом, не изобретенным тобой алфавитом, последовательностью исходных звуков, заляпанных тысячами чужих, бывших до тебя присутствий. Безгранична наивность самовыраженцев, пришедших на готовенькое. Выражая свою уникальную, по их мнению, романтическую, демоническую, страстную, хренегознаеткакую личность, они не догадываются, что, например, Шопен уже выразил и свои, и наши страсти, земные страсти, кои неизменны.

Нам остается собирать разрозненное.

Как еще говорить о музыке, если не в абстрактных понятиях? Слова еще к чему-то отсылают («дерево» – ДЕРЕВО), к чему отсылает ми, либо какой-нибудь пассаж из Бартока? Истинная музыка (вообще, истинное искусство) всегда говорит о бесконечности. За звуками скрывается либо всё, либо ничего – плоскость.

Абстракция – достижимый при жизни вариант бесконечности. (Музыка || математика) И музыка самое идеальное (наименее связанное с реальностью) искусство; она говорит об идее реальности, а не о самой реальности.

После концерта всемером отправились в «Dadlı», где стоял густой запах неизвестного происхождения, точно не пищевого. Заказали джыз-быз, соленую капусту, огурцы, помидоры, свежие огурцы и помидоры. В самый ответственный момент в центре стола материализовался графин в виде виолончели, ликер «Strauss». Джыз-быз с ликером – очередное подтверждение того, что наш народ великий синтезаторщик.

16.11.07

Прогулка с Эсей. Маршрут: метро «Elmlər Akademiyası» => Ботанический сад => Аллея шейхов => бульвар/площадь Фонтанов. Хороший маршрут (прикинуть развилки и наметить другие).

В Ботаническом саду такой чистый воздух, что у нас, домоседов, привыкших к малопроветриваемым комнатам, разболелась голова, впрочем, ненадолго, наверное, потому, что как-никак оба живем на окраине, где природа еще не окончательно задавлена. Во второй раз голова разболелась, когда мы уже после замечательной кислородной ванны спустились вниз, в город; после очищения чувствуешь всю грязь, выхлопные газы, копоть города, вообще суетность «прогресса» обостренной, всем своим существом.

К сожалению, лишь несколько деревьев в Ботаническом саду поименованы: 1. Питтоспорум тобира (Япония) – узкие, чуть удлинненные листья, зеленовато-желтые одутловатые плоды, таящие красные клейкие семена. 2. Эльдарская сосна (Азербайджан). 3. Гледичия обыкновенная (Сев. Америка). 4. Клен полевой (Европа, Зап. Азия, Кавказ). 5. Дуб каменный (бассейн Средиземного моря) – как заботливо гласила дощечка, завезен и посажен в 1952 г. академиком Гасаном Алиевым. 6. Биота восточная (Китай). 7. Кипарис арizonский. 8. Кедр гималайский.

В мутной воде бассейна с золотыми рыбками отражался просвет в облаках, солнечная трещина, создавая эффект расплывшегося мазутного пятна, переливающегося фиолетовым, зеленым, желтым цветом. Когда облака на минуту высвободили светило, его отражение оказалось начищенной до блеска, до исчезновения кесаря серебряной монетой, неразменной монетой нищих бродяг, безумных мечтателей, коим довольно крупицы, чтоб ощутить всю полноту бытия.

Листва одного безымянного дерева содержала весь спектр красного. Эмира подобрала потрясающий кленовый лист: плотный, гладкий с одной, бархатистый с другой стороны, существующий.

18.11.07

Очередной вариант сокращения разрыва между азербайджанской литературой и мировой, требующий всего лишь знания об исходном тексте; этот способ решает еще одну задачу – развитие самого азербайджанского языка: например, «Упражнения в стиле» Раймона Кено – можно задумать коллективный сборник (памяти Кено) с характерными для азербайджанской ментальности и литературы <формальными> вариациями на одну тему Кено – эта «автобусная» тема достаточно знакома/близка нам, так что получится отличный джем-сейшн, при должном отношении к задаче, несмотря на всю ее игровую составляющую. Получится сборник фолк-джазовых импровизаций различных авторов на одну тему Кено (липограмматическую вариацию можно заменить на «dodaq-dəyməz», вариацию с галлицизмами на вариацию с арабизмами, фарсизмами, русизмами и т.д.).

(Предложить идею Расиму, либо самому потихоньку работать в этом направлении).

20.11.07

Размышляли с Эсей о матрице искусственного языка, совершенно логичного, легкоизучаемого и пр. Брали «легкое и логичное» из известных нам естественных языков (тюркские, романские, русский, английский): полное совпадение написания и произношения (почти как в азербайджанском); жесткий порядок слов (как в английском); приставкой не- образовывать отрицание (как в русском); антонимы обратным чтением/произношением, т.е. палиндромически; добавлением одной/двух букв образовывать множественное число (как в английском), временные формы как в английском; образовывать притяжательные местоимения от личных путем добавления неизменяемых окончаний, как в азербайджанском; вопросительные/утвердительные формы как в русском, а графическое оформление как в испанском, и т.д. Решили полностью исключить омонимию, категорию рода. Может быть, категория рода – самая нелепая, абсурдная структура языка, произвольная настолько, что, например, в различных естественных языках, имеющих категорию рода (русский, немецкий, романские) одно и то же существительное разного рода. Категория рода – «человеческое, слишком человеческое», возможно, элемент языческого сознания, бесспорно антропоморфна. Наверно, после крушения Вавилонской башни (во что следует верить и принимать, неважно буквально или метафорически) и смешения языков, есть те из них, которые наиболее приближены и наиболее удалены (по структуре, звучанию, логосу) от первоначального. Либо крупницы праязыка равномерно или неравномерно присутствуют во всех естественных языках за всю историю человечества. Я пока полностью убежден в том, что в любом естественном языке есть как верные указатели, так и ложные (например, категория рода).

После того как собрали с Эсей «легкое и логичное», решили ознакомиться с устройством эсперанто, с которым, к нашему стыду и стыду наших филфаков, не были знакомы до сих пор и не хотели до непосредственно размышления ради чистоты эксперимента. В итоге – почти стопроцентное совпадение структур, что ничуть не удивительно. Впереди следующие вопросы и цели:

1. ознакомиться со структурой других искусственных языков
2. можно ли усовершенствовать эсперанто?
3. подумать о матрице искусственного языка, противоположного эсперанто
4. выяснить что-либо о происхождении категории рода и омонимии
5. праязык, т.е. единый для всех язык до разрушения вавилонской башни (Бытие, 11) и райский, эдемский язык, язык Адама, один и тот же? Или Адам, лишенный Эдема, был лишен также и эдемского языка (в таком случае, праязык – лишь блеклый символ райского языка)?

Затем слушали Ивана Смирнова, чье устремленное в языческую глубину музицирование предстает в виде свального греха, где почти неразличимы крепко сплетенные славянские, шотландские, балканские и прочие лейтмотивы, и которое показывает, что «внизу», как и на «вершине», тоже всё едино, но только, может быть, со знаком минус. Впрочем, это «может быть» требует пристального изучения.

22.11.07

О прогрессе (конечной целью которого является достижение бессмертия либо, как минимум, ненасильственной смерти). Если и не счастье, то покой на земле, когда человек перестанет убивать человека, достижим при устранении психофизических/генетических факторов и оппозиции «свой – чужой», т.е. различий до однородной смеси/состава, либо при полном устранении/исчезновении (если таковое вообще возможно) этих различий. При отсутствии чуда, необходимо проделать невероятную работу для того, чтобы перестал звучать вопрос «Кто ты?», что возможно в том случае, если человек станет идентифицировать себя лишь с «сыном рода человеческого» без всяких последующих <идеологических> идентификационных наслоений. Цель (т.е. ненасильственная смерть, смерть в результате старения, болезней, несчастного случая) достижима при том условии, что на службу ей будут поставлены все наработки человечества, *universitas litterarum* [совокупность наук], но в первую очередь медицина (с ее возможностями высчитывания погрешностей <еще на стадии формирования плода>, и вообще, «исправления») и деконструкция, как практика, направленная на устранение идеологий.

Да, вышеизложенное – пик материалистической, но в то же время и гуманистической концепции, и только этот пик оправдывает идею прогресса/эволюции человека как биологического вида (как «сознательного животного»).

Но, написав, осознал, что это также глубоко авраамическая (и иудейская, и христианская, и мусульманская) идея [«Не убивай»; Исход 20:13, От Матфея 5:21-22, от Иоанна 13:31-35], наиболее гуманистически выраженная в христианстве в виде «Возлюби ближнего своего».

Вот, вот точка примирения, слияния материи и духа, общественной, этической, духовной и т.д. Эволюции. Эту «узловую» точку можно выразить, проще говоря, в следующих словах, выстраивающихся в нечто наподобье лозунга: «Люди, дождемся неминуемой смерти в мире [т.е. мирным путем, не убивая преждевременно друг друга, не форсируя события, не торопя смерть], согласии и справедливости». А осуществить эту идею можно, по-моему, в первую очередь с помощью медицины/генетики и деконструкции идеологий, так как человек существо биологическое и сознательное и убивает сородича за счет генетических (психических) особенностей и идеологических.

Смерть сопротивляется однозначной антонимизации, встраиванию в бинарную оппозицию, может быть, тем самым показывая свою всеобъемлемость. Сам язык подсказывает это нам: жизнь – смерть?

Рождение – смерть? Смерть – бессмертие?

Смерти как абстрактному объекту познания, чистому объекту философии противопоставить нечего, может быть, потому, что истинное «пробуждение сознания» начинается с факта осознания чужой и своей смертности, с/познание и есть сама смерть (детство заканчивается с момента осознания смертности). Вся философия пользуется умственными ухищрениями, чтобы перехитрить смерть – величайшую абстракцию с точки зрения самой философии, которая решила воспринимать ее именно так, отвлеченно, абстрактно, как объект для «высоких» размышлений. А в итоге тысячелетняя прокрутка на одном и том же месте. Смерти как абстракции противопоставить нечего и не надо биться головой о пустоту (одно дело биться головой о стену – есть мизерный, но шанс ее проломить, другое дело о пустоту – кроме бессмысленной головной боли от кивков ничего не добиться).

Хочу сказать, что когда дело доходит до смерти, надо размышлять о ее конкретности, ее конкретных проявлениях, разновидностях смерти, коих очень мало: насильственная смерть – убийство, жертва; ненасильственная смерть – в результате старения, болезней, несчастного случая; самоубийство ; самопожертвование. Таким образом, философское (либо нефилософское – когда дело касается смерти это «не» не имеет никакого значения) размышление о смерти становится подчеркнуто этическим. Размышляющий ставит перед собой следующие вопросы:

1. можно или нельзя убивать (во имя чего-то/кого-то, ради кого-то) по тем либо иным причинам?
2. можно или нельзя совершать самоубийство <...>
3. можно или нельзя совершать самопожертвование <и т.д.>
4. достижима ли и как земная утопия – всеобщая ненасильственная смерть, т.е. «отмена» убийства.

1. Пока не достигнута утопия (пункт №4), убивать можно и нужно в целях самозащиты и исходя из принципа «Око за око, зуб за зуб».

2. Можно, чтобы покончить с невыносимым физическим либо духовным/душевым/моральным страданием; или же исходя из желания умереть своей и только своей смертью – мы не способны отменить ни факт своего рождения, ни неминуемость смерти, всё, что можно сделать/противопоставить – это опередить ее, выбрать «свою» смерть, уйти по собственной воле, тем самым обретя минимальную свободу от ее диктата. Самоубийство, как желание умереть только «собственной» смертью, как уход по собственной воле – это не вопрос силы или слабости, либо чего-то еще, а в первую очередь проблема эго. Т.е. такое самоубийство вызывает следующий вопрос: что лучше? Уйти по собственной воле, либо остаться и пытаться уменьшить страдания других?

3. Можно..., но...

4. Тут уже «да» или «нет» не имеет значения. Все силы должны быть устремлены в этом направлении. Цель достижима с помощью просвещения, медицины/генетики, уничтожения идеологий. (Если даже не

достижима, то число насильственных смертей можно реально сократить).

Таким образом, смерти как таковой можно противопоставить, бросить ей вызов, обрести свободу из-под ее диктата посредством:

1. «отмены» убийства с помощью просвещения, генетики, деконструкции идеологий
(даже после изгнания из Рая состояние райскости все еще длилось вплоть до первого убийства)
2. самоубийства
3. самопожертвования
4. отказа продолжать род
5. памяти об ушедших
6. непредсказуемого творчества (вмещающего память об ушедших)

Каждый лелеет свою утопию, и я мечтаю о таком будущем, в котором невозможно будет осуществить убийство, но останется место для самоубийства и самопожертвования.

Наитягчайший грех – отнять убийством «собственную смерть» человека, единственное его достояние. Каждый должен выбрать свой путь или несколько из вышеперечисленных путей: одни могут бояться самоубийства и в этом страхе нет ничего постыдного, другие могут быть неспособны на (непредсказуемое) творчество либо на самопожертвование, но помнить об ушедших, в той или иной степени бороться за отмену убийства обязаны все, а вместо продолжения рода подумать об усыновлении брошенных не только экзистенциально, но и родителями детей.

За исключением отдельных людей, человечество еще не доросло до самого себя.

23.11.07

Ум – умение задаваться вопросами или задавать вопросы, исходя из наличного опыта и знания, удерживаемых памятью. Опыт – это всегда свой опыт, знание – усвоенный чужой опыт.

Мысль – результат [ответ] самовопрошания.

? мысль – всегда результат самовопрошания, даже если высказана другим, даже если высказана в форме вопроса? Самовопрошание вызвано принципиальной невозможностью обладания полнотой знания.

Мысль = (свой опыт + чужое знание) x ум

скобки памяти

И ум, и опыт, и знание, и мысль существуют постольку, поскольку есть «хранилище» – ПАМЯТЬ.

26.11.07

Смерть, Язык, Память (сознание), Глухота (глухонмота).

Как в Азербайджане, да и вообще, во всех тюркоязычных странах могут соблюдаться права человека, если тюркские языки в личных местоимениях не допускают дифференциации по признаку «одушевленное – неодушевленное» и отправляют всех и всё в «О» – в дыру азиатского туалета?

Если бы я писал по-азербайджански, то в моих текстах одушевленные мужчина, женщина и неодушевленные существительные имели бы во всех смыслах этого слова «личные» местоимения (как в английском языке).

А о правах женщин я вообще молчу.

см. теорию Сепира-Уорфа

Высшая Этика формируется перед Смертью и Языком. Смерть и Язык формируют этику, которая в свою очередь может сформировать эстетику.

Текст – пространство неповиновения диктату Смерти и Языка.

Непредсказуемость языка [творчества; непредсказуемыми могут быть лишь темпоральные виды искусства, т.е. разворачивающиеся во времени – музыка, литература, кино, танец; фото или живопись могут удивлять, но быть непредсказуемыми не способны] против непредсказуемости смерти.

Непредсказуемость сюжета производна от /вторична к/ непредсказуемости языка, движения самого

письма, очередного неугадываемого слова и по сути незначительна. Тут опять вспоминается мандельштамовское «надо знакомить слова». Итак, повторю:

Непредсказуемость Языка против непредсказуемости Смерти!!!

(Текст, являющийся сплошной чередой отклонений от первоначального бестемья.

Создавать и разрушать лишь вымысел, органично ответвляющийся от общей текстуры.)

Писать, не считаясь с категорией рода:

1. Абсолютный протест, например: Светил яркая солнце.
2. Предельный аскетизм; ничего не нарушая. В таком случае придется отказаться от прошедшего времени, притяжательных и указательных местоимений, прилагательных, порядковых числительных и т.д., например: Светит солнце, машина тормозит у подъезда.
3. Конспективный вариант, брать только корни (предпочтен Эсмирой), например: Светит ярк солнце.
4. Синтетический вариант.

06.12.07

На мой взгляд, идеальная вещь/текст/ должна быть:

1. привлекательной, интересной, обольстительной, «желанной», эротичной
2. непредсказуемой
3. ненавязчивой, незапоминающейся, не поддающейся пересказу, и даже цитированию. В такой вещи отсутствует сюжет, не выдерживающий испытания фундаментальным вопросом: «что дальше?», рифмы, четкий ритм, сентенции, вообще «мысли».

Именно в вышеприведенной последовательности!

Фото, живопись (скульптура, архитектура) не способны быть непредсказуемыми. Они могут быть лишь удивительными, удивляющими. Но главное – они обладают насильственной, тоталитарной природой: фото, картина, плакат, лозунг, памятник не дают воспринимающему возможность выбора, застают врасплох, обладают некой «неизбежностью». От плохой, некачественной, несоответствующей нашим эстетическим/этическим/идеологическим пристрастиям книги, стихотворения, фильма, музыки, танца (т.е. временных видов искусства) можно отказаться через пару-тройку страниц/строк-строф/минут, но фото/живопись и т.д. воспринимаешь целиком и сразу и лишь потом можешь «отказаться», после того как они, пусть краткосрочно, но целиком стали фактом твоей памяти.

(Обсуждали с Эсей очередную утопию. Кстати, вполне осуществимую, хотя это потребует годы, возможно, десятилетия упорной работы: книга, целью которой был бы охват всех слов, существующих в языке; книга, исчерпывающая язык, такая книга есть – это словарь, но мы говорим об авторском тексте, индивидуальном преломлении Системы, субъективной фильтрации языка, являющейся по сути одним из возможных выходов к Подлинному молчанию.

Легкие пути – написать такую книгу на искусственном языке (например, эсперанто), либо слаборазвитом (например, суахили, даже азербайджанский) языке, или в виде центона/коллажа.

Несомненно, именно такая книга могла бы стать истинной вершиной той либо иной национальной литературы.

Литература по сей день меньше Языка, даже в случае Пруста и Джойса; говорят «язык и литература», преподают «язык и литературу». Нужно попробовать перевернуть оппозицию «язык > литература» и добиться «литература ≥ язык». Равность обеспечится исчерпанием всего словаря, а большинство авторскими неологизмами.

Читатель, от начала до конца прочитавший такую книгу, не способен будет быть читателем-самкой, любой осиливший эти 10-20000 страниц неизбежно будет равен автору в величии подвига.

Такая книга означала бы освобождение от соблазна языком.)

Морис Бланшо, «Взгляд Орфея»: «Чтобы писать, уже нужно писать. В этом противоречии кроются и сущность письма, и тяготы опыта, и прыжок вдохновения».

Изнанка идеального текста – бесконечность, которую память не способна присвоить; бесконечность всеобща.

Yaddaḡ = yad + daḡ Память – чужой/чуждый камень.

14.12.07

С Таиром и Туркером просмотрели «Смерть в Венеции» Висконти. Фильм мне за исключением пары кадров (и заключительной сцены) не понравился: так претенциозно, символично, с навязыванием смысла. Может быть, как иллюстрация к музыке Малера он хорош, но как кинофильм (т.е. синтетическое искусство: изобразительный ряд + литература + музыка) лично для меня, он не представляет интереса, не дает наслаждения, не включает интеллектуальную работу (так как он полностью ясен, понятен, и сверх того, пытается навязать эту ясность).

Но не за что упрекать Висконти, если он хотел только лишь акцентировать музыку, превратив изобразительный ряд (=суть кино) в нечто вторичное, аккомпанирующее. Например, если бы этот фильм снимал эстет Гринуэй, картинка не то чтобы «заглушила» бы музыку, а сделала бы ее незаметной, фоновой.

17.12.07

17 декабря – годовщина смерти Руми. Выдержка из книги «Суфизм» Эрнста Карла: «Например, в собрании газелей Руми можно видеть, как выглядят три или четыре параллельно приводимых варианта одного и того же стихотворения – с той же самой рифмой и тем же размером, часто с рядом перекликающихся строк. Это скорее поэзия в ее становлении, нежели завершенное писание».

Ср. с вариантами Мандельштама!

Множественность смыслов не иерархична, а веерична, не вертикальна, а горизонтальна.

Неповторимым, во всех смыслах этого слова, может быть лишь незапоминающееся произведение, текст.

Запоминается тот текст, который не вызывает «запинаний» при чтении, т.е. гладкий текст, предсказуемый.

Запоминающийся текст/текст, рассчитанный на запоминание, повторение, уже вторичен сам по себе, сам в первую очередь является собственной вторичностью, тем самым провоцируя дальнейшие повторения, дальнейшее эпигонство.

(Идеал – это текст > память, что встречается крайне редко; подумать о том, равны ли вообще

оппозиции, например, что точнее: жизнь = смерть, или жизнь < смерть?)

Об одном нужно помнить – о своей и чужой смертности.

Memarlıq и memuarlıq (см. также англ. memorial) – архитектура/зодчество и мемуары единственные «полезные», «прикладные», функциональные в материальном смысле виды искусства.

Азербайджанское баяты:

Bu qala bizim qala,

Həmişə bizim qala,

Tikmədim (ki), özüm qalam,

Tikdim ki, izim qala.

Построенное для других и написанное о/для других (творчество, из которого изгнано эго) позволяет оставить свой след, наследие, наследство.

19.12.07

Правильнее было бы употреблять не «избитая» [мысль, фраза и т.п.], а «избытая», т.е. уже бывшая в употреблении, примелькавшаяся.

«Сплющить», «приплюснуто» – видимо, от «plus».

Выбор, выбирать, избирать – видимо, от тюрк. «bir»

Выражение «başa salmaq» кажется носителям языка настолько нормальным, точнее, нейтральным (наверное, из-за низкого интеллектуального и этического уровня этих носителей, либо из-за отсутствия масштабного билингвального опыта), что никто не замечает его грубости, которая раскрывается при точной передаче смысла на ином, например, русском, языке: «втемяшить». Нейтрально: aydınlatmaq, anlatmaq.

Идея эксперимента в духе Кено: написать по-азербайджански текст, состоящий сплошь из таких вроде

бы нейтральных слов/фраз, и привести следом точный [а не буквальный!] перевод на русский, взрывающий ложную нейтральность, псевдосакральную нейтральность.

Можно проделать то же самое с русским языком, ибо эта фальшь присутствует во всех языках. (Даже азербайджано-русский словарь, составитель Х.А. Азизбеков, фиксирует «başa salmaq» как «объяснять, объяснить, разъяснить, растолковать» без пометки «груб.» или «разг.»).

Построить этот эксперимент так: 1. псевдонейтральный текст на азербайджанском, 2. его точный перевод на русский, 3. нейтральный текст на азербайджанском, 4. его точный перевод на русский.

«Südəmər» тоже? – грудной/молокосос

интерпретация выше творчества?

не творчество изменяет мир, а интерпретация?

26.12.07

После прослушивания «Сонаты для скрипки соло» Бартока рок-музыка представляется мне музыкой лентяев, созданной для лентяев. Вообще, после Бартока существование 95-97% композиционно завершенной последовательности звуков (уже даже не хочется употреблять слово «музыка»), классифицируемых в жанре «рок», неоправданно ни этически, ни эстетически.

Presto с 03:10 до 03:26

16.03.08

Наивысшее из имен Аллаха, доступное человеческому пониманию в этой жизни, – это Səbr, терпение/смирение [перед Его волей, какой бы она ни была]?

Итак, нам остается ожидание, великое ожидание той жизни, ибо здесь, по сути, нечего ловить. Может быть, величайшая миссия человека на земле – это учить других терпению, смирению и поддерживать в них веру в Бога. Ожидать, терпеть, смиряться, верить, благодарить. А помогать? А бороться?

Но как ожидать – западный путь или путь намаза? Ожидать в расслаблении или в аскезе? Хочется

сформулировать высший этический и постфактум эстетический принцип в этой жизни.

Səbr в эстетике – это отсрочка смысла (Бланшо, Деррида).

Никто не придет, тем более, к пробудившемуся, но пробудившийся не должен становиться пробудившимся. Победил ли ушедший в нирвану до конца собственное эго? Надо ли помогать??? (может быть, и здесь притаилось эго и надо всё пустить на волю Аллаха)

Возможно ничто ничему не противоречит. Можно ли прочесть Коран с этой точки зрения?

* * *

30-го марта 2008 года перевели часы с 4.00 на 5.00, на час вперед. Всю ночь я не мог уснуть, читал Коран, писал стихи («Терпи моё сердце, мой мозг и душа...»). На рассвете лёг в постель, но было такое чувство, будто сквозь всё тело проходит матрица (точно такое же ощущение было перед психозом в ночь со 2-го на 3-е января, когда даже пот, стекающий у меня со лба, – две струйки пота, – были единицей и четвёркой), ноги непроизвольно складывались в 1 и 9. Я успокоил маму и отправил её спать в соседнюю комнату. А сам в 07:20 вышел тихонько из дому за молоком, действительно, очень хотелось молока. Мобильный телефон я оставил дома, так как думал, что в нём нет надобности, ведь я собирался вернуться минут через пятнадцать-двадцать. Вечером в кармане было 26 манат (26 сура «Поэты»), 5 манат из них я отдал дяде на стрижку. Итак, в кармане оставался 21 манат (21 сура «Пророки»).

Почему-то я решил отдать все деньги первому попавшемуся человеку. Им оказалась пожилая женщина, которую я встретил буквально через 40 метров после выхода из ворот. Я спросил у нее, где она работает. «Уборщицей в Доме Советов, – ответила она, – сыновья прилично зарабатывают, но не помогают». Я представился внуком Джаби, племянником Имруза и почти насильно вложил все деньги в ее морщинистую черепашую ладонь. И стал идти прямо, за Солнцем, никуда не сворачивая, забывая о цели своего выхода, о молоке. Перешел кинотеатр «Баку», дошёл до Гюнешли, до огражденной колючей проволокой территории, утыканной энергостолбами.

Забравшись на небольшую мусорку, думал, что же делать дальше, не решаясь скользнуть в колочее отверстие, откуда выбежала собака, трусливо поджавшая хвост. Тут показался подросток (похожий на моего двоюродного брата Азера).

– Что это за место? – поинтересовался я у него.

– Это территория МНБ, если пройдешь сквозь проволоку, сразу же сработает сигнализация, и тебя схватят.

– Кого ты любишь на свете больше всего? – спросил я.

– Родину, маму.

– А больше них, сильнее них кого ты любишь?

Задумавшись на секунду, он ответил:

– Бога.

– Ты совершаешь намаз?

– Нет, у нас мама совершает намаз, а я пока не могу, это так сложно в наше время.

– Да, понимаю, я тоже пока не могу. Дай покурить и скажи, пожалуйста, как обойти это место и выйти снова на прямой путь?

– Вон, слева, через кладбище, но будь осторожен, там стая одичавших собак.

Поблагодарив его, я продолжил путь, прошел через кладбище, оглядываясь на омытые предутренней росой портреты умерших. Подумал о том, что МНБ каким-то образом использует энергию мертвецов.

Я снова вышел на прямой путь и добрался до гигантского конуса, увенчанного распростершим крылья орлом, хищно вытянутая шея которого напоминала чешуйчатое тело змеи. Я насчитал, если не ошибаюсь, 17 кругов, составлявших сей конус. Я обошел фигуру и заметил выполненную будто бы углем надпись: «Nicat + Azad + Murad = 12 Qardaşlar». Потом подошел к таксисту и спросил у него о том, кто установил эту статую.

– Не знаю. Скажи сам, ведь ты сам знаешь, иначе не спрашивал бы, – ответил он, пристально и чуть лукаво взглянув на меня.

– С чего это ты взял?

– Твое лицо лучится светом (сура 24, «Нур»).

– Как выйти на прямой путь?

– Впереди тоже есть статуя, статуя льва, дойдешь до него – поднимайся выше.

Я дошел до разинувшего пасть льва (он выглядел достаточно комично), смотрящего на плакат с изображением Гейдара и Ильхама Алиевых. Приглядевшись к выкрашенному в известку постаменту, я обнаружил следующую выщербленную на нем надпись: «N+V+W». W было орлом, держащим в левой лапе пучок из 13 стрел. Лев мне сильно не понравился, я принял его за идола. Я взобрался на постамент, обошел фигуру, закидывая ее камнями. Сошел, испачкав всю куртку известкой, и стал подниматься

выше. Спросил у повстречавшегося слесаря, где можно найти воду, чтоб смыть пыль.

– Тут рядом, направо, в маленькой будке.

Дорогу преграждало средних размеров деревце, усеянное шипами.

– Поможешь мне сдвинуть его? – спросил я.

– Ты же запросто можешь его обойти.

– Нет, я хочу идти прямым путем.

– Да ты что, шутки со мной шутишь?!

– Ладно, сам разберусь.

Я убрал дерево с дороги и подошел к будке, на которой краской была выведена ругань в адрес того, кто посмеет помочиться внутри. На двери болтался незапертый замок. Я его снял и оглянулся внутри: горела газовая плита, на грязном столе стояла полупустая пластиковая бутылка «Вонаqua», на маленькой койке валялась куча тряпья. Не найдя воды и даже не думая воспользоваться остатками минералки, я попросту снял куртку и бросил на койку. Затем вышел обратно на дорогу и стал подниматься выше, никуда не сворачивая, идя лишь прямым путем. Через несколько метров на трассе увидел дохлую кошку, прямо-таки пышущую здоровьем. Будто ее нарочно задушили и бросили сюда. Я присел на корточки и взглянул в ее белые зрачки. Они были изумительны.

Пройдя еще пару десятков метров, справился у старой метельщицы, куда ведет этот прямой путь.

– Он ведет все прямо и прямо.

Выждав несколько секунд, спросила – в вопросе смесь трогательности и некоторой озабоченности – тихо:

– Сынок, ты тоже болен?

– Нет, а в чем дело?

– Да мой сын точно так же выходит из дому, он душевнобольной, притом сильно пьет и не может найти дорогу обратно. А ты, ты можешь возвращаться?

– Да, я поэт и переводчик. Со мной все в порядке. Спасибо.

Я прошел дальше, хотелось пить и где-нибудь присесть. Тут я увидел траурную палатку, разбитую слева от меня. Подошел, поздоровался, пролетел «Allah rəhmət eləsin», сел и попросил попить. Мне принесли стакан кипятка и шесть фиников в блюдечке. Я отпил и стал рыдать, думая, видимо, о бренности всего сущего. Ко мне подошли, спросили, в чем дело, на что я мотнул головой, вкладывая в этот жест слова «ничего, все в порядке», попросили пройти в головную часть палатки, на что я опять ответил отрицательно. Выпив полстакана кипятка и съев пять фиников, я поинтересовался именем

успокоившего человека. «Тамара», – ответили мне. Я тут же вспомнил надпись на конусе, последнее приплюсованное имя «Мурад», согласные буквы которого за исключением завершающей (да и та составляет пару с «т») были теми же, что и в «Тамара». Сразу выстроилась цепочка: март – Мурад – Тамара – morte – смерть. Поблагодарив за все, я вышел и снова стал идти прямо. Солнце уже целиком светило на горизонте, и я обрадовался, что сбросил в будке куртку (перед выходом из дому я надел зеленую шерстяную водолазку и новые шерстяные носки. NB: шерсть – суфийская параллель). Через, наверное, полчаса я был на сураханском круге. Этот круг огражден решеткой, а внутри одноэтажный дом, статуя мальчика и коня (At muraddi), какая-то цистерна. Нестерпимо хотелось помочиться. Я постучался в дверь, вышел молодой мужчина в укороченных на ваххабитский манер брюках с, видимо, дочкой. Я подозвал его и попросился сходить в туалет.

– Нет, – ответил он, – здесь нельзя, вот попробуй там, в пролеске.

– Ты совершаешь намаз? – спросил я.

– Нет.

Я извинился и снова стал идти прямо. В мозгу, как птица, мелькнула мысль: дойти до острова Пираллахи, постучаться к Эсмуре, сделать с ней ребенка и двинуть дальше по эстакадам, уводящим в море, тем эстакадам, у подступа к которым нас с Иличевским собиралось схватить МНБ. Мне показалось, что эти эстакады идут по всему морю, доходя до Ирана, и что я должен ступить на них как Христос на водную гладь и, в конце концов, дойти до Мекки и совершить Хадж.

Но, видимо, неверно проследовав по указателям, я стал добираться до Мардакян. В какой-то момент я просто шел по середине трассы и мчавшиеся навстречу и сзади автомобили в миг равнения с моей головой создавали, казалось мне, эффект выстрела, пронзившего мозг. Лишь несколько раз на протяжении всего пути мне удалось поймать такси, раза 4-5, не больше, которые подбрасывали меня на несколько сот метров вперед, за что я их от всей души благодарил. Таким образом, я миновал Мардакяны и стал добираться до Шувелян. По словам жителей села, крайней точкой Шувелян была ГРЭС. И мне подумалось, что все бакинские села, выходящие к морю, имеют некий «выступ», уводящий по воде, например, в Иран. Но так как я шел прямо, или, как мне казалось, абсолютно прямо, то вышел не к ГРЭС, а к Шувелянской мечети. Оставил позади мечеть, мусульманское кладбище, христианское кладбище, где заметил среди крестов одинокую мужскую фигуру, и взобрался на холм, отчасти превращенный в мусорную свалку. В небе над холмом парила хищная птица (орел? ястреб?). Я стоял, и она приближалась ко мне, я шел к ней, и она от меня отдалялась. Холм завершался резким спуском, и я, уставший, не знающий, что делать дальше, кроме того, как беспрестанно идти вперед, присел на вершине передохнуть и принять решение. Внизу: череда стен (7 сура «Ограды»), несколько одиноких домиков, море. У подступа к первой стене слева, небольшое земляное возвышение, вырытое по бокам таким образом, что оно напоминало мне, смотрящему сверху, стрелку часов, показывающую

пять ровно. Вдруг за спиной я услышал шаги, голос, прошептавший в левое ухо «Остановись», в правое «Иди вперед». Подумалось – это один и тот же дух, становящийся в зависимости от ситуации то Сатаной, то Гавриилом (Джабраилом). Собравшись с силами, я сбежал, точнее проскользил на спине и ягодицах по крутому склону. Я шел настолько прямо, что не стал обходить огромный терновник, росший у склона, а, втянув кисти рук в рукава водолазки, раздвинул колючие ветки и прошел насквозь. На первой стене краской огромными белыми буквами была выведена следующая надпись: «Не прикасайтесь к камням». Было ясно, что некоторым удалось дойти до сих пор, и в память о своем подвижничестве они оставили мелкие камушки на стене. Недолго думая я перелез через стену. Прошел по пустоши, взобрался на другую, более высокую, прыгнул, снова пустошь и снова стена гораздо выше, метров пять высотой. Пока я плутал в лабиринте сомнений по поводу того, что делать дальше, прыгать или нет, хотя понимал, что вариантов нет и прыгать надо, казалось, все окружающие меня живые существа тоже пребывают в сомнении: жуки не могли выбраться из сплетения сорняков. Мнилось, вибрации моих сомнений передаются жукам. Наконец, я решил двинуться по стене направо, где у подножия была гряда кубиков, предназначенных для облегчения спуска (жуки тоже двинулись направо, выбравшись из травяного лабиринта). Осторожность во время спуска не помогла, и я грохнулся с пятиметровой высоты на левые ребра. Дикая боль, от которой выступили слезы на глазах, к моему удивлению, не смогла меня остановить, и я вышел на гладкую заасфальтированную дорогу (ребра болели ровно месяц, но рентген показал, что все в порядке. Помогло, наверное, то, что вешу немного, будь я на килограммов 9-10 потяжелее, без перелома не обошлось бы). Через несколько десятков метров увидел идущего мне навстречу мужчину в соломенной шляпе и вспомнил вангоговского «Жнеца», символизирующего смерть.

– Кто ты, как тебя зовут, откуда ты идешь?– спросил он жестко.

– Зовут Ниджат, иду по прямому пути. Добрался сюда из Ахмедлов.

– А ну-ка, иди сюда.

И я последовал за ним направо на земельный участок, огражденный стенами.

– А ну, расскажи-ка мне все поподробней, – потребовал он.

– Позови того, кто тут главный, я буду говорить с ним.

– Знаешь, что собой представляет это место?

– Нет.

– Это территория МНБ, и сейчас я позову автоматчиков. Тебе конец.

– Зови.

Он выкликнул какое-то имя и добавил: «Принеси топор!». Появился шести-семилетний мальчуган с огромным (до сих пор не могу разобрать, как он вообще смог его поднять) топором. Человек в соломенной шляпе, стоящий на расстоянии вытянутой руки от меня, поднял топор над моей головой и

спросил с четкостью, прозвучавшей в этот жаркий весенний день, в этой ситуации, в этом месте необычайно реально:

– Что такое прямой путь?

Ответ последовал незамедлительно:

– Ислам.

– Прочти «Фатиху», сейчас я тебя убью.

Никакого страха (я вспомнил повстречавшийся мне в пути рекламный плакат страховой компании: расколотая скорлупа грецкого ореха, но с нетронутым плодом, и слоган «Не удивляйтесь, всё застраховано»), глядя прямо в его глаза, я прочел «Фатиху» и «Ихлас», он шептал вместе со мной, а с окончанием последней фразы опустил топор и подозвал слева какого-то парня в темных солнцезащитных очках. Рассказав ему обо мне, человек в шляпе бросил:

– Может, свяжем его?

Парень в очках пожал мне руку, представившись (имени не запомнил, но в нем была частица «тюрк»), и спросил, кого я ищу. Я вспомнил надпись на первом круге конуса с орлом и выпалил:

– Своих братьев, Азада и Мурада.

Парень назвал пару имен и спросил:

– Кто они?

– Не знаю, – ответил я.

– А кого ждем мы?

– Не знаю, – ответил я опять.

Только сейчас я вспомнил о доме, о маме, о том, как она волнуется, ища меня, понял, что не имею права причинять ей боль, и сказал, что должен срочно идти домой, где меня ждет мать.

– Как ты сюда добрался? – еще раз спросил человек в шляпе.

– Через холм.

– Ты сидел на вершине?

– Да, и орел хотел сесть мне на голову.

– Отойди, отойди от меня, – сказал он, испуганно пятась назад, – я тебя боюсь.

– Извини, я не хотел тебя пугать, просто ответил на твой вопрос.

В эту минуту подъехал на «Жигули» некий дядя Рафи, так к нему обратился человек в шляпе и изложил суть дела.

– Куда ты идешь? – спросил он.

– Я пришел сюда по прямому пути, а теперь должен идти домой. Как мне добраться до дома?

– Иди так же прямо, сам путь тебя выведет.

– Ко мне больше не будут цепляться?

– Нет, иди.

Дорога давала большой крюк, и я, обессиленный, шел, опаленный солнцем справа и слева, обдуваемый ветром. Послышался лай, через несколько секунд в мою сторону стали приближаться три агрессивно настроенные собаки, видимо обитатели мусорки и христианского кладбища. «Аллаху акбар, Аллаху акбар», – стал говорить я в полный голос, не задерживая шага, и собаки, трусливо поджав хвосты, убежали прочь. Последовав за грузовиками, выносящими с этих мест песок, камни, то есть стройматериалы, я вышел на трассу. Нестерпимо хотелось пить. В какой-то момент я услышал за спиной стук женских каблучков, приближающихся ко мне, хотя трасса была пуста. И вновь стал говорить «Аллаху акбар». Звук шагов исчез так же, как и появился. Таким образом я дошел до селения Гала, сел на автобусной остановке передохнуть. Затем стал идти дальше, отдыхая на остановках (макам – суфийские стоянки). Ни одна из машин, которым я махал рукой, не подобрала меня. Какой-то хаджи, встреченный на попавшейся по пути авторемонтной, где он то ли менял свое колесо, то ли проверял радиатор, даже глазом не моргнув, когда я, изложив ему суть дела, попросил подбросить меня чуть вперед, чтобы я до ночи успел добраться домой. Махнув на все рукой, продолжил путь, уже не по самой трассе, а справа от нее – по утрамбованной земле. В голове возник образ: «Вот я сейчас прохожу по этой дороге. Я пройду ее до конца и трассу расширят. Затем по этому же пути пройдет кто-либо еще или вновь я сам, и трасса будет еще больше расширена и т.д. до бесконечности. В итоге, весь земной шар будет заасфальтирован для удобства, и все люди, взявшись за руки, совершат хадж вокруг Каабы». Не знаю, сколько уже я прошел и не помню, сам ли я попросил остановиться или притормозил водитель, но милостью Божьей меня подобрала машина. Рядом с водителем сидел молодой смуглый парень, чья коротко стриженная голова вся была в шрамах. Я попросил подбросить меня чуть вперед, а если возможно, до метро «Азизбеков». Последовал ряд обычных уже для меня вопросов.

– Чем ты занимаешься? – спросил тот, кто был в шрамах.

– Я поэт, переводчик.

– Можешь что-нибудь прочесть?

Я прочел «Вариацию на заданную тему».

– Ты ученый? Похож на ученого, твое лицо лучится светом, – сказал водитель, которого звали Самир.

– Нет, не ученый, просто немного начитанный, – ответил я.

– Почему ты совершил этот путь?

– Не знаю. Просто испытал в этом потребность.

– Дай мне номер, я позвоню к тебе домой и скажу, что везу тебя, чтоб мама не волновалась, – сказал Самир. Он позвонил маме, сообщив ей, что подобрал меня по пути, что все в порядке и что он привезет меня до самого дома.

– Государство обязано выплачивать тебе что-то вроде пособия, пенсии, – сказал парень, сидящий рядом с водителем.

– А с чего это ты взял? – спросил я.

– С тобой не все в порядке.

Мы подъехали к метро «Азизбеков», пассажир стал сходить.

– Ты совершаешь намаз? – спросил он.

– Нет, пока не могу.

– Так вот, тебе надо совершать намаз.

– А сам ты совершаешь?

– Да, было дело, потом бросил.

– Бросил? Как так? Почему же?

– Есть другие, высшие способы приближения к Богу, – с этими словами он попрощался и сошел.

Я пересел на его место и спросил у Самира:

– Почему он тебе ничего не заплатил?

– А я его, как и тебя, тоже подобрал по пути.

Минут через двадцать мы были дома. Часы показывали без двадцати пять. Значит, девять с лишним часов я был в дороге. Дочерна загоревший и безумно уставший, я повалился на кровать.

Через день у меня остался ночевать Таир, которому была рассказана вышеизложенная история. Мы решили пойти взглянуть на статую орла и льва. Подъехали к кругу, к орлу и увидели, что весь этот огромный покрытый ржавчиной конус выкрашен в белую краску. Таир приблизился к нему и потрогал рукой железо.

– Свежая, – сказал он, имея в виду краску. – А где же твое имя? А вот-вот, вижу, вижу, – добавил он.

Мы не поленились и поехали к статуе льва. Постамент тоже был выкрашен свежей известкой, на земле валялись кисть и ведро.

В очередной раз я удостоверился: пройденный путь очищает не только душу, но и все, чем окружена душа – от плоти до железа. И понял, что мой дом, моя кубической формы комната 4х4 и есть моя Кааба, что любой интуитивно, нерационально пройденный путь в итоге всегда приводит тебя, выросшего, окрепшего, уверовавшего, к близкому и родному, к дому, к самому себе.